Торндайк Л.

ИСТОРИЯ МАГИИ И ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ НАУКИ

и их связь с христианской мыслью в первые тринадцать веков нашей эры

Книга I
РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ

Торндайк Л.

ИСТОРИЯ МАГИИ И ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ НАУКИ

и их связь с христианской мыслью в первые тринадцать веков нашей эры

Книга I
Римская империя

2018

Торндайк Л.
ИСТОРИЯ МАГИИ И ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ НАУКИ И ИХ СВЯЗЬ С ХРИСТИАНСКОЙ МЫСЛЬЮ В ПЕРВЫЕ ТРИНАДЦАТЬ ВЕКОВ НАШЕЙ ЭРЫ. КНИГА I. РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ
М.: Клуб Касталия. 2018. — 296 с.

Перевод Елены ЛАМАНОВОЙ
Научная редакция
к.ф.н., БЕКАРЮКОВА Максима
Компьютерная верстка: Ольга ИВАНОВА
Обложка: Ольга ИВАНОВА

Содержание

1

ВВЕДЕНИЕ

Цель этой книги. — Охватываемый ею период. — Как изучать историю мысли. — Определение магии. — Магия первобытного человека; возникла ли цивилизация из магии? — Прорицание в Древнем Китае. — Магия в Древнем Египте. — Магия и египетская религия. — Погребальная магия. — Магия в повседневной жизни. — Власть слов, изображений, амулетов. — Магия и наука. — Магия и ремесла. — Алхимия. — Гадание и астрология. — Источники Ассирийской и Вавилонской магии. — Кто создал астрологию — шумеры или халдеи? — Число семь в Древней Вавилонии. — Тексты заклинаний древнее астрологических. — Другие способы гадания, отличные от астрологических. — Заклинания против демонов и колдовских чар. — Пример заклинания.
Материалы и средства магии. — Греческая культура не была свободна от магии. — Магия в мифах, литературе и истории. — Одновременный прогресс знания и оккультных наук. — Магия — основа греческой религии и драмы. — Магия в греческой философии. — Отношение Платона к магии и астрологии. — Аристотель о звездах и духах. — Фольклор в «Истории животных». — Различные способы передачи сообщения в древней восточной и греческой литературах. — Магический характер прямой передачи в греческих текстах сохраняется. — Прогресс науки у греков. — Архимед и Аристотель. — Научные достижения Эллинской эпохи сильно преувеличены.

«Магия существовала у всех народов и во все времена»
Гегель; «Лекции по философии религии».

Цель этой книги

Эта книга посвящена истории магии и экспериментальной науки и их связи с христианской мыслью в течение первых 13 веков нашей эры, причем особое внимание уделяется 12 и 13 векам. Полного обзора истории магии и экспериментальной науки за этот период еще никто не сделал, поэтому мне пришлось обработать большое число манускриптов. Магия в этой книге понимается в самом широком смысле этого слова и включает в себя все оккультные искусства и науки, суеверия и фольклор. Я попытаюсь оправдать использование этого термина с помощью всех источников, которые были мною изучены. Моя идея заключается в том, что развитие магии и экспериментальной

науки было тесно взаимосвязано, что колдуны и маги, вероятно, первыми обратились к эксперименту, поэтому история магии и экспериментальной науки станет более понятной, если изучать их вместе. Я также хочу сделать более понятной, чем это было для большинства ученых, латинскую науку средневекового периода (мы вообще очень плохо знаем ведущих ученых этого периода) и, вероятно, ни один вопрос не нуждается в освещении сильнее, чем тот, который мы затронули в этой книге. Законы, направленные против магии, народные приметы магии, преследование и казни ведьм остались за пределами моего исследования.

Изучаемый период

Сначала я собирался ограничить свое исследование 12 и 13 веками, то есть временем наибольшей средневековой продуктивности, но скоро понял, что этот период нельзя понять, не рассматривая творения греческих, латинских и ранних христианских авторов, которым он многим обязан. Если ученый, изучающий историю Византийской империи, должен знать историю Древнего Рима, исследователь средневековой церкви и романских языков обязан знать латынь, то человек, изучающий труды Константина Африканского, Винсента Бове, Гвидо Бонатти и Фомы Аквинского должен хорошо знать произведения Плиния, Галена, Птолемея, Оригена и Августина, Аль-Кинди и Альбумасара, из которых они многое позаимствовали. На самом деле, провести между ними четкую границу невозможно. Труды древних авторов сохранились, в основном, в их средневековом изложении; в ряде случаев есть все основания полагать, что они подверглись изменениям или дополнениям, а, порой, на их основе создавались совершенно новые работы. Во всяком случае, они дошли до нас благодаря тому, что средневековые ученые изучали их и ценили и, в значительной степени, сделали их своими.

Я начинаю свой рассказ с 1-го века нашей эры, потому что именно в это время возникла христианская философия, а потом появилась «История природы» Плиния, которая кажется мне самым лучшим исходным пунктом для исследования древней науки и магии[1]. Я закан-

---

[1] Многие из моих друзей советовали мне начать с Аристотеля, который был более крупным ученым, чем Плиний, но это увело бы нас слишком далеко в глубь веков, а я не чувствую себя специалистом, который смог бы достойным образом

чиваю тринадцатым веком или, если точнее, началом 14-го, потому что к этому времени средневековое возрождение науки уже выдохлось. Я сосредоточил все мое внимание на магии и экспериментальной науке в западной латинской литературе и научных трудах, а греческие и арабские труды затрагиваю только в том случае, если из них было что-то позаимствовано. Литературу на разговорных языках Европы я не рассматриваю, поскольку это были труды, переведенные с латыни или написанные необразованными людьми или теми, кто наукой не занимался.

Как изучать историю мысли

Вполне возможно, что я попытался охватить слишком многое и что-то упустил. По истории философии и искусства материалов и свидетельств сохранилось гораздо больше, чем по истории политики или экономики. И к тому же, они более надежные, поскольку поиски истины или красоты не требуют обмана или использования людских предрассудков, как это происходит при поисках богатств или власти. Более того, история философии более однородна и последовательна, более регулярна и устойчива, чем изгибы и колебания политической истории; по этой причине ее общие черты можно установить с большей достоверностью, даже если изучать ее на ограниченном числе примеров, если, конечно, они правильно отобраны и охватывают период времени достаточной продолжительности. Более того, мне кажется, что на современной стадии исследования и накопленного объема знаний, основательные выводы или даже новые гипотезы можно сделать на основе широкого сравнительного исследования, а не с помощью тщательного и утомительного изучения мелких подробностей одним человеком в течении многих лет. Опасность здесь заключается в слишком узком взгляде на вещи, чрезмерном преувеличении роли одного исторического деятеля или какой-либо теории, а также в невозможности изучить факты при полном историческом освещении. Ни одного средневекового автора, ученого или человека, занимавшегося магией, нельзя понять в отрыве от других, его труды следует рассматривать «в контексте его окружения и его предшественников».

изложить научные взгляды Аристотеля даже в этой книге. Я лишь упомяну о его влиянии на средневековую науку, и уделю особое внимание Псевдо-Аристотелю.

Определение магии

Некоторым может показаться странным, что я так тесно связываю магию с историей человеческой мысли, но это слово произошло от слова «Маг», что в Персии или Вавилоне означало мудреца. Словом «магия» греки и римляне обозначали творения и практики мудрецов. Быть может, это слово появилось еще раньше и происходит от шумерского или туранского *imga* или *unga*, что означало «глубокий» или «серьезный». Как мы увидим, точного значения слова «магия» даже в классические времена и в эпоху Средневековья никто не знал. Тем не менее, им тогда обозначали не только различные приемы, но и всю совокупность идей или доктрин. Магия представляла собой способ восприятия мира. Эта сторона магии иногда теряется в поспешных современных определениях, которые рассматривают ее просто как собрание ритуалов и праздников. Вполне возможно, что у первобытного человека и дикарей ритуалы не сопровождались почти никакими идеями. И до тех пор, пока эти действия древних людей не стали базироваться на творческом, служащем определенной цели, рациональном мышлении и не были связаны с ним, их действия нельзя называть религиозными, научными или магическими — границы между ними нет. Бобры строят плотины, птицы вьют гнезда, муравьи сооружают муравейники, но у них нет магии, точно так же, как нет религии и науки. Магия предполагает определенное состояние ума, поэтому ее нужно рассматривать с точки зрения истории мысли. С течением времени, когда образованные и просвещенные люди потеряли веру в магию, она деградировала и превратилась в низкие практики и верования невежественных и вульгарных людей. Именно такой смысл этого термина и был использован астрологами и применен к аналогичным действиям и понятиям первобытного человека и дикарей. Однако, мы можем зайти слишком далеко, если будем рассматривать магию как социальный продукт племенного общества: колдуны, по словам сэра Джеймса Фрейзера, были «единственным профессиональным классом» среди самых примитивных дикарей[2], но, следует

---

[2] Фрейзер неоднократно подчеркивал, что вся современная наука выросла из примитивной магии. Однако, Карвет Рид в своей книге «Происхождение человека», вышедшей в 1920 году, в главе «Магия и наука утверждает, что «ни в коем случае... нельзя выводить науку из магии», но это чисто логический и идеальный вывод, поскольку он все же признает, что наука находилась в руках «колдунов».

подчеркнуть, что их знания с самого начала считали профессией образованных. Именно благодаря книгам ученых людей мы и можем проследить историю колдунов и рост интереса к экспериментальной науке. Хочу добавить, что в своем исследовании я отношу способы прорицаний, включая сюда и астрологию, к магии, поскольку разделить их по фактам или по логике мне так и не удалось, что я продемонстрирую во многих случаях.

Магия примитивного человека. Выросла ли цивилизация из магии?

Магия — очень древнее занятие, и во вступительной главе я хочу представить ее если не в детском возрасте — ибо вопрос о происхождении магии вызывает жаркие споры, а ее корни, вероятно, уходят в те времена, когда еще не велось никаких записей и наблюдений, — то, по крайней мере, в таком виде, в каком она существовала за несколько веков до римской и средневековой эпох. Сэр Джеймс Фрейзер, в отрывке из своей книги «Золотая ветвь», который мы цитировали выше, пишет, что «колдуны имеются во всех известных нам диких племенах; и даже среди самых примитивных дикарей они являются единственным профессиональным классом»[3].

Ленорман в своей книге «Магия и колдовство халдеев» уверяет, что «всякая магия основывается на системе религиозных верований», но современные социологи и антропологи склоны думать, что магия гораздо древнее веры в богов. Во всяком случае, некоторые самые примитивные черты исторических религий, по-видимому, ведут свое происхождение от магии. Более того, религиозные культы, ритуалы и жречество — не единственные вещи, которые объявлялись менее древними, чем магия, и в значительной степени своим происхождением обязаны именно магии. Комбарье в своей книге «Музыка и Маги» утверждает, что заклинания используются повсеместно во всех

[3] Книга «Золотая ветвь» была написана в 1894 году. У.И. Томас в книге «Связь занятия целительством с происхождением профессиональных занятий» пытается опровергнуть тезис Герберта Спенсера о том, что именно врачевание положило начало всем научным и артистическим занятиям людей». Это заявление не противоречит словам Фрейзера, ибо для Томаса целитель — это скорее жрец, а не колдун. «Более того, отмечает Томас в той же самой книге, — все попытки дикаря установить контроль над окружающим миром, в форме теории или доктрины, были основаны на магии».

случаях жизни примитивного человека, и из них, благодаря религиозным песнопениям, возникла вся современная музыка. Короче говоря, магические заклинания «являются древнейшим фактом в истории цивилизации». И хотя колдун произносит заклинания, совсем не задумываясь об их эстетической форме или о художественном восприятии его слушателей, его чары, в самом зародыше, содержат все, что составляет искусство музыки. Пол Хьювелин, заявив, с такой же уверенностью, что поэзия[4], пластические искусства, медицина, математика, астрономия и химия «легко выводятся из магических источников», говорит, что собирается доказать, что это же справедливо и для законов.

Впрочем, недавно появились возражения против тенденции считать, что вся жизнь примитивного человека состоит из магии, и что все фазы цивилизации своим происхождением обязаны магии. Тем не менее, Р.Р. Маретт по-прежнему считает, что примитивный человек ценит магию выше, чем оружие или грубую эксплуатацию своих сограждан, и верит, что «более высокий уровень опыта, на котором находится мана, является тем, в чем духовный рост ценится ради самого себя».

Прорицание в древнем Китае

Из пяти классических произведений, включенных в Канон Конфуция, «Книга перемен», по мнению ряда ученых, считается древнейшим трудом Китайской литературы и датируется 300 годом до н.э. В ней описывается, в рудиментарной форме, метод гадания, основанный на возможных комбинациях в триплете: линия и разорванная линия. Так, если a — это линия, a b — разорванная линия, мы имеем комбинации: aaa, *bbb, aab, bba, abb, baa, aba и bab.* Возможно, этот способ связан с использованием веревок с узелками, которые, как утверждают китайские ученые, появились раньше иероглифов. Подобные веревки появились и в древнем Перу. Однако, этот метод больше всего похож на средневековый способ гадания, под названием геомантия, о котором мы поговорим позже, когда будем обсуждать книги латинских авторов. Магия и астрология, встречаются во всей китайской истории

---

[4] У древних арабов поэзия считалась магическим искусством (Макдоналд, 1909), а поэт — это «мудрец, который общается с духами». (Николсон «Литературная история арабов»).

и литературе. Однако, приведя пример того, что подобное искусство в цивилизации Дальнего Востока появилось в глубокой древности, обратимся к другим древним культурам, которые оказали сильное и неопровержимое влияние на западный мир.

Магия в Древнем Египте

Бадж писал о древних египтянах: «Вера в магию влияла на их умы... с самого древнего и до самого последнего периода их истории..., но каким образом, на этой стадии истории мира, понять очень трудно». Для обычного ученого, изучающего историю, очевидность этого утверждения не кажется такой уж незыблемой, как хотят убедить нас египтологи. Она станет более тонкой, если размазать ее на четыре тысячи лет, и покажется совсем не научной, если добавить к ней подробности из арабских средневековых сказок или поздней греческой художественной литературы Псевдо-Каллисфена или из папирусов Христианской эры, в которых описана магия Древнего Египта. И можно поспорить, достаточно ли двух историй, сохранившихся на папирусе Весткара, которые были записаны много веков спустя, «для того, чтобы доказать, что уже во времена 4-й династии египтяне признавали магию искусством»[5].

Магия и египетская религия

Во всяком случае, нам говорят, что вера в магию существовала не только в доисторические и додинастические времена, но в Египте была «старше, чем вера в бога». В религии Египта, наряду с высокими интеллектуальными идеями, магия была, по-прежнему, главным ингредиентом. Она повлияла и на мифологию египтян; они отгоняли демонов не только с помощью магических формул, но и верили, что могут и с их помощью напугать и принудить к молчанию самих богов, ибо полагали, что боги стремятся с помощью чудес нарушить естественный ход событий или превратить человеческую душу в равную себе.

[5] Книга Баджа датирует Весткарский папирус примерно 1550 годом до н. э., а Хеопс, о котором рассказывается в этой истории, жил в 3800 г. до н.э. Сейчас принято считать, что 4-я династия, к которой принадлежал Хеопс, правила примерно с 2000 до 2750 года до н. э. Б. К. Брестед в «Истории Египта», утверждает, что сказка, сохранившаяся на папирусе Весткар, была написана примерно через 9 (!) веков после падения 4-й династии.

Погребальная магия

Магия была столь же необходима для загробной жизни, как и для жизни на земле. Многие, если не все обряды и предметы, связанные с бальзамированием умерших и их погребением, имели магическую цель или способ применения; например, «магические глаза, помещавшиеся поверх отверстия, проделанного в боку тела, через которые бальзамировщик вытаскивал внутренности» (так они названы в Египетском музее в Каире) или человеческие фигурки и модели домов, которые клали в могилу умершего. В процессе бальзамирования мумии, накладывание каждого слоя повязок сопровождалось произнесением магических заговоров. В «старейшей грамоте, в которой записана человеческая мысль — в Текстах Пирамид 5–6 династии (около 2625–2475 гг. до н. э.), написанных иероглифами и найденных в могилах фараонов в Саккаре, так много всего, что связано с магией, что некоторые ученые утверждают, что весь массив Текстов Пирамид — просто собрание магических заклинаний». Сцены и предметы, изображенные на стенах гробниц, принадлежавших аристократам 5-6-й династий, были помещены туда с магической целью и должны были воплотиться в будущей жизни; а во времена 12-й династии египтяне начали изображать на внутренних стенках гробов предметы, которые раньше туда клались. Во времена Империи появилась знаменитая «Книга мертвых», которая представляет собой собрание магических рисунков, заклинаний и магических формул, которые умершие должны были произносить в будущем[6], и, хотя это произведение не очень древнее, мы знаем, что «книга со словами магической силы» была погребена вместе с одним из фараонов Древнего Царства. С другой стороны, Брестед полагает, что количество и сложность погребальных и магических заклинаний и заговоров очень сильно возросли в более поздний период «под влиянием народного творчества и жрецов».

Магия в повседневной жизни

Тем не менее, Бредстед убежден, что магия играла огромную роль в повседневной жизни на протяжении всей египетской истории. Он пишет: «Современному уму очень трудно понять, как

[6] Многие из них предназначались для того, чтобы мертвец мог по своей воле покинуть могилу, отсюда их египетское название: «Книги для выхода на дневной [свет]».

сильно вера в магию пронизывала всю ткань жизни; она определяла народные обычаи и постоянно появлялась в простейших действиях повседневной домашней рутины; без нее не обходилось приготовление пищи и подготовка ко сну. Она пронизывала саму атмосферу, в которой жил человек древнего восточного мира. Без спасительного и целебного действия магических ритуалов, применяемых постоянно, жизнь древних семей на Востоке совершенно немыслима».

Власть слов, изображений и амулетов

Большая часть основных черт и форм магии, существовавших в разные времена и в разных местах, возникла в Египте. Одной из них является приписывание магической силы словам и названиям. Власть слов, как утверждает Бадж, считалось практически безграничной, и «египтяне прибегали к ее помощи как в самых незначительных событиях своей жизни, так и в самых важных. Слова произносились в нужном тоне специально обученным человеком» либо записывались; в этом случае особое значение имел материал, на котором их записывали. Говоря о погребальной магии, мы уже упоминали об использовании рисунков, моделей, человеческих фигурок и других изображений, фигур и предметов. В колдовстве применяли восковые фигурки; было также много и амулетов, хотя их форма в различные периоды изменялась. Самым известным примером таких амулетов являются жуки-скарабеи.

Магия в египетской медицине

Египетская медицина была полна магии и ритуалов, а терапевтические средства представляли собой, главным образом, «сборники заклинаний и странные сочетания различных корней и мусора». У египтян мы находим рецепты и оккультные концепции, лекарства со сложным составом и сопровождающую их ловкость рук (надувательство), с которым мы встречаемся у Плиния и в Средние века. Египетские врачи использовали травы, привезенные из других стран, и предпочитали простым лекарствам снадобья, которые состояли из целой дюжины ингредиентов. Уже у египтян мы встречаемся с идеями о том, что от седины хорошо помогает шерсть черной овцы. В лекарственных средствах самыми популярными ингредиентами были органы животных, особенно, связанные с функцией размножения. На них смотрели как на животворящие органы; весьма ценились также

самые неприятные части тела животного, ибо своими мерзкими свойствами они помогали прогнать демонов, вызывавших болезнь.

Впрочем, в Древнем Египте, в отличие от Древней Ассирии и Вавилона, врачи не были убеждены, что болезнь вызывается тем, что в тело человека вселились демоны. Бредстед был убежден, что по мнению древних египтян, «болезнь возникает под действием враждебных духов, и против них помогает только магия». Бадж удовлетворялся более осторожными утверждением: «есть все основания полагать, что некоторые болезни приписывались ... злым духам... входящим... в человеческие тела... но тексты предоставляют нам очень мало сведений» по этому вопросу. Разумеется, вера в злых духов и в магию не всегда шли рука об руку, и магию применяли для лечения болезней, вне зависимости от того, приписывали ли ее возникновение злым духам или нет.

В отношении медицины и религии Бредстед придерживается мнения, что использование магии во времена Среднего и Нового царств Египта, по сравнению с Древним Царством, сильно увеличилось. Это справедливо лишь в том отношении, что в дошедших до нас источниках Среднего и Нового царств магия занимает гораздо больше места, чем в источниках Древнего Царства. Однако делать на этом основании вывод о том, что более рациональное и научное отношение Древнего Царства постепенно приходило в упадок, преждевременно. Однако, Бредстед, по-видимому, так и думал. Он пишет, что многие из рецептов Древнего Царства были полезными и рациональными, что «медицина уже обладала значительным эмпирическим знанием, основанным на внимательном и точном наблюдении», и что «главным препятствием к продвижению к реальной науке стала вера в магию, которая позже начала определять все действия врача» Бертольд расставляет акценты правильнее, заявляя, что поздние медицинские папирусы «содержат традиционные рецепты, основанные на эмпирическом [знании], которое не всегда было верным, мистических лекарственных средствах, основанных на самых причудливых аналогах, и магических практиках, уходящих корнями в глубочайшую древность». Последние утверждения Сете и Вилкена, Эллиота Смита, Мюллера и Хобтена о том, что древние египтяне обладали обширными познаниями в медицине, а также хирургическими и зубоврачебными умениями, по мнению Тодта, покоятся на очень зыбком и весьма сомнительном основании. Скорее всего, египтяне придерживались ритуальных практик, которые до сих пор применяют дикие

африканские племена. И вправду, свидетельства о наличии в Египте реального научного знания весьма скудны, по сравнению с многочисленными свидетельствами о господстве магии в этой стране.

Магия и ремесла

В Древнем Египте было много искусств и ремесел, но не в той высокой степени развития, как считают некоторые. Стеклодувное дело, например, до греческих и римских времен египтянам было совсем неизвестно, и люди с трубками, изображенные на некоторых памятниках, на самом деле, являются кузнецами, которые раздувают огонь с помощью тростниковых трубок, кончик которых обмазан глиной. С другой стороны, профессор Бредстед сообщил мне, что у Бертелота нет никаких оснований утверждать, что «все виды химических процессов, как и лечение больных, сопровождалось произнесением религиозных формул, молитв и заклинаний, которые считались необходимым для успеха всех операций и исцеления больных».

Алхимия

Алхимия, вероятно, возникла, с одной стороны, из практик египетских златокузнецов и людей, которые работали с металлами и экспериментировали с различными сплавами, а, с другой стороны, из теории греческих философов относительно основ мира, первоматерии и элементов. Слово «алхимия» и «химия» произошли от слова «Египет» (Камт или Квемт), что буквально означало «черный»; так называли нильский ил. Этим словом обозначали также черный порошок, который порождала ртуть в ходе египетских металлургических процессов. Считалось, что этот порошок, как утверждает Бадж, был основой всех металлов, имел волшебные свойства, «и мифически идентифицировался с телом, которым обладал в подземном мире Осирис; оба они считались источниками силы и власти». Вряд ли стоит говорить, как сильно это напоминает святые дары мессы и чудесную власть, которую приписывали гостии (телу Христову) средневековые проповедники вроде Стефана Бурбонского. В дальнейшем алхимики, писавшие по-гречески, заимствовали знаки и фразеологию у египетских жрецов; они любили говорить о своем искусстве, как о монополии египетских царей и жрецов, которые высекали свои секреты на древних стелах и обелисках. В трактате эпохи 12-й династии писец

рекомендует своему сыну прочитать книгу под названием «Хелли», однако, доказательств тому, что она была посвящена химии или алхимии, нет. Папирусы, содержащие трактаты по алхимии, появились лишь в 3-м веке Христианской эры.

Гадания и астрология

В древних египетских источниках нет никаких упоминаний о гадании в целом и об астрологии в частности, как о других разновидностях магии. Тем не менее, то, что уже в глубокой древности у египтян появился календарь, говорит о том, что они интересовались астрологическими явлениями, и даже те ученые, которые считают, что семь планет были обнаружены учеными, жившими в Междуречье Тигра и Евфрата, еще до начала первого тысячелетия до нашей эры, признают, что эти планеты были известны в Египте уже в эпоху Древнего Царства, хотя и отрицают существование у них астрологических науки и искусства. С 1450 г. до н.э. или около того до нас дошло описание видения Тутмоса IV, а заклинания, применявшиеся колдунами, чтобы вызвать божественные видения у своих подопечных, говорят о тесной связи гадания и магии. В календаре, записанном на папирусе около 1300 года до н. э., отмечены удачные и неудачные дни, а позже мы увидим, что вера в так называемые «египетские дни» была очень популярна в Средние века. В захоронениях египтян были найдены таблицы восхода звезд, которые могли использоваться в астрологических исследованиях, а для каждого месяца, дня и часа существовали свои боги. В надписях на могилах и в других местах часто подчеркиваются числа семь и двенадцать; и если сводчатый потолок 10-й камеры гробницы Сети I действительно был создан при его жизни, то можно утверждать, что знаки зодиака появились в эпоху 19-й династии. Если прав Болл и эти знаки возникли в результате переноса животных божеств на небо, то лучшего места для этого, чем Египет, не найти. Тем не менее, египетских записей о предзнаменованиях и появлении определенных созвездий в дни разных несчастий, подобных тем, что содержатся в книгах Междуречья и Римских историков, никто не нашел. Бадж пишет о семи богинях Хатор, которые могли предсказать, что родившийся младенец скоро умрет, и на этом основании утверждает, что «египтяне верили, что судьба мужчины... определялась еще до его рождения, и он не имел никакой возможности изменять ход событий». Однако я не могу согласиться с утверждением Баджа, что «у нас есть все основания полагать, что

гороскоп был создан в Египте», поскольку все имеющиеся у нас доказательства сводятся к почти средневековому псевдо-Каллисфену и греческому гороскопу, хранящемуся в Британском музее. К нему приложено письмо астролога, который убеждает своего ученика тщательно изучать историю древних египтян. Древняя греческая и римская вера в то, что астрология, возможно, была изобретена божественными людьми Египта и Вавилонии, вероятно, имеет под собой основание, но для того, чтобы утверждать, что египтяне создали астрологию раньше жителей Вавилонии, нужны доказательства, относящиеся к эпохе ее предполагаемого изобретения.

Источники Ассирийской и Вавилонской магии

Среди письменных источников Вавилонии и Ассирии огромную роль играют клинописные глиняные таблички; они дают нам понять, что главной чертой религии ассирийцев и вавилонян был страх перед демонами, и что повседневная жизнь и мысль находилась под постоянным влиянием магии. Основная часть религиозных и магических текстов сохранилась в библиотеке царя Ашшурбанапала, который правил Ассирией с 668 по 626 год до н. э. Однако он собирал свою библиотеку во многих храмовых городах. Писцы сообщают нам, что копируют очень древние тексты, и шумерский язык по-прежнему широко применяется. Эриду, один из главных центров древней шумерской культуры, «был незыблемым домом древней мудрости, иными словами, магии». Впрочем, в библиотеке Ашшурбанапала очень трудно отличить вавилонские тексты от ассирийских, а шумерские — от семитских. Поэтому нам говорят, что «за исключением некоторых очень древних текстов, шумерская литература, состоящая, в основном, из религиозных произведений, таких как гимны и заклинания, демонстрирует ряд заимствованных семитских слов и грамматических форм, и во многих случаях, хотя и не во всех, вполне может представлять собой перевод семитских идей на формальный религиозный шумерский язык, сделанный семитскими жрецами».

Кто создал астрологию — шумеры или халдеи?

Главным пунктом разногласий, по которому среди современных немецких ученых разгорелся жаркий спор, стал вопрос о том, насколько древним является астрономическое знание и астрологическая доктрина, включая астральную теологию у жителей

Междуречья Тигра и Евфрата. Если кратко, то такие авторы как Винклер, Штукен и Иеремия утверждают, что религия древних вавилонян была, в большей степени, основана на астрологии, что астрология пронизывала всю их жизнь, и что они, вероятно, уже в глубокой древности занимались астрономическими наблюдениями и приобрели астрологические знания, которые, в результате упадка их культуры, были утрачены. Киглер, Безольд, Болл и Скиапарелли придерживаются другого мнения: они говорят, что у нас нет доказательств того, что до появления халдеев в долине Тигра и Евфрата существовала сколько-нибудь значимая астрологическая наука или астрологическая теория. Они даже отрицают, что в древности вавилонянам были известны семь планет, знаки зодиака и планетарная неделя. Все это, вместе с настоящим расцветом астрологии, появилось лишь в Эллинский период.

Число «семь» в древнем Вавилоне

Тем не менее, никто не станет спорить, что в мифологии, религии и магии третьего тысячелетия до н.э. огромное значение имело число «семь». Например, в древнем Вавилонском эпосе о сотворении мира говорится о семи ветрах, семи духах бури, семи смертных грехах, семи частях подземного мира, расположенных за семью дверями, о семи небесных сферах и так далее. Однако, нам могут возразить, что ступенчатые башни Вавилона, которые олицетворяли тысячелетия священных Хебдомад[7], не всегда имели семь ступеней. Число семь, несомненно, использовалось очень часто и имело священный и мистический смысл, олицетворяя собой добродетель и совершенство. И вавилоняне объясняли это тем, что нашим миром правят семь планет. По той же самой причине число семь имеет священное значение и в Ветхом Завете, а Гесиод, Гомер в «Одиссее» и другие древнегреческие авторы тоже делают упор на него.[8] Дж.Г. Фрейзер (1918 г.) говорит о том, что число семь очень часто встречается «и в иеговистских и вавилонских рассказах» о Великом Потопе.

---

[7] Семёрка (греч) — прим. ред.

[8] Впрочем, Скиапарелли в своем труде «Астрономия в Ветхом Завете», 1905 года издания, утверждает, что «частое использование числа семь в Ветхом Завете ни коем образом не связано с планетами».

Профессор Вебстер, который прочитал эту главу еще в рукописи, написал мне, что он по-прежнему убежден, что «мистические свойства, приписываемые числу «семь» можно лишь частично объяснить влиянием семи планет. Наши американские индейцы, например, очень уважают число семь, но ничего не знают о семи планетах». Однако, следует отметить, что поэты и философы древнего Перу сочиняли на астрологические темы стихи, если верить ученому Гасилассо, которого цитирует У. И. Томас в своей книге «Источники, посвященные вопросу о происхождении общества», изданной в 1909 г.

Тексты заклинаний древнее астрологических

Но как бы то ни было, в настоящее время преобладает мнение, что астрология — это относительно позднее изобретение, сделанное семитскими халдеями. Ленорман считает, что письмо и магия стали вкладом туранских или шумерских (аккадских) народов в цивилизацию Вавилона, а астрология и астрономия была привнесена в нее семитами. Джастроу полагает, что между религией Ассирии и Вавилонии разница была очень незначительной, а астральная теология играла в обеих огромную роль; но древние тексты заклинаний подверглись влиянию этой астральной теологии в гораздо меньшей степени. Л.У. Кинг пишет: «В расшифрованных текстах, в основном, говорится о магии и прорицании, и у них нет никакой астрологической подоплеки».

Способы гадания, не связанные с астрологией

Каким бы ни было происхождение и датировка магических текстов, их можно объединить в три большие группы. В первую входят астрологические тексты, в которых звезды называются богами, а предсказания составляются, в основном, для царей. В другую — тексты, в которых описываются другие способы предсказания будущего, особенно, гадание по печени животных, хотя практикуется также толкование сновидений, гадание путем смешивания масла и воды и по предзнаменованиям. Фосс подчеркивает тесную связь оперативной магии с прорицанием у ассирийцев, и называет гадание «неотъемлемым вспомогательным средством магии». Многие «чудеса» магии основывались на предварительном знании будущего или совершались после консультации с прорицателем. Для магических ритуалов следовало также выбирать благоприятный для этого день или час.

Заклинания против колдовства и демонов

В третью группу входят собрания заклинаний, которые не использовались колдунами. Они, вероятно, были запрещенными, и поэтому хранились в тайне. В заклинании, которое мы приведем ниже, колдовство называется злом, поскольку оно использует «нечистые вещи». Эти заклинания представляли собой защиту от колдовства и применялись для изгнания злых духов. Но эти приемы против магии, в целом, отражали магические процедуры. Поскольку считалось, что все болезни возникают из-за того, что в тело человека вселяются демоны, которых надо изгнать с помощью заклинаний, то медицина была просто отраслью магии. Злые духи также вызывали различные возмущения в природе, поэтому необходимо было почаще произносить заклинания, чтобы природный порядок вещей совсем не разрушился. Различные заклинания записаны на группах табличек: «Маклу» — заговор от пожаров; «Тийи» — от головной боли; «Асакки марсюпии» — от жара; «Лабарту» — против ведьм, и «Нис кати» — «Поднятие руки». Помимо этих табличек, было много церемониальных и медицинских текстов, в состав которых включались магические практики. Хвалебные гимны и религиозные эпосы, которые, на первый взгляд, нельзя отнести к заклинаниям, по-видимому, использовались в магических ритуалах. Фарнелл предполагает, что «можно выявить следы магического происхождения практики теологических толкований». Добрые духи применяют магию и экзорцизм против демонов. Если же добрые духи и человеческая магия не могли обезвредить демонов, то в качестве последнего средства можно было обратиться к богу Эа, который считался знатоком всех наук. Он «один владел магическими секретами, с помощью которых их можно было победить и прогнать».

Пример заклинания

Сами заклинания показывают нам, что в магии использовались не только сила слов, но и другие факторы. Это хорошо видно из приведенного ниже примера.

«Восстаньте, великие боги, услышьте мою жалобу,
Даруйте мне справедливость, узнайте о моей беде.
Я сделал изображение моего колдуна и колдуньи;
Я скромно склоняюсь перед вами и прошу вас помочь,
Потому что они причинили мне зло,
Взяв в руки нечистые вещи.

Путь она умрет! Помоги мне выжить!
Пусть ее чары, ее колдовства, ее ведьмино искусство будут разбиты.
Пусть сорванная веточка дерева *бину*
Отпустит меня; очистит меня; пусть дурной запах из моего рта развеют ветра.
Пусть трава *маштакал,* заполняющая землю, очистит меня.
И, перед тем, как я засияю словно трава *канкал,*
Сделай меня ярким и чистым, словно трава *ларду*.
Чары колдуньи злые;
Пусть ее слова вернутся ей в рот, а язык ей отрежут.
Пусть боги ночи растерзают ее за колдовство;
Три ночных стража рассеют ее злые чары.
Пусть ее уста превратятся в воск, а язык — в мед.
И пусть произнесенные ею слова, наславшие на меня беду,
Растают, как воск.
Пусть чары, которыми она меня окутала, растают, как мед.
И ее магический узел разлетится на куски, а ее тело будет разрушено».[9]

Материалы и приспособления, применяемые в магии

Из этого примера хорошо видно, что во время заклинания использовались магические изображения и узлы, а также части деревьев и травы. Магические изображения изготавливались из глины, воска, дегтя и других веществ и применялись разными способами. Так, делали фигурку царского врага из дегтя и обвязывали ее лицо веревкой, чтобы лишить этого врага способности говорить и силы воли. Кроме того, фигурки делались и для того, чтобы демоны, вызвавшие болезнь, переселялись в них, а иногда эти фигурки «убивали» и хоронили. В приведенном выше заклинании магический узел использовала только колдунья, но Фосси утверждает, что узлы применялись и как обереги против демонов, поскольку они разрушали их чары. В приведенном выше заклинании названия трав не переведены, и мы не можем ничего сказать о фармакологии ассирийцев и вавилонян, поскольку не имеем словарей ботанических и минералогических терминов этих народов. Тем не менее, по

[9] Джастроу «Религия Вавилона и Ассирии», стр. 283–4.

тем текстам, которые ученые сумели перевести, видно, что чаще всего применялись привычные людям вещества, а не какие-то редкие и привезенные издалека. Среди этих веществ были: вино и оливковое масло, соль и финики, лук и слюна. Имеются также сведения о применении волшебных жезлов. Кроме трав, в медицине использовали драгоценные камни и вещества животного происхождения. Изготавливались различные приворотные зелья; проводились разнообразные ритуалы и церемонии вроде окуривания и омовения. Из рассказа о ковчеге, построенном вавилонским Ноем, мы узнаём о магических свойствах различных его частей; так, мачта и потолок каюты были сделаны из кедра, который защищал их от колдовства.

Греческая культура не была свободна от магии

Деятели так называемого Итальянского Возрождения или Гуманистического движения, возникшего в конце Средневековья, прославившегося своим чрезмерным восхвалением Древней Греции и Рима, почему-то были убеждены, что древние эллины не знали магии, в отличие от других периодов и народов. Было бы большим преувеличением утверждать подобное и о древних римлянах, вся религия которых первоначально почти не отличалась от магии, а повседневная жизнь римлян, личная и общественная, была насквозь пронизана суеверными обрядами и страхами. Но и они, как полагали гуманисты, позже попали под влияние эллинской культуры и поднялись на более высокую ступень развития. Впрочем, во время упадка империи и в Средние века, под влиянием Востока, римляне снова занялись магией. Кстати, хочется отметить, что я не разделяю веру в то, что *в прошлом* восточные люди были более суеверными и больше верили в чудеса, чем западные народы, находившиеся на том же самом этапе развития цивилизации, и что родиной всех суеверных культов и романтических сказок является Восток. Приведенные ниже факты эту веру опровергают. Вернемся, однако, к предполагаемому иммунитету от магии, которым, якобы, обладали эллины. Эта гипотеза так сильно закрепилась в мозгах авторов современных критических исследований, что они постоянно называют те отрывки, [где говорится о магии] поздними вставками или даже называют целые трактаты подложными по той простой причине, что они, якобы, наносят ущерб репутации классических авторов. Даже такой знающий ученый, как Кумок, изучавший древнюю астрологию, суеверия и религию,

придерживается этих странных обобщений и утверждает, что «ясный эллинский гений всегда отворачивался от туманных рассуждений о магии». Но, как я заявил 16 лет назад, «фантастический характер средневековой науки был порожден «ясным светом Эллады не меньше, чем мраком «Темных веков».

Магия в мифах литературе и истории

Не трудно воскресить в памяти свидетельства присутствия магии в религии, литературе и истории эллинов. Стоит только вспомнить о чудесных метаморфозах, происходивших в греческих мифах, и других бесчисленных невероятных событиях, которые были в них описаны; о ведьмах — Цирцее и Медее и о черной магии Одиссея; о колдуне — жреце бога Аполлона в «Илиаде», который мог по своему желанию прекращать чуму; об удачных и неудачных днях и других сельскохозяйственных поверьях, описанных Гесиодом. А ведь были еще и спартанцы, чья так называемая Конституция и метод воспитания детей, которыми восхищались греческие философы, являлись, в целом, воспроизведением жизни примитивных племен с их ритуалами и табу. Можно вспомнить и о Геродоте, который радовался как ребенок, рассказывая о туманных предсказаниях оракулов. А чего стоит его рассказ об отступниках из Гелы, которых безо всякой посторонней помощи сумел возвратить домой Телин, «владевший таинственными видимыми символами подземных сил, которые обладали способностью творить чудеса».[10] Вспомним также о том, как Ксенофонт пунктуально перечисляет жертвы, заклинания, сновидения и чихания; как панически Нисий боялся затмений, словно он был спартанцем; и о том, что даже такие просвещенные авторы, как Еврипид и Платон, говорят о заговорах, как и о чем-то само собой разумеющемся. Магия изображается в таких греческих комедиях, как «Гете» Аристофана, «Мандрагоризомене» Алексия, «Фармакомантия» Анаксандрида, «Цирцея» Анаксила и «Теттале» Менандера. Если мы примем во внимание все эти свидетельства, то поймем, что эллины были столь же привержены магии, как и другие народы во все времена, и нам не нужно искать у Феокрита, в греческих романах или папирусах, посвященных магии, доказательств того, что магия существовала и в древнегреческой цивилизации.

---

[10] Фримен цитирует Геродота в своей книге «История Сицилии».

Одновременное развитие знаний и оккультных наук

Если астрология и некоторые другие оккультные науки эллинистического периода существовали еще в зачаточной форме, то это говорит не о том, что в более ранние периоды свой истории греки были более умными, а о том, что они просто меньше знали. И магия, которая, по словам Осфана, появилась в эпоху Персидских войн, не была каким-то никому не ведомым нововведением, а лишь совершенствованием грубых древних ритуалов «Черной магии».

Греческую религию и драму породила магия

Этот магический элемент, который с самого начала присутствовал в греческой культуре, теперь прослеживают специалисты по антропологии и древним религиям, а также по классическому периоду. Джейн Э. Харрисон в своей книге «Фелида, исследование социальных корней греческой религии», объясняет влиянием магии появление многих мифов и праздников — даже Олимпийских игр и греческой драмы. Последний пункт более подробно рассматривает Ф.М. Корнфорд в своем труде «Происхождение аттической комедии»; в комедиях Аристофана он обнаружил много замаскированных следов магии. А.К. Кук называет Зевса колдуном, поскольку тот умел превращаться в людей и животных, преследуя полюбившихся ему женщин. Кук заявляет, что и «реальным прототипом небесного «царя, повелевавшего погодой», был земной колдун или человек, умевший вызывать дождь», что догомеровские «зафиксированные эпитеты» Зевса, упоминаемые в поэме Гомера, являются «напоминанием об этом колдуне», и что культ Зевса Ликейского был связан с верой в оборотней. Ренделл Харрис связывает происхождение греческих богов с культом дятла и омелы белой, а культ Аполлона — с «лечебными способностями» мышей и змей. Он всячески подчеркивает, что древнегреческая религия и культура зародилась под влиянием магических свойств животных и трав.

Вероятно, эти авторы в своих выводах зашли слишком далеко, но, по крайней мере, их труды — это реакция на прежнюю идеализацию классиков. Их взгляды может опровергнуть Фарнелл, который пишет, что «если наши знания о древней вавилонской магии возрастают, то нам не известно ничего определенного о практиках подобного рода у эллинов и соседних с ними народов в тот ранний период, о котором идет речь». И добавляет: «В то время, когда вавилонская магия громко заявляет о себе в великой религиозной литературе и высочайших храмовых ритуалах, греческая магия едва упоминается

в старой литературе этой страны, не играет никакой роли в ее гимнах, а в величайших ритуалах находится еще в зачаточном состоянии. Вавилонская магия, по сути свой, демонична; что же касается догомеровской Греции, то у нас нет никаких свидетельств того, что греки того периода были озабочены влиянием демонов, или того, что демонология и экзорцизм были ведущими факторами в их сознании и практиках». Однако Фарнелл признает, что «древняя Эллада, как и более поздняя, хорошо понимала магическое и божественное влияние имени». А вера в силу имени, возникшая ранее веры в существование демонов, и является самым лучшим доказательством того, что магия появилась в том или ином обществе в глубокой древности, поскольку это означало, что человек верил в оперативное воздействие своих собственных слов, не нуждаясь в какой-либо духовной или божественной помощи.

Магия в греческой философии

Более того, в одном вопросе ученые, считающие, что в Греции тоже существовала магия, оказались правы. Они утверждают, что в драму магия проникла с помощью комедий Аристофана, они даже готовы согласиться, что она появилась одновременно с ними. Они утверждают, что классическая греческая религия берет свое происхождение в магии; они готовы поспорить, что и греческая философии никогда не была от нее свободна. «То, что Эмпедокл верил в свою магическую власть, — пишет Целлер, — доказывают его собственные произведения». Эмпедокл «утверждал, что он умеет излечивать болезни и возвращать людям молодость, вызывать ветра и усмирять их; насылать дожди и засуху и возвращать к жизни умерших». Если эпитеты, которыми характеризовали Зевса до эпохи Гомера, насыщены магией, то диалог Платона «Тимей» тоже насыщен оккультной наукой и астрологией; и, если Зевс у Фидия изображен как колдун, способный изменять погоду, мы не можем говорить, что причуды Тимея не более, чем плоды поэтического воображения Платона, или пытаться объявить Аристотеля ученым в современном понимании этого слова, искажая смысл его «Истории животных».

Отношение Платона к магии в его «Законах» очень осторожное. Он утверждал, что понять природу ядов (или чар), которые воздействуют естественным путем, могут только врачеватели, пророки и заклинатели; то же самое касается и заклинаний, магических узлов и восковых фигурок, а поскольку другие люди в таких делах

не разбираются, то они должны их не бояться, а презирать. Тем не менее, он признает, что убеждать людей в этом совершенно бесполезно, поэтому необходимо принять законы против колдовства. Тем не менее, его собственные взгляды на природу пронизаны, если не идеями, позаимствованными у Магов, то, по крайней мере, понятиями, совпадающими, скорее с магией, чем с современной наукой, и с доктринами, благоприятными для астрологии. Он очеловечивал материальные объекты и смешивал материальные и духовные свойства. Он также, подобно авторам, о которых мы поговорим позже, пытался дать естественное или рациональное объяснение магии — объяснял гадание по печени животных тем, что печень является чем-то вроде зеркала, в котором отражаются образы души, но после смерти всё это исчезает. Он говорит, что основой здоровья и изобилия растительности, животных и людей является «гармоничная любовь» между элементами, а причиной эпидемий и болезней — «любовь распутная». Наука, помогающая понять обе разновидности любви «в отношении обращений небесных тел и сезонов года, называется астрономией», или, скорее, астрологией, чей фундаментальный закон заключается в контроле над низшими созданиями с помощью движения звезд. Платон называет звезды «божественными и вечными животными, вечно неизменными» — эту фразу будут часто повторять в Средние века. «Меньшие боги», которых он, в основном, отождествлял с небесными телами, порождают людей, которые, прожив добродетельную жизнь, возвращаются после смерти на свою звезду и живут там счастливо. Конечно, подобная теория не имеет ничего общего с идеей влияния звезд в момент рождения человека и гороскопами, но, как и она, подчеркивает важность звезд и говорит об их влиянии на человеческую судьбу. А когда в конце своей «Республики» Платон говорит о гармонии или музыке сфер семи планет и о восьмой сфере неподвижных звезд, а также об «оси Необходимости, вокруг которой вращается весь мир», он имеет в виду, что, когда человеческая душа вступает в эту жизнь, её судьбу определяют звёздные пути. Когда в «Тимее» он пишет, что «можно безо всякого труда видеть, что совершенное число времени составляет совершенный год, когда все восемь оборотов ... совершаются вместе и заканчиваются одновременно», он, по-видимому, имеет в виду астрологическую доктрину *magnus annus* (большого года), которая гласит, что после того, как все небесные тела снова займут свое исходное положение, история начнет повторяться во всех своих деталях».

Аристотель о звездах и духах

Для Аристотеля звезды тоже были «сущностями сверхчеловеческого разума, объединенными божествами». Они виделись ему более чистыми формами, более похожими на божества, от которых, по-видимому, исходило целенаправленное рациональное влияние на низшие формы жизни на Земле — на этой идее «была построена вся средневековая астрология».[11] Более того, эта теория о второстепенных богах планетных сфер стала основой более поздней демонологии.

Фольклор в «Истории астрологии»

Помимо отрывков, посвященных физиогномике, и пифагорейских суеверий или мистицизма, «История животных» Аристотеля включает в себя рассуждения о влиянии звёзд на жизнь животных, о лекарственных средствах, которые они используют, а также об их дружбе и вражде и другие фольклорные или псевдонаучные измышления. Однако, самый древний манускрипт этой работы, дошедший до нашего времени, датируется лишь 12 или 13 веком, и в нем отсутствует десятая книга. Редакторы также отвергли книги седьмую и девятую, последнюю часть восьмой книги, да и ряд других отрывков вызывает у них сомнения. Впрочем, эти нежелательные включения спасают лицо самого Аристотеля, но никак не эллинской науки или философии в целом, поскольку подложная седьмая книга, как считают, была полностью взята из творений Гиппократа, а девятая — из Теофраста.

Различные способы передачи сообщений в древней восточной и греческой литературе

При сравнении произведений Египта, Вавилона и Ассирии с греческими текстами, посвященными магии, следует помнить об одном. Наши знания о том, какую огромную роль играла магия в древних восточных цивилизациях, были получены напрямую, без посредников, которые не искажали и не заменяли эти тексты — за исключением самых древних. Классическая же литература и философия дошла до нас в редакции Александрийских библиотекарей и философов; она подверглась цензуре христианской церкви и Византии, была специально отобрана для христианских и византийских читателей, и сконцентрирована средневековыми монахами и итальянскими

[11] У. Уиндельбенд «История философии»

гуманистами. Вопрос заключается не только в том, что они добавляли, но и в том, что они изменили и что отвергли? Вместо того, чтобы подвергать сомнению те или иные абзацы в дошедших до нас книгах, утверждая, что они являются более поздними интерпретациями, было бы целесообразнее вернуть в текст большое число удаленных отрывков, поскольку они были выброшены оттуда как языческие суеверия или свидетельства идолопоклонничества.

В дошедших до нас напрямую греческих текстах магия упоминается гораздо чаще

Предположим, что до нас дошли тексты в том виде, в каком они появились в Древней Греции на папирусе, на свинцовых табличках или на так называемых гностических геммах. Сколько места в них посвящено магии, по сравнению с текстами, которые дошли до нас через третьи руки? Если нам возразят, что папирусы, посвященные магии, относятся, в основном, к более поздним временам, и что они были найдены в Египте, то мы можем ответить, что они не менее древние или даже древнее, чем все дошедшие до нас рукописи классической литературы, и что они тоже хранились, в основном, в Египетской Александрии. Что касается курсов магии, записанных на свинцовых табличках, то они датируются 4 в. до н.э.–6 в. н.э.; причем 14 из них хранились в Афинах, а 16 — в Книде (для сравнения: одна находилась в Александрии, и еще 11 — в Карфагене). И хотя некоторые из них свидетельствуют, что создавший их человек был очень плохо образован и не умел грамотно писать, другие были записаны образованными людьми высокого социального положения. А какие залежи астрологических рукописей на греческом языке были обнаружены в европейских библиотеках редакторами «Каталога греческих астрологических таблиц!» (Время от времени, к тому же, археологи сообщают об обнаружении магических предметов или об изображении магических ритуалов в произведениях искусства).

Прогресс науки у греков

Признавая тот факт, что греческая культура не была свободна от магии и что даже философия и наука Древней Греции демонстрирует следы суеверий, я не буду скрывать, что из дошедших до нас произведений греческой литературы видно, что греки первыми представили нам значительное количество систематических рациональных размышлений и классифицированное собрание результатов наблюдения за

природными явлениями. Несмотря на быстрый прогресс наших знаний о первобытном человеке и цивилизациях Египта и Вавилонии, эллины по-прежнему занимают первое место по развитию философии и науки. Не было найдено ни одной древней работы по медицине, которую можно было бы сравнить с трудами Гиппократа, по биологии — Аристотеля, а по математике и физике — Эвклида и Архимеда. Вне всякого сомнения, эти ученые имели своих предшественников; быть может, в чем-то они опирались на работы авторов древних восточных цивилизаций, но беря их в том виде, в котором они до нас дошли, мы не ошибёмся, если скажем, что они отмечены большой оригинальностью. Что бы ни скрывалось под покровом прошлого, какие бы знаки или намеки на научные исследования и научное знания мы ни обнаруживали бы в текстах более древних цивилизаций, не читая между строк, можно с уверенностью заявить, что прочные основы экспериментальных и математических наук были заложены именно греками.

Архимед и Аристотель

«Удивительно, но огромная часть информации, которую содержат труды Архимеда, посвященные разным наукам, — пишет Хит, — относится к его собственным открытиям. Хотя круг предметов, которые он изучал, поистине всеобъемлющ и включает в себя геометрию (планиметрию и тригонометрию), арифметику, механику, гидростатику и астрономию, он не был ни компилятором, ни автором учебников... Он всегда пишет о чем-то неизведанном, всегда добавляет в копилку знаний нечто новое, и его неподдельная оригинальность поражает всех тех, кто читает его свежим взглядом, без тех сведений, которые сообщаются обычно в предисловиях, предпосланных большинству его работ... В некоторых науках у Архимеда не было предшественников, например, в гидростатике, которую он сам и придумал; а также в механике (в ее математическом аппарате)»[12]. Аристотелеву «Историю животных» высоко оценивают историки биологии. Они говорят о «большом числе [его] личных наблюдений», «высокой точности» и «тщательности исследований», как, например, в описании системы кровообращения или в наблюдениях за развитием эмбриона цыпленка.[13] «Наиболее интерес-

---

[12] Т. Л. Хит «Работы Архимеда».

[13] Эта цитата была взята из примечания профессора Д'Арси В. Томпсона к его переводу «Истории животных», в книге III, 3. Это примечание помогает понять все

ными, вероятно, являются те части его книги, в которых он говорит о рыбах, об их разнообразии, структуре, странствиях и питании. Мы можем прочитать у него о рыбах, которые были заново открыты совсем недавно, о структурах, вновь обнаруженных в последнее время, об обычаях, ставших известными лишь сейчас».

Впрочем, о достижениях эллинской философии и науки читатель, наверняка, имеет довольно четкое представление.

Представления о научных достижениях эллинской эпохи сильно преувеличены

Но, прежде чем завершить этот краткий обзор периода, после которого я перейду к основной теме своей книги, я хотел бы сказать несколько слов о тенденции, господствующей, в основном, среди немецких учёных, которые утверждают, что почти весь прогресс естествознания, достигнутый до начала Нового времени, был сделан Аристотелем и учёными эллинистической эпохи. Вклад египтян и жителей Вавилонии сводится к минимуму, а научные труды Римской империи, дошедшие до нас в гораздо большем объеме, чем труды эпохи эллинизма, считаются неудачными копиями творений великих авторов, которые не пощадило время. Например, книги Посидония, которому немецкие учёные в своих диссертациях любили приписывать и то, и это, а также все теории более поздних авторов.

Однако, утверждения о том, что все открытия были сделаны в течение одного периода, противоречат закону о постепенном и мучительном

недостатки и достоинства труда Аристотеля в том виде, в каком он до нас дошел, и я хочу привести его здесь полностью: «Характеристика сосудистой системы, приведенная Аристотелем, примечательна своим обилием подробностей, а также исключительной точностью в описании одних деталей и крайней неточностью — других. Порой оно так близко к истине, что свидетельствует о тщательном исследовании, но в других местах так сильно от неё удаляется, что можно предположить, что некоторые факты были им наполовину забыты, или что результаты наблюдений противоречили устоявшимся взглядам. Рассказы о том, что сосуды левой руки оказывают влияние на печень, а сосуды правой — на селезенку... служат примером дошедших до наших времен суеверий и мистических взглядов. Вполне возможно, что вера в существование трех камер сердца точно также связана с традицией или с мистическими взглядами, как и вера Платона в три телесных сущности».

обретении научного знания и совершенствования научного метода исследований. Мы уже говорили об этом, описывая Золотой век науки в Древнем Египте, после которого в эпоху Среднего и Нового царств начался спад, и утверждали, что ни египтяне, ни вавилоняне до греков не сделали никаких крупных научных открытий. Однако, из этого вовсе не следует, что наука в этих районах совсем не развивалась. Как писал профессор Карпинский: «Отрицать, что Вавилон, Египет и Греция внесли свой вклад в развитие науки и научную мысль — значит отрицать свидетельства древних, подкрепленные находками современных ученых. Попытки приписать грекам влияние на науку Египта, позднего Вавилона и Индии, а также арабов, не прибавляет славы Греции. Как могли вавилоняне, жившие в золотой век Греции или индусы, чуть позже, превзойти достижения греков в астрологии? Это могло произойти только в том случае, если их астрономия достигла высокого уровня, который позволил им правильно оценить объем работы, которую надо было проделать... Признание того, что греческая астрономия непосредственным образом повлияла на астрономические теории Индии свидетельствует о том, что наука в Индии достигла такого же уровня, что и астрономия в Греции. Без серьезных возражений можно утверждать, что фундаментальная часть науки в Вавилоне, Египте и Индии, которая, по нашему мнению, развивалась под влиянием греческой, была, на самом деле, собственной наукой [этих стран]».

Не собираюсь я также признавать, что великие ученые, жившие в первые годы Римской империи, просто копировали своих эллинистических предшественников, или в чем-то им уступали. Аристарх, конечно, мог придерживаться гелиоцентрических[14] взглядов, но Птолемей

---

[14] Сэр Томас Хит в своей книге «Аристарх Самосский — «Коперник» древности: История греческой астрономии до Аристарха с приложением его трактата «О размерах Солнца и Луны и расстоянии до них; новый греческий текст с переводом и примечаниями» (Оксфорд, 1913 г.) признает, что «этот трактат не содержит никаких других идей, кроме гелиоцентрического взгляда на Вселенную, хотя Архимед сообщает нам, что Аристарх написал книгу, в которой высказал несколько гипотез; одна из них гласит что Солнце и звезды неподвижны, а Земля вращается вокруг Солнца». Подобное заявление вряд ли оправдывает присвоение Аристарху титула «Коперника древности». И еще Хит думает, что Скиапарелли в своих трудах зашел слишком далеко в стремлении приписать Гераклиту Понтийскому идеи Коперника.

был более талантливым ученым и подкреплял свои неверные гипотезы более точными измерениями и расчетами; в противном случае, древние приняли бы более соответствующие реальности теории. Херофил так убедительно продемонстрировал, как циркулирует в теле кровь, что даже Гален не смог отвергнуть его открытие. И если Птолемей копировал работы Гиппарха, то можно ли утверждать, что Гиппарх никого не копировал? Приводимое ниже исследование покажет, как от авторитета к авторитету, путем постепенного накопления новых данных, полученных в результате личных наблюдений и опытов, шло непрерывное развитие науки.

КНИГА I

РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Три великих имени

В истории науки Римской империи особняком стоят имена трех великих людей: Плиния, Галена и Птолемея.

Эти трое ученых использовали труды более ранних исследователей или критиковали их, поэтому их работы стали нашим главным источником сведений о развитии науки в эллинистическом периоде. Труды Плиния, Галена и Птолемея обширны, охватывают большой круг проблем, отличаются широким, либеральным, очень личным взглядом на вещи, поэтому им удалось создать красочную, объемную картину научного духа и достижений своего времени. Плиний изучал политику и естественные науки, создавал литературные произведения; Птолемей был математиком, астрономом, физиком и географом; Гален разбирался в философии не хуже, чем в медицине. Более того, двое последних внесли свой собственный неоценимый вклад в науку и в метод научного познания. Для однородной, широко распространенной культуры Римской империи очень характерно то, что три этих представителя различных областей знания родились на трех континентах, омываемых Средиземным морем. Плиний был родом из Комо, на альпийской границе Италии; Птолемей, родившийся где-то в Египте, создал свои труды в Александрии; Гален был выходцем из Пергама, в Малой Азии. И, наконец, трое этих авторов были, подобно Аристотелю, теми древними учеными, которые, прямо или косвенно, оказали наиболее сильное влияние на науку Средних веков. Им удалось осветить прошлое, настоящее и будущее.

План этого раздела

Мы откроем настоящую книгу описанием хронологии Плиния, Птолемея и Галена, сочетая рассказ о трудах Птолемея с работой Сенеки «О природных вопросах», которая представляет собой соединение естественной науки и метода прорицания по явлениям природы.

Далее мы опишем работы некоторых представителей древней прикладной науки и её связь с магией, а также наиболее известные творения Плутарха, Апулея и «Жизнь Аполлония Тианского» Филострата. Рассказав о сочувственном отношении к магии и оккультным наукам со стороны этих ученых, мы вернемся назад и рассмотрим некоторые примеры литературной и философской критики суеверий, а потом перейдем к изложению поддельных мистических трудов писателей Римской империи и неоплатоников. Мы изучим их связь с астрологией и магией, а также поговорим о трудах Элиана, Солина и Хораполлона.

2

«ЕСТЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ» ПЛИНИЯ

I. Место этой книги в истории науки

Какое значение имеет этот труд для нашего исследования. — Собрание неоднородной информации. — Как отражение древней науки о природе. — Как источника для магии. — Карьера Плиния. — Его труды. — Его собственное описание «Истории природы». — Его преданность науке. — Конфликт между наукой и религией. — Плиний не был человеком, получившим образование натуралиста. — Его опора на авторитеты. — Отсутствие в его труде системы и классификаций. — Его скептицизм и доверчивость. — Руководство по древней науке. — Его влияние на средневековую науку. — Первые печатные издания его книги.

II. Экспериментальная тенденция Плиния

Большое значение, которое он придавал наблюдению и опытам. — использование слова «эксперимент». — Эксперимент возник благодаря научному любопытству. — Медицинские эксперименты. — Случайный опыт и божественное откровение. — Чудеса, доказанные с помощью эксперимента.

III. Рассказ Плиния о магии

Восточное происхождение магии. — Ее распространение в Греции. — Ее распространение в Греко-Римском мире. — Неспособность понять истинное происхождение магии. — Магия и прорицание. — Магия и религия. — Магия и медицина. — Магия и философия. — Фальш магии. — Преступления, связанные с магией. — Критика Плинием магии была, в основном, интеллектуальной. — Слабость скептицизма Плиния. — Магия и наука неразличимы.

IV. Наука магов

Колдуны как исследователи природы. — Маги о травах. — Чудесные свойства трав. — Животные и органы животных. — Другие вещества. — Магические ритуалы с использованием животных и их органов. — Чудеса, творимые с помощью органов животных. — Маги о камнях. — Другие магические рецепты. — Краткое изложение утверждений магов.

V. Магическая наука Плиния

От магов к магии Плиния. — Привычки животных. — Лекарства, обнаруженные животными. — Ревность животных. — Оккультные свойства животных. — Свойства трав. — Сбор трав. — Сельскохозяйственная магия. — Свойства камней. — Другие минералы и металлы. — Свойства человеческих органов. — Свойства человеческой слюны. — Человеческий оператор. — Отсутствие медицинских смесей. — Симпатическая магия. — Антипатия у животных. — Любовь и ненависть среди неодушевленных объектов. — Симпатия, существующая между одушевленными и неодушевленными объектами. — Подобное лечиться подобным. — Принцип ассоциации. — Магический перенос болезни. — Амулеты. — Положение или направление. — Элемент времени. — Соблюдение числа. — Отношения между оператором и пациентом. — Заклинания. — Отношение к любовным чарам и контроль за рождением детей. — Плиний и астрология. — Небесное влияние. — Звезды и мир природы. — Астрологическая медицина. — Заключение: магическое единство суеверий Плиния.

Прощай, природа, мать всех вещей, и в твоем великом разнообразии благослови меня, единственного человека среди, римлян, который пропел тебе хвалу».

Место «Естественной истории» Плиния в истории науки

Значение этой книги для нашего исследования

Вряд ли можно найти лучший отправной пункт для описания союза магии и науки в Римской империи и исследования вопроса о том, как этот союз повлиял на науку Средних веков, чем «История природы» Плиния. Это утверждение, которым много лет назад я начал главу, посвященную «Естественной истории» Плиния Старшего в моем более кратком исследовании роли магии в интеллектуальной истории Римской империи, по-прежнему сохраняет свою силу. Несмотря на то, что я описывал тогда, как Плиний смешал магию с наукой, я не вижу способа сделать мою нынешнюю работу всеобъемлющей и завершенной без включения в нее более подробного анализа этой книги Плиния.

Труд Плиния как собрание разнородной информации

«Естественная история» Плиния, появившаяся около 77 года нашей эры, была посвящена императору Титу и является, пожалуй, самым важным дошедшим до нас источником по истории древней цивилизации. Её тридцать семь книг, написанных в очень сжатом стиле, представляют обширное собрание самой разнообразной информации. Любой ученый, изучающий древнюю живопись, скульптуру и другие искусства; географию Римской империи; Римские триумфы, гладиаторские бои и театральные представления; индустриальные производства древности; Средиземноморскую торговлю; Итальянское сельское хозяйство; добычу полезных ископаемых в Испании; историю Римских монет; колебание цен в древности; представления язычников о бессмертии; состав древних прохладительных напитков; религиозные ритуалы древних римлян; или какой-нибудь другой вопрос, всегда найдет что-то полезное для себя у Плиния. Он стремился не только описывать, как обстояло дело со всем этим в его время, но и сообщать о том, откуда что взялось. Более того, он подробно описывает много интересных политических событий и просто истории, а также рассказывает об экономической, социальной, художественной и аристократической

жизни древних римлян. Однако, изучать подробно какую-либо одну проблему по этой книге очень трудно и достойно сожаления, что у неё нет подробных аналитических индексов. Добавим, что, хотя труд Плиния — это простое собрание сведений, автор высказывает свои соображения и резко критикует роскошь, пороки и неинтеллектуальный характер своего времени. Он разделял взгляды Ювенала, создавшего картину деградирующего Римского общества, поскольку сам был человеком высокого морального уровня.

Отражения древней науки о природе

Название книги Плиния «*Naturalis Historia*», или в переводе «Естественная история», критиковали за то, что оно не отражает всей сущности этого труда. Его называли скорее обширной энциклопедией древнего знания и верований, касающихся практики всех известных предметов» (Восток и Рим, 1855 г.). Плиний и сам упомянул в предисловии греческое слово «энциклопедия» как показатель того, что его труд является всеобъемлющим. И все-таки, книга Плиния, посвященная, в первую очередь, природе, а не человеческой цивилизации, и большая часть сведений, касающихся искусства и предпринимательства довольно случайна. Основная часть книги этого труда носит следующие названия: «Водные животные», «Экзотические деревья», «Лекарства, получаемые из лесных деревьев», «Природа металлов». Вступительная книга содержит предисловие, содержание и список трудов древних авторов, которые были использованы при написании всех последующих книг. Вторая книга рассказывает о Вселенной, небесных телах, метеорологии, и о крупных процессах, вроде землетрясений и приливов, происходящих на суше и на море, которые формируют земную поверхность. Четыре книги посвящены географии, а седьмая рассказывает о человеке и его изобретениях. Ещё четыре посвящены водным и сухопутным животным, птицам и насекомым. Еще шестнадцать рассказывают о растениях, деревьях, винограде и другой растительности, и о лекарственных веществах, получаемых из них. В пяти книгах обсуждаются лекарственные вещества, содержащиеся в телах животных и в человеческом теле; а последние пять книг посвящены металлам, минералам и искусствам, в которых их применяют. Таким образом, Плиния, в основном, интересует естествознание, и его работа представляет собой кладезь самой разнообразной исторической информации. Для нас — это самое настоящее сокровище, поскольку в ней содержится много сведений об истории науки.

Одновременно, «Естественная история» является не только кладезем информации, но и кладезем ложных сведений, Плиний очень доверчив и не умеет отличать ложное от истинного. В его обширной житнице зерна реальных исторических фактов засорены плевелами легенд и магии. Другие исследователи должны быть очень осторожными и не принимать на веру его высказывания, но для нас — это сущий клад. Возможно, для нас гораздо важнее, что труд Плиния является очень ценной коллекцией древних заблуждений, чем сборником древних знаний. В нем освещается самые разные отделы магии, и даются её характеристики. Более того, Плиний часто говорит о магах или колдунах, а в первых главах 13-й книги подробно рассуждает, что такое магия. Это — один из самых важных отрывков, посвященных магии, встречающихся у древних авторов.

Плиний Старший, как он сам пишет в книге «Естественная история» и как мы узнали из одного-двух писем о нем, написанных его племянником, Плинием Младшим, которого он усыновил, родился в знатной римской семье, сделал карьеру в качестве военного, юриста и политика. Его жизнь прошла, в основном, на службе у императоров Рима. Он бывал в Испании, Африке, Греции и Египте, а в Германии воевал. Перед смертью он командовал римским флотом на западном побережье Италии. Он умер в 56 лет, задохнувшись в дыму во время извержения Везувия, когда пытался спасти людей.

Из всех произведений Плиния до нас дошла лишь «Естественная история», однако, сохранились названия других книг, которые свидетельствуют о его трудолюбии и обширных интересах. Он писал об использовании метательных копий в кавалерии и жизни своего друга Помпония; создал двадцать книг, где рассказывал обо всех войнах Рима с Германией, а также большую книгу об ораторском искусстве под названием «Студент»; грамматическую или философскую работу в восьми книгах под заглавием *De dubio lermone*, а также написал продолжение «Истории» Ауфидия Басса в тридцать одной книге. Тем не менее, в посвящении «Естественной истории» императору Титу он утверждает, что его дни были посвящены официальным делам, и лишь ночью он мог заняться литературным трудом. Это утверждение подкрепляется письмом его племянника, который сообщает, что Плиний работал при свечах поздно ночью или до рассвета. Плиний Младший рассказывает нам несколько случаев, которые показывают, как его дядя ценил каждую свободную минуту. Укладываясь спать или

лежа в ванной, он диктовал свои произведения или слушал чтение книг; во время путешествий его секретарь всегда сидел рядом, держа наготове книги или таблички. В холодную погоду Плиний надевал перчатки, чтобы его руки не замерзали, и он мог писать. Он всегда конспектировал то, что читал, и после его смерти племяннику досталось сто шестьдесят тетрадей с его заметками, написанными мелким почерком на обеих сторонах листа.

Собственное описание Плиния «Естественной истории»

Таковы были условия и метод, которые помогли Плинию составить свою энциклопедию. Ни один греческий или латинский автор, пишет он, никогда еще не создавал такого обширного труда. Он добавляет, что суметь описать двадцать тысяч тем, выбранных в ходе внимательного чтения книг, написанных сотней авторов. Однако, судя по библиографии и цитатам, он, по-видимому, обработал труды более ста авторов. Впрочем, он мог и не читать всех авторов, упомянутых им в библиографиях. Он утверждает, что ученые прошлого времени имели доступ лишь к небольшому числу трудов, которые он использовал, и что он добавил много фактов, которые были неизвестны древним авторам и были обнаружены лишь недавно. Время от времени обнаруживается, что Плиний был знаком с верованиями и практиками галлов и друидов. Таким образом, его труд — это нечто большее, чем просто компиляция других книг. Впрочем, Плиний пишет, что он многое опустил, поскольку он всего лишь человек и имеет много других обязанностей. Он признаёт, что предмет его исследований сухой (*sterilis materia*) и не позволяет прибегать к литературным украшениям; нет в нем и тем, которые заставили бы его писать и приятных вещах, которые приятно читать, вроде речей, чудесных явлениях и различных случаях. Не позволяет тема его книги демонстрировать чистоту и элегантность стиля, поскольку иногда ему приходится использовать словечки сельских жителей, иностранцев и даже варваров. Более того, «это очень сложная задача — придать новизну старому, авторитет — новому, интерес — скучному, свет — темному, и очарование — отвратительному», каким без сомнения, были его описания многих лекарственных средств — «достоверность — сомнительному».

Преданность науке

Плиния, в его тяжёлом труде, когда многие смеялись над ним, заявляя, что он попусту тратит время на никому не нужные пустяки,

очень утешала мысль, что его подталкивает сама природа. В другом абзаце оп противопоставляет кровь и убийства в ходе войны той пользе, которая приносит человечеству астрономия. В третьем отрывке он с завистью пишет, что даже в годы политических неудач и борьбы, когда связь между странами нарушилась пиратством и войной, в Греции не угасал всеобщий интерес к науке. В Риме же, несмотря на царящий мир, не только не проводятся новые научные исследования, но люди даже не утруждают себя тщательным изучением работ древних авторов, и больше заботятся о наживе, чем о приобретении знаний. Этот и другие отрывки, которые можно было бы привести, говорят о том, как сильно Плиний был предан науке.

Конфликт науки и религии

У Плиния мы также замечаем конфликт между наукой и религией. В единственной главе, посвященной Богу, он много пишет против язычества и политеизма; отцы церкви позже повторили его высказывания, приведя по этому поводу гораздо больше аргументов. Но его доводы вряд ли удовлетворили бы христианина. Плиний утверждает, что «именно божественное начало в человеке заставляет его помогать другим людям, и это путь к вечной славе», но Плиний использует это благородное чувство, чтобы оправдать обожествление императоров, которые так много сделали для человечества. Плиний сомневается, что Бога интересуют дела человеческие; если бы это было так, то Бог был бы вечно занят, стараясь наказать по заслугам всех преступников; кроме того, он указывает, что есть вещи, которые Бог сделать не в состоянии. Он не может, подобно человеку, совершить самоубийство, не может изменить события, которые уже произошли, или сделать так, чтобы дважды десять не было равно двадцати. Из этого Плиний делает такое заключение: «В этом определенно проявляется власть природы, и именно это мы и называем Богом». Во многих других отрывках он восхваляет доброту природы и ее способность предвидеть. Он верит в то, что душа не может существовать без тела, и что после смерти в теле не остается никаких чувств или души, как это и было до рождения. Надежду на личное бессмертие он с презрением называет «ребяческим бредом», порождаемым страхом смерти; еще меньше он верит в возможность возрождения тела. Он согласен признавать лишь законы природы, механические силы и факты, поддающиеся научному объяснению. Только это было способно удовлетворить

его мощный интеллект. Тем не менее, позже мы увидим, что он испытывал огромные трудности, когда ему приходилось объяснять, чем наука отличается от магии, кроме того, он верил во многие вещи в науке, которые кажутся нам такими же суевериями, как и языческие верования в богов, которые он отвергал. Но, если кто-то из читателей склонен преуменьшать из-за этого интеллект Плиния, пусть он задумается о том, что Плиний высмеял бы многих современных ученых за их религиозные верования, спиритуализм и психологические теории.

Плиний не получил натуралистического образования

Необходимо, однако, оценить подготовку Плиния к научному труду, чтобы понять, насколько точной является его работа. Сам он, по-видимому, не получил необходимого обучения в области естественных наук и не имел в этом деле никакого опыта. Он пишет не как натуралист, который проводил тщательные и обширные наблюдения за явлениями природы, а как всеядный читатель, делавший многочисленные выписки из прочитанного. Таким образом, он обязан своими знаниями, в основном, книгам или слухам, хотя время от времени употребляет слова «Я знаю», вместо выражения «Говорят, что», или приводит результаты своих наблюдений и экспериментов. В целом, он не ученый, а всего лишь историк науки или природы; поэтому название его книги «Естественная история» очень точно отражает ее суть. Однако возникает вопрос — получил ли он необходимое научное образование, чтобы правильно оценить сделанное учеными прошлого? Читал ли он самых лучших авторов, отмечал ли он самые ценные отрывки из их произведений, понимал ли их значение? А, может, он приводил неверные теории и опускал более правильные объяснения некоторых александрийских ученых? На эти вопросы трудно дать ответ. К чести Плиния стоит сказать, что он редко обращался к малопонятным научным теориям и описывал, в основном, простые вещества и географические объекты, то есть то, в чем был совершенно уверен. Специалистов-ученых в ту пору было очень мало, и наука находилась на ранней стадии развития и не была еще столь разветвленной, так что одному человеку было вполне под силу охватить всю область ее исследований и отдать ей должное. Плиний-младший, вероятно, был пристрастным судьей, но он охарактеризовал «Естественную историю» как «работу, замечательную обширностью своих сведений и эрудицией и не менее разнообразную, чем сама природа».

Опора Плиния на авторитеты

Надо отдать должное Плинию как компилятору. Помимо своей потрясающей трудоспособности, неувядающего интереса и, очевидно, обширной помощи со стороны жрецов, он честно приводит полный список тех авторов, работы которых он использовал, хотя и отмечает, что многие авторы переписывали книги других слово в слово, не ссылаясь на источник. Тем не менее, он всячески демонстрирует свое восхищение многими авторами, не раз подчеркивая, как тщательно и старательно люди прошлого проводили свои исследования, не оставив ничего неизученного и неопробованного — от недоступных горных вершин до корней трав. Но это не мешает ему, порой, оспаривать их выводы. Например, Гиппократ говорит, что появление желтухи на седьмой день болезни, сопровождаемой сильным жаром, говорит о приближении смерти, «но нам известно несколько примеров, когда люди выздоравливали даже после этого», добавляет Плиний. Он также ругает Софокла за его выдумки о янтаре. Нам может показаться странным, что он ожидает точных научных данных от драматурга, но Плиний, как и многие средневековые писатели, по-видимому, считал писателей знатоками науки. В другом случае он соглашается с утверждением Софокла о том, что названное им растение ядовито, хотя другие авторы это отрицали. Плиний объясняет это тем, что «авторитет столь выдающегося человека не позволяет мне верить им». Он цитирует слова Менандра о рыбах и, как и большинство древних людей, считает Гомера непререкаемым авторитетом по всем вопросам. Плиний порой цитирует труды царя Юбы Нумидийского, хотя в древние времена не было большего лжеца, чем он[15].

Среди прочих вещей, в работе, написанной им для Юлия Цезаря, сына Августа, он утверждал, что кит длиной 600 футов (180 м) и шириной 360 футов (108 м) вошел в одну из рек Аравии. Но где же было Плинию найти правду? Стоик Хрисипп верил в волшебную силу амулетов; трактаты, которые приписывают великим философам Демокриту и Пифагору, были полны магии, а в трудах Цицерона он прочитал о человеке, который мог видеть на расстоянии 135 миль (216 км)! Варрон писал,

---

[15] Тем не менее, К. У. Кинг в своей книге «Естественная история драгоценных камней» высказывает сожаление об утрате трактата Юбы. Он пишет: «учитывая его положение и возможности для получения точной информации, мы можем только сожалеть, что в своем каталоге он выдавал желаемое за действительное».

что, стоя на Сицилийском полуострове, этот человек мог подсчитать количество судов, выходящих из гавани Карфагена!

Отсутствие у Плиния системы и классификации

«Естественную историю» критиковали за то, что материал в ней излагается бессистемно и без научной классификации, но такие же обвинения можно предъявить многим работам классического периода. Их изложение хаотично и перескакивает с одного вопроса на другой, никакой логики и системы там нет. Даже Аристотелеву «Историю животных» Льюис описывает как хаотичную и случайную в подборе материала. Я часто думаю о том, что века схоластической науки оказали человечеству одну очень важную услугу — схоластики научили лекторов и писателей как правильно организовывать излагаемый материал. Плиний даже опередил свое время, снабдив свои труды содержанием — чтобы занятому императору было удобнее ориентироваться. До него это сделал, пожалуй, один Валериус Соранус. Одним из свидетельств спешки и отсутствия умения сортировать свой материал и сопоставлять его, является тот факт, что Плиний иногда делает или вставляет в текст книги противоречащие друг другу заявления, взятые, вероятно, из разных источников. С другой стороны, он часто ссылается на предыдущие абзацы своей книги, а это говорит о том, что он хорошо владел материалом.

Скептицизм и легковерие Плиния

Плиний однажды сказал, что нет такой плохой книги, из которой нельзя было бы извлечь чего-нибудь полезного, но для современного читателя он кажется необыкновенно легковерным и неразборчивым в выборе материала; кроме того, у него нет критерия, который помог бы ему определить, что в его тексте истинно, а что — нет. При этом он часто проявляет скептицизм и жестоко критикует других за их доверчивость или преувеличения. «Очень странно, — пишет он о слухах, в которых утверждается, что некоторые люди на девять или десять лет превращаются в волков, — как далеко заводит греков их легковерие. Они верят в самую невероятную ерунду». В одном месте он выражает свое намерение включать в книгу только те факты, с которыми согласны все авторы использованных ими произведений.

Руководство по древней науке

В целом, несмотря на то, что сегодня «Естественная история» кажется беспорядочным и неразборчивым нагромождением фактов и выдумок,

ее недостатки, вероятно, объясняются тем, что в те времена иных трудов просто не было, и Плиний позаимствовал у авторов, книги которых он использовал, и их ошибки. И, пусть в труде Плиния не нашли своего отражения величайшие достижения античной науки и идеи лучших ученых эпохи эллинизма — а надо сказать, что если бы не Плиний, то о многих из них мы бы вообще почти ничего не знали — его книга дает нам очень точное представление о науке и о природе того времени и предшествующих веков, а также об ошибках этой науки. В любом случае, это — самый лучший портрет этой науки, из тех, что до нас дошли. Книга Плиния помогает понять, что в эпоху эллинизма магию и науку часто путали друг с другом. На этом фоне он рассказывает нам о развитии обеих этих областей знания в Римской империи и в Средние века. Плиний приводит очень много примеров по каждому вопросу, и гораздо более полные характеристики этих проблем, чем это делали древние или средневековые научные трактаты, поэтому его книгу можно считать справочником, в котором можно найти справку по любому утверждению, связанному с наукой о природе, сделанному более поздними авторами. Это, конечно, вовсе не означает, что подобное утверждение принадлежит этим авторам, но это не говорит и о том, что они списали его у Плиния; они могли использовать одни и те же источники. Так обстоит дело с греческими авторами, жившими в более поздние времена в империи, которые, вероятно, не знали работ Плиния.

Влияние Плиния на средневековую науку

В Средние века «Естественная история» оказала на ученых самое непосредственное влияние. Было сделано много копий этого труда, хотя они, в значительной степени, испортили его, поскольку туда было внесено много исправлений и поправок, из-за которых текст стал еще более непонятным. Возможно, копиисты Средних веков нанесли трудам Плиния и другой ущерб. Во многих рукописях приводятся лишь несколько книг или фрагментов текста Плиния, так что, вполне возможно, что многие средневековые ученые знали Плиния лишь частично[16].

---

[16] Например, в труде Роберта Крикладенса из Оксфорда, приведены лишь отрывки со второй по девятую книгу Плиния. О труде «Космография мира», созданном Джоном Фри, который родился в Бристоле или в Лондоне, учился в колледже Баллиол в Оксфорде, позже стал профессором медицины в Падуе

Впрочем, вряд ли это свидетельствует о том, что они не смогли включить больше информации из книги Плиния в свои труды; скорее всего, они знали ее так хорошо, что считали ее информацию как нечто всем хорошо известное и старались включить в свои книги другие материалы. Ниже мы рассмотрим трактат «Медицина Плиния», написанный на основе «Естественной истории». Фраза Плиния «*rerum natura*» встречается во многих средневековых энциклопедиях аналогичного содержания. И его имя было так хорошо известно в Средние века, что ему даже приписали работу о философском камне.

Первые печатные издания

О том, что «Естественная история» была хорошо известна, по крайней мере, в конце Средневековья, свидетельствуют ее многочисленные печатные издания, причем некоторые из них — очень роскошные. Их начали издавать в Италии сразу же после изобретения книгопечатания. В одной только Мальебехской библиотеке во Флоренции хранятся книги, изданные в 1469 и 1472 году в Венеции; в 1473 году — в Риме и в 1481 году в Парме; снова в Венеции — в 1487, 1491 и 1499 годах, не говоря уже об итальянских переводах, появившихся в Венеции в 1476 и 1489 годах. Эти издания сопровождались выходом книг, в которых некоторые высказывания Плиния подвергались критике. В 1492 году в Ферраре появился трактат «Об ошибках Плиния и других в медицине», написанный Николасом Леониченом из Виченцы с посвящением Полициану. Однако, через два года у Плиния появился защитник в лице Рэндольфа Колленика.

Влияние Плиния на последующих ученых будет описано ниже. Мы же займемся исследованием того, какие признаки экспериментальной науки у него имеются, выведенные из прошлого или добавленные им самим. Во-вторых, мы выясним, какие вещи он называл магией, и что он по этому поводу писал. И в-третьих, что из того, что он считал естественной наукой, мы должны рассматривать как магию.

и доктором — в Риме, хорошо знавшим гражданское право и греческий язык, Кокс писал: «Эта книга — ничто иное, как собрание отрывков из «Естественной истории» Плиния, начиная со второй книги и заканчивая двадцатой». Интересно, использовал ли Джон Фри манускрипт, содержащий первые девятнадцать книг труда Плиния, который был создан в конце 12-го века в новом колледже Оксфорда, поскольку он часто называет вторую книгу «Естественной истории» первой?

Экспериментальные тенденции Плиния

Большое значение, которое Плиний придавал наблюдению и эксперименту

Наверное, это просто совпадение, что два средневековых манускрипта 14 века завершают «Естественную историю» серединой семьдесят шестой главы из ее последней книги словами: «*Experimenta pluribus modis constant...Primum pondere*»[17]. Но, хотя Плиний, по самой природе своего труда, использует многочисленные источники, он часто демонстрирует понимание того, (как и полагается человеку, изучающему природу), что для постижения истины необходимо наблюдать и изучать все на своем собственном опыте. Многие высокопоставленные римляне заявляли, что они доходили со своими армиями до самых Атласских гор, но Плиний неоднократно доказывал, опираясь на свой собственный опыт, что это ложь. Этот пример навел его на мысль, что люди легче всего верят в ложь, если фальшивые сведения сообщает уважаемый всеми автор. В других местах Плиний называет опыт лучшим учителем и сравнивает болтовню и школьные уроки с одиноким собиранием трав в нужное время года. То, что на Земле суша везде окружена водой, не требует аргументов, поскольку это было установлено опытным путем. И, если бы саламандра действительно помогала погасить огонь, то это было бы уже давно установлено в Риме. С другой стороны, в «Естественной истории» мы находим такие утверждения, которые Плиний мог сам бы проверить на опыте и установить, что они ложные, например, то, что яичную скорлупу нельзя разбить или раздавить, если не наклонить немного яйцо набок. Иногда он приводит факты из своего собственного опыта, а в других случаях ссылается на опыт других.

Использование слова «эксперимент»

Слово, которое Плиний использует для обозначения опыта — это эксперимент. Во многих случаях оно вовсе не означает целенаправленный, специально подготовленный научный эксперимент, как мы понимаем его в наши дни, а просто обычный опыт, полученный в ходе

[17] Лат. «Эксперименты во многих отношениях имеют первостепенную значимость» — прим. ред.

повседневной жизни. Нам также сообщается о том, что советуют *experti* (эксперты), то есть опытные люди. Тем не менее, в некоторых отрывках слово «эксперимент» используется в значении, близком к современному. Это происходит в тех случаях, когда он говорит о проверке какого-либо утверждения. Например, способ определения, протухло ли яйцо, во время которого его опускают в воду и смотрят — утонет оно или нет, называется у Плиния экспериментом. То, что лошади радостно ржут, увидев картину лошади, написанную Апеллесом, подтверждает то, что он выдающийся художник. Это — художественный эксперимент. Выражение «религиозный эксперимент» Плиний применяет к испытанию, которое доказало, что Клавдия — девственница. Этим словом Плиний называет и способы определения качества мазей, не прокисло ли вино, а также различные способы проверки подлинности лекарств, драгоценных камней, металлов и грунтов. Дважды оно используется при опускании зажженной лампы в огромную бочку с вином или в колодец для того, чтобы определить, нет ли там ядовитых газов. Если лампа гаснет, значит вино и вода из этого колодца опасны для жизни. Плиний также предлагает проводить специальные эксперименты, помогающие найти под землей воду или сделать прививку деревьям.

Эксперименты, проводимые из научного любопытства

Большая часть этих тестов и экспериментов представляла собой практические операции, применяемые в домашнем хозяйстве или промышленности. Но Плиний рассказывает об одном-двух экспериментах, которые, по-видимому, проводились исключительно из научного любопытства. Он называет словом «эксперимент» следующее: один человек залез в колодец, чтобы доказать, благодаря тому, что колодец полностью освещается, что в день летнего солнцестояния солнце в полдень не отбрасывает на луну никаких теней. Для того, чтобы определить продолжительность жизни дельфина, на его хвосте сделали отметку; он был пойман во второй раз через триста лет. Возможно, это был самый длительный эксперимент за всю историю. И третий опыт — в Риме поместили человека в яму со змеями, чтобы узнать, действительно ли на него не действует их яд.

Медицинские эксперименты

Слово «эксперимент» Плиний очень часто употребляет в значении «лекарство». Это значение было очень распространено в Средние века.

Он называет определенные лекарства от зубной боли и воспаления глаз *certa experimenta* — проверенными средствами. Позже словом «эксперимент» стали обозначать почти все рецепты или лекарства. Плиний писал, что врачи учатся, рискуя нашими жизнями, и приобретают опыт, обрекая нас на смерть. В другом отрывке он утверждает, что врачи «не перестают экспериментировать с разными веществами, заставляя нас излечивать даже яды». Он также кратко упоминает о медицинской секте Эмпириков, о которых нам подробно рассказал Гален. Он говорит, что они называют себя так потому, что исследуют все на своем опыте. Эта секта была создана в городе Агригентуме на Сицилии Акроном и Эмпедоклом.

Случайные эксперименты и божественное откровение

Плиний не хочет верить тому, что некоторые вещи, о которых он прочитал у «авторов, прославившихся своей мудростью», можно было познать на собственном опыте. Например, то, что морская звезда обладает такой страстной натурой, что сжигает в море все, что ее коснется и мгновенно переваривает свою пищу. Тот факт, что алмаз можно разбить только с помощью козлиной крови, он считал божественным откровением, ибо вряд ли это можно было обнаружить случайно, и он не может себе представить, чтобы кому-нибудь могло прийти в голову проверить прочность предмета огромной ценности, опустив его в кровь самого грязного из животных. В других отрывках он рассказывает о том, как случай, неприятность, сон или божественное откровение помогли обнаружить лечебные свойства тех или иных вещей. Например, недавно было установлено, что корень дикой розы способен излечивать водобоязнь. Матери одного преторианского гвардейца приснился сон, в котором ей было велено послать сыну корень этой розы. Этот корень вылечил не только его, но и многих других людей, которые его применяли. А один солдат во времена Помпея случайно обнаружил лекарство от слоновьей болезни, спрятав от стыда лицо в листьях дикой мяты. Другая трава, тоже случайно, помогла вылечить болезнь селезенки, когда на эту траву случайно упали внутренности животного, принесенного в жертву. Эта трава полностью поглотила его селезенку. Точно также, случайно, было обнаружено, что от укусов осы отлично помогает уксус. Человек, которого укусила оса, нес с собой кожаную бутыль с уксусом. Он заметил, что почувствовал боль от укуса только после того, как поставил бутыль на землю. Поэтому он решил попробовать, что будет, если выпить уксус. Он сделал это

и был полностью вылечен[18]. Одни способы врачевания были познаны на личном опыте сельскими жителями или неграмотными людьми, а другие — путем наблюдения за животными, которые лечились с их помощью. По мнению Плиния, животные наткнулись на эти способы случайно.

Чудеса, доказанные на опыте

Плиний рассказывает нам о чудесах и невероятных для современного человека вещах, существование которых было доказано опытным путем. Например, многочисленные опыты, проведенные публично или наедине, показали, что можно предсказывать будущее с помощью грома. В двух абзацах из трех, о которых я говорил выше, упоминаются эксперты, опытные люди, которые рекомендовали проводить магическую по своему характеру процедуру. В другом отрывке «опыт многих» подтверждает наличие странного обряда срывания почек у растений. Четвертая магическая процедура называется «чудесной, но легко проверяемой». Это облегчает нам переход от экспериментальной науки в «Естественной истории» к нашей следующей теме, — представлениям Плиния о магии.

Как Плиний представлял себе магию

Восточное происхождение магии

Плиний кратко рассказывает о происхождении магии и ее распространении, но этот рассказ весьма путанный и недостоверный, поскольку он говорит о существовании двух Заратустр, отделенных друг от друга пятью или шестью тысячелетиями, и двух Осфанах, один из которых сопровождал Ксеркса, а другой — Александра Македонского в их походах. Он заявляет, что не ясно, существовал ли один Заратустра, или их было двое. В любом случае, многие века магия процветала на Земле, и была создана в Персии Заратустрой. Другие колдуны Мидии, Вавилонии и Ассирии для Плиния — просто имена; позже он упоминает и других — например, Аполлобека и Дарадана. И, хотя он утверждает, что магия появилась на востоке, он не делает

---

[18] Среди других свойств уксуса, помимо того, что он способен разбивать камни, Плиний упоминает следующий: если человек подержит уксус во рту, то ему не страшен перегрев в бане.

никакого различия, как многие другие авторы, между магами Персии и обычными колдунами; не употребляет он и слово магия в двух смыслах. Тем не менее, Плиний говорит о том, что были и другие люди, которые относились к магии более доброжелательно, чем он.

Распространение магии среди греков

Далее Плиний рассказывает о том, как магия распространилась среди греков. Он удивляется, почему в «Илиаде» о ней не говорится ничего, а в «Одиссее» — очень много. Он сомневается, стоит ли считать Орфея колдуном, и говорит, что Фессалия была знаменита своими колдуньями, по крайней мере, уже во времена Менандра, который назвал одну из своих комедий в их честь. Но он считает, что именно Осфан, сопровождавший Ксеркса в его походах, познакомил с магией говорящий по-гречески мир, который тут же потерял от нее голову. Чтобы узнать о магии побольше, философы: Пифагор, Эмпедокл, Демокрит и Платон отправились в дальние скитания и по возвращении рассказали о том, что им удалось узнать. Плиний считает, что главную роль в распространении идей магии сыграли работы Демокрита. Это произошло примерно в то же самое время, когда, благодаря трудам Гиппократа, стала развиваться медицина. Некоторые считали книги по магии, приписываемые Демокриту, подложными, но Плиний настаивает, что они были написаны именно Демокритом[19].

Распространение магии за пределами греко-римского мира

За пределами регионов, говорящих по-гречески, откуда, конечно же, магия пришла в Рим, Плиний упоминает еврейскую магию, представленную такими людьми, как Моисей, Ианнес и Лотанес. Но он верил, что магия у евреев появилась лишь через много лет после Заратустры. Он говорит о кипрской магии, и магии друидов, которые в Галлии были колдунами, прорицателями и врачами до тех пор, пока император Тиберий не устроил на них гонения, и о магии далекой Британии. Эти народы, жившие далеко друг от друга, имели общее — преданность

---

[19] Аулус Геллиус, X, 12, и Колумелла, VII, 5, не были согласны с этим. Тертелот (в «Происхождении алхимии») утверждает, что книги по алхимии, которые приписывают Демокриту, а также книги медицинских и магических рецептов, цитаты из которых приводятся в «Геопонике», были написаны членами Демокритовой школы, существовавшей в начале христианской эры.

магии. Из того, что Плиний рассказывает нам в других своих книгах о скифах, мы можем сделать вывод, что кочевники, жившие в русских степях и в Туркестане, тоже занимались магией.

Неспособность понять истинное происхождение магии

Плиний считал магию собранием идей, сформулированных одним человеком, которого можно назвать создателем магии, иными словами, она появилась не в ходе постепенной социальной эволюции. Точно также греки и римляне приписывали создание своих законов и обычаев одному законодателю. Тем не менее, он вынужден был признать, что магия появилась в глубокой древности, хотя и не мог себе представить, чтобы обширное учение Заратустры и Дардана могло передаваться из уст в уста в течение длительного периода времени. Это замечание снова демонстрирует нам, что он вовсе не думал, что магия является сочетанием социальных обычаев и отношений, которые передаются из поколения в поколение с помощью устойчивых и универсальных практик. Тем не менее, то, что он говорит о распространении магии у народов, которые никак не были связаны друг с другом, это подтверждает.

Магия и прорицание

Плиний очень хорошо понимал, как обширны области применения магии, и в чем суть ее характеристик, по крайней мере, какой она была в его время. «Не следует удивляться, — говорит он, — что ее власть была очень большой, поскольку это было единственное из искусств, которое охватывало и объединяло в себе три других искусства, так сильно действующие на человеческий ум, а именно, медицину, религию и искусство прорицания, то есть астрологию». То, что, по его мнению, «математические искусства» имеют отношение к астрологии, видно из его дальнейших слов: «поскольку нет ни единого человека, который не хотел бы знать, что ждет его в будущем, и который не думает, что это наиболее точно демонстрируют небеса». Но магия «помогает прорицать будущее с помощью воды, сфер, воздуха, звезд, ламп, чаш, лезвий топоров и многими другими способами, помимо общения с тенями из потустороннего мира». Таким образом, нет никаких сомнений, что Плиний считал различные способы прорицания частью магии.

Магия и религия

Мы знаем, что Плиний был уверен, что магия и религия тесно связаны. Характер его «Естественной истории», которая посвящена

природным, а не религиозным вопросам, не позволяет ему вдаваться в подробности по этому вопросу. Однако, время от времени, он упоминает о религиозных ритуалах и обычаях своей эпохи, и это подтверждает нашу информацию, полученную из других источников, что первоначально римская религия включала в себя веру в магические силы, правила и церемонии магии.

Магия и медицина

Почти половина всех книг «Естественной истории» посвящена, в целом или частично, лекарствам от разных болезней, а, следовательно, связи между магией и естествознанием, и в частности, между магией и медициной. Именно в этих областях Плиний и приводит самую подробную информацию. Он говорит, что «никто не сомневается» в том, что магия «первоначально возникла из медицины и прячась под маской укрепления здоровья, подкрадывалась как более высокая и священная медицина». Магия и медицина развивались вместе, и последняя сейчас находится под угрозой того, что разные причуды магии заставят человека сомневаться, обладают ли вообще растения лекарственными свойствами.

Магия и философия

Тем не менее, по мнению многих, знать магию необходимо и очень полезно. В древности, и, в этом случае, почти во все времена, литературное имя и славу приносила именно эта наука. Евдоксий считал, что это самая выдающаяся и нужная людям из всех философских школ. Магию изучали Эмпедокл и Платон, а Пифагор и Демокрит постоянно писали о ней в своих трудах.

Ложность магии

Однако, сам Плиний считал, что утверждения, содержащиеся в книгах по магии, фантастичны, преувеличены и ложны. Он постоянно называет магов или колдунов дураками и самозванцами, а их высказывания — абсурдной и бесстыдной ложью. Он постоянно клеймит верования магов словом «чепуха». По его мнению, часть их писаний была продиктована чувством презрения к людям и желанием посмеяться над ними. Нерон доказал, что искусство магии лживо, ибо, хотя он с огромным желанием изучал магию, и с его гигантским богатством и властью имел все возможности стать опытным магом, он так и не научился совершать чудеса и отказался от этих попыток. Плиний, поэтому, приходит к выводу, что

магия «пустое и бессмысленное занятие, однако в ней есть [проблески] истины, хотя они появляются, скорее от ядов, чем от магии».

Преступления, связанные с магией

Это последнее замечание наводит нас на мысль об обвинениях, которые выдвигались против колдунов. Помимо ядов, они занимались изготовлением приворотного зелья и составов, вызывавших выкидыш у женщин; некоторые их действия действительно бесчеловечны, непристойны или отвратительны. Они включали в себя наведение порчи или передачу болезни от одного человека к другому. Осфан и даже Демокрит предлагали такие способы лечения, как питье человеческой крови или использование в магических смесях и церемониях частей тела тех людей, которые были жестоко убиты. Плиний полагает, что человечество очень обязано римскому правительству за то, что оно запретило приносить в жертву людей, когда убить человека считалось делом, угодным богам; более того, поедать человеческое мясо считалось очень полезным для здоровья.

Плиний критикует магию, главным образом, с интеллектуальной точки зрения

Тем не менее, считая магию преступным и недостойным занятием, Плиний гораздо сильнее критикует ее с интеллектуальной точки зрения, утверждая, что это ложное и противоречащее научному знанию учение. Но если говорить о медицинских советах самого Плиния, то надо признать, что они весьма далеки от приличных, хотя он везде приводит примеры колдунов, которые помогают людям уберечься от скверны. Более того, среди методов, применяемых магами, и результатов, которых они стремятся добиться, часто упоминаемых Плинием, совсем немного таких, которые отвергает мораль, хотя все они ложны. Но многие из рецептов колдунов направлены на исцеление болезни и другие достойные, или по крайней мере, приемлемые цели. Вероятно, Плиний критически изучил труды по магии и попытался убрать из них все секреты, которые могли бы привести к преступлению, но его «цензура». по-видимому, была больше интеллектуальной, чем моральной. Например, он приводит в одной главе отрывки из трактата Демокрита о свойствах хамелеонов и частей их тела. Демокрита он считал основным поставщиком магических книг. В начале этой главы Плиний «с большим удовольствием» заявляет, что ему представилась возможность выставить на всеобщее обозрение «греческую тщеславную ложь», а в конце ее он выражает желание, чтобы кто-нибудь

дотронулся до Демокрита пальмовой ветвью, которая, по его мнению, исцеляет людей от неумеренной болтливости. После этого Плиний милосердно добавляет: «Нет сомнений в том, что этот человек, во всех других отношениях мудрый и наиболее полезный член общества, ошибался из слишком горячего желания помочь людям».

Слабость и скептицизм Плиния

Сам Плиний не всегда последователен в своем скептическом отношении к магии. Часто бывает трудно понять, как он сам относится к тому или иному вопросу. К тому же бывает невозможно понять, говорит ли он серьезно или слегка насмехается, а может даже впадает в сарказм, как в случае с только что приведенным высказыванием о Демокрите. Другое странное заявление Плиния гласит, что он собирается привести список некоторых утверждений колдунов, чтобы выставить их на посмешище. Но, обычно, просто излагает их методы, очевидно, надеясь, что присущая им от природы абсурдность сама по себе способна их развенчать. В тех же редких случаях, когда он решается объяснить, в чем же заключается эта абсурдность, его аргументы никак не назовешь научными или убедительными. Так, он утверждает, что «главным доказательством тщеславия колдунов служит тот факт, что изо всех животных они больше всего восхищаются кротами, которые прокляты самой природой, поразившей их вечной слепотой и [заставившей] их рыться в темноте, словно они были похоронены». А высмеивая веру магов в то, что яйцо совы способно вылечить болезни кожи головы, он задает вопрос: «Кому, спрашиваю я, удавалось увидеть яйцо совы, если увидеть саму эту птицу — просто чудо?». Более того, он порой цитирует высказывания колдунов безо всякой критики, извинений или выражения недоверия; есть много других отрывков, где практически невозможно определить, цитирует ли он колдуна или нет. Иногда он ссылается на магов, употребляя местоимения в тех главах, где совсем не упоминаются их имена. В других местах он неожиданно перестает ссылаться на магов, а через некоторое время вдруг снова возвращается к этому[20]. Кроме того, трудно

---

[20] Например, в книге XXXVII, 14, он заявляет, что собирается опровергнуть «невообразимую чепуху колдунов», касающуюся драгоценных камней, но не приводит ни одной конкретной цитаты из их произведений до самой 37-й главы, посвященной яшме.

бывает понять, в каких случаях, по мнению Плиния, авторы вроде Демокрита и Пифагора высказываются как представители магии, а когда — как мудрые философы.

Магия и наука неразделимы

Несмотря на храбрые попытки Плиния высмеять отдельные утверждения колдунов или отнестись к ним с недоверием, чувствуется, что в глубине души, они ему нравятся, и он, более чем наполовину, в них верит. В любом случае, он верит в аналогичные вещи. Кроме того, предыдущие работы, посвященные природе, изобилуют подобным материалом, а читатели его эпохи так сильно интересуются всем этим, что он не может не включать эти темы в свои книги. Однажды он заявляет, что некоторые утверждения магов нельзя принимать всерьез, но отмахнуться от них нельзя, поскольку они дошли до нас из глубокой древности. И снова он просит простить его за аналогичные примеры «греческого тщеславия», поскольку они тоже имеют свою ценность — мы должны знать, о каких чудесах рассказывают нам греки. Дело, вероятно, в том, что Плиний некоторые идеи магов отвергал, а другие — принимал; он позаимствовал скептическое или насмешливое отношение из одних источников, а безоговорочное одобрение — из других, то есть из трудов тех авторов, которым он доверял. Вполне вероятно, что в использованных им источниках часто было не вполне понятно (как это случается в «Естественной истории»), принадлежит ли то или иное утверждение магу или нет. Очень может быть, что Плиний, как и мы вслед за ним, сам не до конца понимал, о чем он пишет. Он не мог выбросить магию из своего творения точно так же, как бедный мистер Дилс — голову Карла I из своей книги. Тем не менее, ясно одно — магия играла важную роль в его энциклопедии и в жизни его эпохи.

Наука магов

Колдуны — исследователи природы

Давайте теперь изучим картину магии Плиния, но не его описание или критику, а его собственные идеи, изложенные в весьма многочисленных цитатах из книг, которыми он пользовался, и возможно, из практики магов. Здесь я хочу четко ограничить мой обзор только теми утверждениями, которые Плиний, безо всякого сомнения, приписывал магам или магическому искусству. Самая удивительная

вещь в его книге — это то, что он снова и снова цитирует магов, говоря о предполагаемых свойствах, достоинствах и влиянии разных объектов природы: трав, животных и камней. Эти свойства, и вправду, часто помогали получить удивительные результаты, но не менее часто их сочетали в некоторых фантастических ритуалах или суеверных церемониях, совершаемых специальным человеком. Впрочем, во многих случаях, не предлагается никаких особых ритуалов или простых лечебных процедур; иногда даже не упоминается о специальных операциях или результатах. Плиний ссылается на авторитет колдунов, рассказывая о великих, но не определенных достоинствах природных объектов. И в самом деле, маги предстают на страницах книги не как простые кудесники, чаровники или чудотворцы, а как люди, которые пошли дальше других и более подробно — по мнению Плиния, слишком далеко и слишком подробно — изучили природу и медицину. В одних случаях, их высказывания цитируются безо всякой критики, дополняя высказывания других авторов; а в других они являются для Плиния единственным источником информации по тому или иному вопросу.

Маги о травах

Плиний тесно связывает с магией возникновение ботаники, называя Медею и Цирцею самыми древними исследователями трав, а Орфея — одним из первых авторов, писавших о растениях. Более того, Пифагор и Демокрит позаимствовали из работ восточных магов описания их свойств. Впрочем, нет никакого смысла приводить здесь названия растений, о свойствах которых Плиний узнал из трудов магов, поскольку мы не знаем их современных названий. Достаточно сказать, что Плиний не возражал против использования этих растений. Не критиковал он и методы их применения, хотя для современного читателя они могут показаться весьма подозрительными. Из одних растений надо сплести венок, другие надо рвать только левой рукой, приговаривая, для чего их рвут, а в одном случае ни за что не надо оглядываться. Анемоны надо заготавливать, как только они появятся из земли, приговаривая при этом, для чего их рвут. После этого их надо завернуть в красную ткань и хранить в тени. Человеку, заболевшему малярией, привязывают их к телу. Гелиотроп вообще не надо срывать — на нем завязывают три или четыре узла, молясь при этом, чтобы больной выздоровел, развязывая их.

Плиний не высказывает никаких сомнений в чудесных результатах, которых, по мнению магов, можно достичь с помощью трав, до самого конца своей 24-ой книги. Однако уже в 20 и 21-й книгах травам приписываются также свойства, как способность вызывать любовь, добиваться желаемого, а также славы и почестей. В конце 24-й книги он пишет, что Пифагор и Демокрит, вслед за магами, приписывают травам такие необычные свойства, как способность замораживать воду, вызывать духов, заставлять людей признаваться в своих проступках, пугая их привидениями, и даровать людям дар прорицания. В начале 25-й книги он заявляет, что маги и их ученики приписывают травам совершенно невероятные свойства, а в следующей книге утверждает, что маги очень сильно верят в магическую силу вербены и уверены, что если человек ею натрется, то все его желания будут исполнены, а сам он сможет избавиться от лихорадки и других болезней и сможет завести множество друзей. Эту траву надо собирать на восходе Сириуса (Собачей звезды), когда на небе нет ни Солнца, ни Луны. Для умиротворения земли ей сначала предлагают мед или медовые соты, после чего растение окапывают железным предметом, держа его в левой руке, и осторожно вытаскивают.

К тому времени, когда Плиний добирается до 26-й книги, он уже осмеливается вставить триаду против «магической ерунды, которая достигла такой степени, что может полностью уничтожить всякую веру в травы». В качестве примеров он приводит утверждение магов о том, что растения могут осушать реки и болота, одним прикосновением открывать запертые двери, обращать вражеские армии в бегство и обеспечивать послов персидских царей всем необходимым. Он удивляется, почему же тогда эти травы никогда не применялись в римской армии или для осушения болот на территории Италии. Таким образом, Плиний отрицает только сверхъестественные свойства, которые приписывали растениям маги. Он добавляет, если бы люди соблюдали во всем умеренность, то вера в подобные чудеса не была бы столь сильна. И еще — если бы о более современной медицинской науке, основанной Асклепием, не говорили бы, что она пошла еще дальше магов. Здесь мы снова встречаемся с нежеланием Плиния признавать магию примитивным социальным продуктом и результатом дегенерации древней науки. Наоборот, он считает ее сравнительно современным развитием этой науки. Но он вполне мог думать, что многие искусственные рецепты и ритуалы появились позднее

и были придуманы чересчур учеными колдунами. Так он называет ложным утверждение современного ему грамматика Апиона о том, что трава кинокефалия имеет божественное происхождение и является противоядием, но убивает тех, кто вырывает ее с корнем.

Животные и части тела животных

В некоторых случаях Плиний выступает против использования магами животных или частей их тела, как уже в цитированном отрывке о том, что маги больше всех других зверей любят кротов. Но в этом утверждении он противоречит сам себе, поскольку ранее заявлял, что они сильнее всего восхищаются гиеной, на том основании, что она способна творить с людьми чудеса. Плиний критикует заявление магов о том, что тот, кто вотрет себе в кожу львиное сало, особенно скапливающиеся между бровей льва, будет пользоваться благосклонностью людей и царей, на том основании, что никакого сала между его бровей нет. Он также насмехается над магами за то, что они преувеличивают значение такого отвратительного животного, как клещ. Их привлекает в нем то, что он не имеет в своем теле отверстий и живет всего лишь семь дней, даже если ему нечего есть. Существует ли в данном случае какое-либо астрологическое значение в слове «семь», Плиний не сообщает. Он говорит нам о том, что сверчка используют в магии, потому что он передвигается задом наперед. Очень редким предметом, которым пользуются друиды и другие маги, является нечто-то похожее на яйцо, порождаемое шипением или пеной змеи. Кровь василиска он тоже считает очень редкой. Маги предпочитают всяких необычных животных, например, черную овцу, но аргументы, приводимые Плинием в доказательство, почему они это делают, не совсем понятны. В ряде других случаев, которые Плиний не подвергает критике, мы встречаемся с симпатической магией или принципом «подобное лечится подобным», например, когда селезенка теленка или овцы используется для лечения болезней человеческой селезенки.

Другие примеры

Впрочем, маги не гнушались и такими привычными и легкодоступными животными, как козлы, собаки и кошки. Они использовали мозги щенков, кровь и половые органы собак, а также желчный пузырь черного кобеля. Эти же органы, взятые у других животных, тоже были очень популярны. Колдуны часто пускали в ход и мельчайшие части тела животных, такие как пальцы ног совы, печень мыши в финике, зуб

живого крота, камни из мускульного желудка молодой ласточки, глаза речного краба. Иногда использовался пепел сожженного органа — возможно, как напоминание о жертвоприношении. Так, для лечения зубной боли маги впрыскивали в ухо, поблизости от зуба, пепел сожженной головы бешеной собаки, смешанной с кипрским маслом, а при поражении сухожилий — пепел совиной головы, разведенный в вине с медом и корнем лилии. Плиний называет и других животных, которыми пользовались маги: саламандры, земляные черви, летучие мыши, скарабеи с отогнутыми рогами, ящерицы, черепахи, клопы, лягушки и морские ежи. Хвост дракона, обернутый шкурой газели и привязанный к телу сухожилием оленя, лечит эпилепсию, а смесь драконьего языка, глаз, желчного пузыря и других внутренностей, сваренная в масле и охлажденная на воздухе ночью и втираемая в кожу утром и вечером, избавляет от ночных кошмаров.

В одних случаях части животных надо привязывать к телу больного, в других — просто дотрагиваться ими до поврежденного участка тела. В одних случаях следовало обкурить весь дом лечебным веществом, в другом — опрыскать им стены, в третьих — зарыть его под порогом дома. Иногда проводились более сложные магические ритуалы, связанные с животными и частями их тела. Легче всего поймать гиену, если завязать семь узлов на уздечке и хлысте коня охотника; ее следует ловить, когда Луна находится в созвездии Близнецов, но при этом нельзя ронять ни единого волоска из шкуры гиены. Кота, чья засоленная печень вместе с вином используется для лечения малярии, следует убивать только при убывающей Луне. Чтобы избавиться от недержания мочи, надо выпить смешанный со сладким вином пепел гениталий дикого кабана, а потом помочиться в собачью будку, приговаривая при этом: «Чтобы я больше не писал, как собака в своей будке». Колдуны настаивали, что при лечении водянки женщинам надо давать жженый коровий помет в вине с медом, а мужчинам — жженый помет быков в том же вине с медом. Для лечения детских болезней надо мозги козы пропустить через золотое кольцо и капнуть ими в рот младенца до того, как приложить его к груди. После того, как к телу больного приложат свежую овечью селезенку со словами: «Я делаю это, чтобы вылечить селезенку», ее следует приклеить к стене спальни и запечатать своим кольцом, а потом еще двадцать семь раз повторить это заклинание. Для лечения седалищного нерва необходимо положить земляного червя в разбитое деревянное блюдо, скрепленное железным обручем,

наполнить это блюдо водой, потом вытащить червя и зарыть его там, откуда он был взят, а воду дать выпить пациенту. Глаза речных крабов следует привязывать к больному до восхода солнца, а самих крабов после того снова бросать в воду. Обнеся три раза дом летучей мышью, ее нужно прибить гвоздями вниз головой за окном, и тогда она превратится в оберег. Для лечения эпилепсии следует накормить больного козлятиной, поджаренной на погребальном огне, а желчный пузырь не должен ни в коем случае касаться земли.

Чудеса, совершаемые частями тела животных

Плиний порой отзывается о своих цитатах из книг магов, где они рассказывают о лечебной силе частей животных, как о лживых, содержащих чепуху или «зловещих». Но он вовсе не критикует способы применения этих частей, а также ожидаемые результаты, как он критиковал методы лечения травами и их результаты. Как мы уже отмечали, части тела животных применяются, в основном, в лечебных целях. Однако, другие части использовались и в сельском хозяйстве, например, для того, что чтобы отучить козлов уходить из дома, или заставить свиней следовать за хозяином. А вот кровь василиска, по мнению магов, помогала добиться ответа на прошения, отправленные влиятельным людям и на молитвы, обращенные к богам. Она также служила оберегом от яда и колдовства. Тот, кто хочет стать непобедимым, должен надеть на себя голову или хвост дракона, или прикрепить волосы со лба льва, обмазаться львиным костным мозгом или пеной коня, победившего в скачках, привязать к телу собачью челюсть, завернутую в оленью шкуру, а также сначала мускулы оленя, а потом — газели. Если положить на правую грудь спящей женщины сердце совы, то она выдаст во сне свои секреты, а если съесть еще бьющееся сердце крота, то обретешь дар предсказания будущего.

Маги о камнях

В случае с камнями, как и с травами, древние названия нам ничего не скажут. Сопровождающий ритуал весьма прост — два или три подвешивания камня на шею или на любое другое место с помощью львиной гривы — но ни в коем случае не шерсти гиены! Не подходят и волосы кинокефала или перья ласточки. В нескольких случаях надо прочитать заклинания над камнем, к одному камню — приложить железо, а другой закопать под деревом, чтобы топор не тупился.

Чтобы обрести дар прорицания надо в определенные дни и лунные часы, смочив рот медом, положить камень на язык. Результаты, судя по обещаниям, замечательные. Камни помогают ораторам произносить речи, простым людям — получать доступ к царским особам, противостоять обольщению и чарам, предотвращать град, удар молнии, грозы, появление саранчи. А также отгонять скорпионов; охлаждать кипящую воду, разрушать согласие в семье, делать атлетов непобедимыми, погашать гнев и жестокость, превращать человека в невидимку, вызывать богов и тени из загробного мира.

Другие магические рецепты

Мы еще не упоминали о группе магических рецептов и лекарств, которую Плиний собрал в отдельной главе, поскольку они не вписываются ни в какую другую категорию. Если положить под подушку человека, которого пытались отравить, но так, чтобы он этого не заметил, камень, с помощью которого затачивали железные инструменты, то он сообщит вам обо всех обстоятельствах этого отравления. Если перевернуть человека, в которого ударила молния, на пораженный бок, то он тут же заговорит. Чтобы избавиться от опухоли в паху, надо завязать семь или девять узелков на остатках ткацкой сети, упоминая при завязывании каждого узелка имя вдовы. Можно избавиться от боли, привязав к телу гвоздь, на который наступили ногой. Чтобы избавиться от бородавок, лягте на двадцатый день Луны на дорожку, и, глядя на Луну, поднимите руки над головой и потрите бородавки тем, что попадется под руку. Мозоль можно убрать в тот самый момент, когда на небе падает звезда. От головной боли помогает жидкая мазь, которую изготовляют, поливая уксусом дверные петли или обвязав виски пациента веревкой, полученной от палача. Чтобы вытащить из горла рыбную кость, опустите ноги в холодную воду; чтобы вытащить какую-нибудь другую кость, положите на голову кости; чтобы вытащить кусочек хлеба, натолкайте в уши хлебного мякиша. Из соседней главы можно добавить магический рецепт лечения лихорадки, хотя Плиний называет его «самым скромным из всех обещаний» магов. Перед восходом солнца прикрепите к двери какого-нибудь человека обрезки ногтей рук и ног, смешанные с воском — и болезнь перейдет от вашего пациента к этому человеку. Или положите эти обрезки около муравейника, поймайте первого же муравья, который попытается их туда затащить, и подвесьте этого муравья пациенту на шею.

Обобщение магических приемов

Такова картина, которую мы получаем, прочитав многочисленные отрывки из «Естественной истории» Плиния об искусстве магов, их материалах и ритуалах, о том, какого результата они хотели добиться, и об их общем отношении к природе. Помимо природных материалов, которые они используют ради чудесных результатов, мы должны отметить частое применение повязок, подвесок и амулетов, а также наблюдений за астрологическими условиями, в определенное время и в определенном количестве. Маги также соблюдают правила сбора трав и завязывания узлов, подчеркивают, какой рукой надо рвать растение — левой или правой, — иными словами, в каком положении или направлении. Они применяют также заклинания, принесения жертв и окуривания, и используют принципы симпатической магии — «подобное лечится подобным» — и другие виды магической логики.

Магическая наука Плиния

От магов к магии Плиния

Теперь обратимся к более многочисленным отрывкам из «Естественной истории», где автор уже не цитирует магов, и сравним свойства, которые он сам приписывает объектам природы, и методы, которые рекомендует использовать в медицине и сельском хозяйстве, с этими же темами у магов. Во многих местах мы обнаружим поразительное сходство и вскоре поймем, что в «Естественной истории» гораздо больше магии, которую рекомендует сам Плиний. Ему нет нужды говорить о том, что медицина была испорчена магией; об этом свидетельствует его собственная медицина. Практически вся эта книга посвящена описаниями чудесных свойств и фантастических церемоний, и в некоторых местах бывает трудно определить, когда он использует материал магов, а когда — нет. Проанализировав этот материал, мы попытаемся составить классификацию веществ, которые использует Плиний, которые он им приписывает, ритуалов и методов, с помощью которых они применяются, а также определенных суеверных доктрин и идей. И мы увидим, что наука Плиния и его описания приемов колдунов почти полностью строятся на одних и тех же факторах.

Обычаи животных

Начнем с животных. Но, прежде чем рассказать о том, как в магии используются их свойства, отметим еще одну, далекую от науки,

суеверную черту, присущую одновременно авторам античности и Средневековья. Это — стремление очеловечить животных, приписывая им сознательные побуждения, привычки и правила, и даже нравственные стандарты и почитание богов. У нас будет случай упомянуть о тех же самых идеях, встречающихся у других авторов, пока же мы приведем лишь некоторые из многочисленных примеров, которыми насыщена «Естественная история». Плиний, в особенности, очеловечивал слонов, которых он по уровню развития интеллекта сравнивал с людьми, утверждая, что они поклоняются звездам, учатся разным сложным трюкам, обладают чувством справедливости, могут испытывать сочувствие и т.д. Аналогичным образом, лев обладает благородством и храбростью, а также чувством благодарности, в отличие от львицы, которая очень ловко маскирует свою страсть к леопарду. Несколько способов, к которым прибегают рыбы, чтобы не попасть на крючок или в сети, Плиний позаимствовал из книги «Халейтикон», сохранившейся только в отрывках. Крокодил открывает пасть, чтобы птички почистили ему зубы, но иногда во время этой операции ихневмон (фараонова мышь) «как дротик проскакивает в его пасть и съедает его кишечник». Плиний также восхищается чудесами изворотливости, которую проявляют драконы и слоны в своих битвах, но которые, тем не менее, практически всегда заканчиваются гибелью обоих. Слон изнемогает в объятиях драконовых колец и падая, давит дракона своим телом. Другие говорят, что в жаркие летние дни дракон нападает на слона, поскольку кровь слона очень холодна; во время схватки дракон выпивает у слона всю кровь, но тот все равно его сокрушает, захмелевшего от этой крови.

Лекарства, применяемые животными

То, что дракон знает, что кровь слона — очень холодна, наталкивает на мысль о лечебных веществах, которым лечатся животные; люди, заметив это, тоже стали использовать их как лекарства. Это поверье из Древнего мира перекочевало в Средневековье, и, конечно же, его придумал не Плиний. Он пишет: «Древние люди записывали средства, которыми лечились дикие животные, утверждая, что они помогают даже при отравлениях». Чтобы уберечься от аконита, смертельного яда, скорпион съедает чемерицу, а пантера — человеческие экскременты. Животные готовятся к сражению с ядовитыми змеями, поедая определенные виды трав: ласка ест руту, черепаха и олень — другие растения, а полевая мышь, ужаленная змеей, спасается кондрионом.

Ястреб раздирает ястребинку клювом, обрызгивая свои глаза ее соком. Змея, сбрасывая старую шкуру, поедает фенхель. Больные медведи лечат себя муравьями. Ласточки помогают птенцам вернуть себе зрение хелидонией или ластовенем, а историк Касантус утверждал, что дракон возвращает своих мертвых детенышей к жизни травой под названием балис. Лечение кровопусканием впервые испробовал на себе бегемот, когда острый тростник, росший на берегу, разрезал ему вену на ноге. Бегемот тут же залепил рану грязью и остановил кровотечение. Плиний, впрочем, в одном абзаце пишет, что животные наталкиваются на эти способы лечения случайно, и должны каждый раз по-новому их отыскивать, поскольку, продолжает он, вполне в духе теории о способностях зверей, «мысли и опыт животные друг другу передавать не могут».

Ревность среди животных

В другом отрывке Плиний описывает недоброжелательность собак, которые, увидев, что человек за ними наблюдает, не рвут траву, способную излечиться от укуса змеи. Вероятно, в разных отрывках Плиний использует сведения из двух разных источников. Теофраст, ученик Аристотеля, написал работу под названием «Ревнивые животные». Более простительным, чем злонравие собаки, является отношение дракона, из мозга которого извлекают драгоценный камень драгонит, правда, только тогда, когда дракон спит. Убивать его при этом нельзя, ибо, почувствовав, что его смертельно ранили, он, чтобы отомстить человеку, испортит камень. Слоны знают, что человек охотится на них только ради бивней, и зарывают их в землю, когда они у них отваливаются.

Оккультные способности у животных

Животные обладают и другими чудесными способностями, помимо медицинских, которые использует человек. Например, одного взгляда на василиска достаточно, чтобы умереть, а его дыхание сжигает растения и раскалывает горные породы. Однако, медицинские свойства, которые Плиний приписывает животным и частям их тела — это еще не все. Многие ткани животных и их продуктов можно использовать и в других целях, о которых следует сказать. Это головы и кровь мух, мед, в котором погибла пчела, *cinere genitseis asinia*, цыплята, еще не вылупившие из яйца, а также три раза по семь стоножек, растворенных в аттическом меду — этот раствор, якобы, способен излечить

астму, но его надо пить через тростинку, поскольку всякая посуда от него чернеет. Другой совет гласит: если вы хотите, чтобы у вас родился ребенок с черными глазами, съешьте крысу или землеройку. Всего этого достаточно, чтобы убедиться, что все рецепты, связанные с животными и их частями, которые применяли маги, не более тошнотворные и кошмарные, чем те, что описаны в «Естественной истории», и что излечиться от болезней с их помощью так же нереально. Чтобы продемонстрировать, однако, какая крошечная разница существует не только между свойствами частей тел одного и того же животного, но и между разными способами использования одной и той же части, скажем, что чешуйки, которые надо соскрести с верхушки панциря черепахи, и добавить в питье, подавляют сексуальное желание. Самое удивительное, отмечает Плиний, что если растереть в порошок весь панцирь, то этот порошок уже возбуждает желание! Впрочем, в магии, как и в романах, любовь быстро превращается в ненависть, и не надо удивляться, если у разных авторов одна и та же субстанция, но в слегка измененной форме, дает совершенно противоположный эффект.

Свойства трав

Сало свиньи, как сообщает Плиний, обладает особенно сильными свойствами, «поскольку это животное питается корнями трав». От свойств животных переходим к травам. Плиний на каждом шагу встречается с подтверждениями их замечательных качеств. Создатели Римской империи использовали священные травы сагмина и вербена в своих посольствах и дипломатических миссиях. Галлы с помощью вербены бросали жребий и предсказывали будущее. Более скептически Плиний отзывается о другом корне, который надо пить, чтобы вызвать вдохновение. Скифам было известно растение, которое подавляет голод и жажду, если подержать его во рту. Другая трава оказывает аналогичный эффект на коней, поэтому скифы могли обходиться без еды и питья 12 дней. Впрочем, это была преувеличенная оценка трудностей, которые приходилось терпеть азиатским кочевникам и их лошадям. Мусей и Гесиод писали о том, что человек, который натрется *полионом,* добьется славы и почестей.

Плиний, вероятно, не до конца доверял подобным заявлениям, хотя нам не известно, чтобы он где-нибудь подвергал их сомнению. Правда, он жаловался, что некоторые авторы приписывают травам свойства совершенно невероятные — например, способность возрождать к жизни драконов и людей или вырубать клинья из деревьев, но,

тем не менее, он соглашается с мнением большинства, что нет ничего такого, чего нельзя было бы добиться с помощью трав. Герофил, знаток медицины, утверждал, что некоторые травы помогают даже в том случае, если на них просто наступить. По мнению Плиния, на это способны многие растения. Он заявляет, что если обвязать ветку финиковой пальмы вокруг шеи быка, то самые свирепые из них будут стоять смирно; другие растения помогают запрячь неспокойных животных в ярмо, а корову, съевшую *buprestis*, разрывает на части. Другая трава, *contacto genitali*, способна убить самку любого животного. Буквица считалась амулетом для лошадей, а рыбаки, жившие неподалеку от Плиния, смешивали растения с мелом и бросали в воду. «Рыба жадно набрасывается на эту смесь и тут же безжизненно поднимается на поверхность». На человека, несущего в руке *perstireos*, не будут лаять собаки. «Нечестивое растение» предохраняет любого человека, попробовавшего его, от ангины, а свинья, наоборот, заболеет, если съест его. Некоторые кладут это растение в птичьи гнезда, чтобы прожорливые птенцы не подавились. Горький миндаль порождает весьма странное сочетание событий. Если человек съест пять таких миндалин, то он может спокойно пить, не боясь захлебнуться, но если их съест лиса, то она, наоборот, умрет, если поблизости не будет воды и она не сможет напиться. Некоторые травы оказывают лечебное воздействие при одном лишь взгляде на них. Мужская и женская особь одного растения помогает обеспечить рождение ребенка нужного пола.

Как надо собирать травы

Мы находим в «Естественной истории» множество доказательств того, что сбор трав и выкапывание корней должны сопровождаться различными магическими ритуалами. Многие травы надо собирать еще до рассвета. В двух случаях Плиний предупреждает нас, что корень пиона надо выкапывать ночью, иначе дятел Марса попытается выклевать вам глаза. Следует также следить за фазами Луны, а в одном случае говорит, что определенную траву надо рвать перед тем, как прогремит гром. Растения, в целом, надо срывать левой рукой, а одну траву — большим пальцем левой руки. В одном случае надо просунуть правую руку в левый рукав и только после этого рвать растение. Иногда надо встать лицом на восток, иногда — на запад, в других случаях надо следить, чтобы ветер дул вам в спину. В ряде случаев ни в коем случае нельзя отворачиваться, в других — прежде, чем собирать траву, надо поголодать, или воздержаться от половых сношений. Одни травы надо

собирать босиком, облачившись в белое; другие — сняв с себя всю одежду и даже кольца. В одних случаях запрещается пользоваться железными инструментами, в других — надо брать золотую лопату или лопату, сделанную из других материалов; одну траву надо выкапывать ногтем. Иногда надо кончиком меча нарисовать на земле несколько кругов вокруг растения. Очень часто запрещается дотрагиваться растением до земли, после того, как оно выкопано, вероятно, из опасения, что земля вытянет из него все его магические свойства. Плиний три раза, по крайней мере, ссылается на то, что сборщики трав перед продажей оставляют себе несколько растений, на тот случай, чтобы, если им не заплатят, сколько они запросят, посадить их на то же самое место, где они росли. Это делается для того, чтобы болезнь снова вернулась к пациенту, который пожадничал. Очень часто требуется сказать вслух, зачем человек рвет растение, или для кого оно предназначено. В одном случае сборщик произносит: «Это — трава Аргемона. Минерва обнаружила, что оно вылечивает свинью, которая его съест». В другом случае нужно поприветствовать растение, а потом молча выдавить из него сок — тогда его лечебная сила возрастет во много раз. В других случаях надо сначала умилостивить землю, в течение трех месяцев поливая почву вокруг нужного растения гидромелем (медовым напитком), или заполнить дыру, оставшуюся после выкапывания, разными видами зерна. Иногда, собираясь на сбор трав, надо заранее принести жертвы вином и хлебом, или попросить у богов разрешения сорвать то или иное растение. В нескольких местах Плиний рассказывает о том, как собирают травы друиды. Прежде чем сорвать священную омелу, они на шестой день Луны приносят жертвы и устраивают под деревом пир. Закалывают двух белых быков; жрец, облаченный в белое, срезает омелу золотым серпом и заворачивает ее в белое покрывало.

Сельскохозяйственная магия

К рассказу Плиния о травах можно добавить несколько примеров использования магических ритуалов в сельском хозяйстве, а также суеверий крестьян, которыми изобилует его книга. Чтобы уберечь пшеницу от заболеваний, зерно перед посадкой надо вымочить в вине, соке определенных трав, коровьей желчи, человеческой моче, или дотронуться до него плечами крота — животного, над любовью магов к которому Плиний насмехался. Сеять поле следует в определенную фазу Луны. Перед тем, как взрыхлить землю, нужно обнести вокруг поля лягушку, а потом закопать ее в центре этого поля в глиняном

сосуде. Однако, перед сбором урожая этот сосуд надо непременно выкопать, иначе просо будет горьким. Птиц можно отпугнуть, посадив по углам поля траву, названия которой, к сожалению, Плиний не знал. Мышей отпугивают пеплом ласки; от ложно-мучнистой росы помогают лавровые листья, а гусениц отпугивают, укрепив череп самки какого-нибудь животного на палке и установив ее в саду. Чтобы плоды в садах и виноградниках не погибли от тумана или грозы, надо закопать в землю лягушку, как было указано выше, или сжечь среди деревьев живого краба, или освятить окрашенную виноградину. Чтобы сохранить в сарае зерно, к потолку подвешивают лягушку. Если надо отпугнуть волков, поймайте одного, сломайте ему лапы и привяжите его к плужному лемеху; обрызгав его кровью границы поля, заройте скелет волка в том месте, откуда вы начали. Или освятите на алтаре Лара лемех плуга перед тем, как проложить первую борозду. Лисы не тронут кур, которых накормили высушенной печенью лисы, или которым привязали на шею кусочек ее шкуры. Папоротник не прорастет на прежнем месте, если его срезать острыми краями тростника или выкорчевать лемехом плуга, который накрыт тростником. Об использовании заклинаний в сельском хозяйстве мы поговорим ниже.

Свойства камней

Вера Плиния в то, что камни обладают магическими свойствами, была гораздо слабее, чем вера в растения и части тела животных. Он называл утверждения Демокрита, Пифагора и магов о подобных свойствах камней «неописуемой чепухой» и «чудовищной ложью». Говоря о камнях, он воздерживается от прямых заявлений, предпочитая употреблять выражения «если верить этому» или «если они говорят правду». О поверье, будто в моче рыси образуются драгоценные, камни он писал: «Я думаю, что это ложь, и в наши дни никто не видел таких камней. То, что говорят об их лечебных свойствах, тоже ложь». Впрочем, он признавал, что если растереть некоторые камни в порошок и, размешав в воде, выпить, или носить их как амулеты, то они могут оказать лечебное воздействие. Другие свойства камней он описывал безо всяких доказательств или комментариев, например, то, что камень ампант помогает противостоять всякому колдовству, что алмаз изгоняет из ума пустые мысли, что сидерит порождает разлад и судебные тяжбы, а если положить на ночь под подушку камень эвмес, то приснится вещий сон. Говорят, что магниты бывают разного пола, а Теофраст и Лукиан верили в то, что определенные камни могут иметь потомство.

Другие минералы и металлы

В описаниях магических процедур у Плиния иногда фигурирует железо — когда его либо запрещается использовать, либо, наоборот, рекомендуется — при заготовке трав или при убийстве животных. В Аркадии не рекомендуется спать под тисом, поскольку это дерево способно отравить спящего под ним человека, но если вбить в него медный гвоздь, то оно становится безопасным. Плиний утверждает, что золото способно исцелить любые болезни, и рекомендует применять его для лечения раненых; детей же оно оберегает от порчи. Земля часто способна творить чудеса, но только в определенных местах — например, между колеями тележных колес, или земля, выброшенная на поверхность муравьями, жуками или кротами, или в том месте, где остался след правой ноги человека, услышавшего в первый раз голос кукушки. Правило, запрещающее дотрагиваться магическим предметом до земли, применяется и во многих других случаях, а не только в отношении трав. Плиний в двух местах говорит о том, что земля не допустит, чтобы змея, укусившая человека, вернулась в свою нору. Обсуждая свойства металлов, Плиний не говорит о трансмутации или алхимии, если только это не рассказ о различных способах обработки металла, или о том, как Калигула извлекал золото из аурипигмента. Однако, приведенное ниже описание приготовления сурьмы показывает, как тесно была связана с магией древняя металлургия. Сурьму надо покрыть лоскутом коровьей кожи и обжечь в печи, потом вымочить в женском молоке и истолочь в извести с добавлением дождевой воды.

Свойства частей человеческого тела

Различные части и выделения человеческого тела обладают, по мнению магов, волшебными свойствами, как видно из приведенного выше рецепта, где рекомендуется применять женское грудное молоко. В других местах Плиний советует использовать молоко женщины, только что родившей мальчика, но лучше всего — близнецов. *Sed nihil facite reperiatur mulierum profiluvio magis monstrificum*, как продолжает показывать Плиний на многочисленных примерах. Особыми лечебными свойствами обладает моча, в особенности, моча невинного мальчика. Другими примерами лекарств, производимых человеческим телом, служат ушная сера или растертый в порошок зуб — они помогают при укусах змей и скорпионов. Человеческий волос помогает при укусах собаки, а первые волосы с головы младенца мужского пола лечит подагру. Если положить в браслет первый зуб, выпавший

у мальчика, и носить его постоянно, то это предохранит женщину от женских болезней. Только надо следить, чтобы этот зуб не коснулся земли. Чтобы избавиться от опухоли в паху, катаракты и болезней глаз, рекомендуется просто связать два пальца на руке и на ноге. Либо три раза дотронуться до больных глаз водой, в которой вымыли ноги. Заболевания горла и золотуху можно вылечить, прикоснувшись к руке человека, умершего преждевременной смертью; впрочем, некоторые не настаивают на этом обстоятельстве, достаточного того, чтобы покойник был одного с вами пола. Лечебный эффект оказывает также прикосновение к спине пациента задней частью ладони мертвеца.

Свойства человеческой слюны

Из всех жидкостей или выделений человеческого тела самой полезной считалась слюна. Ее чаще всего использовали в античной и средневековой медицине. Существовал обычай плевать два или три раза при лечении различных заболеваний или при проведении церемоний. Самым эффективным средством считался плевок постящегося человека. В главе, посвященной человеческой слюне, Плиний приводит список многих болезней и проблем, от которых она помогает. В этой связи он делает следующее абсурдное заявление, которое, как он говорит, очень легко проверить. «Если человек раскаивается в том, что он ударил кого-то издалека или своей собственной рукой, то пусть он плюнет на ладонь руки, которая нанесла удар, и человек, которого он оскорбил, тут же его простит. Это часто подтверждается примером вьючных животных, которых заставляют этим способом изменить скорость своего движения, в том случае, если не помогает удар бичом». Плиний, впрочем, добавляет, что некоторые люди считают, что если перед дракой поплевать на ладони, то сила их ударов возрастет. Против чар колдунов он предлагает плевать в мочу или в правый ботинок; то же самое надо делать, пересекая опасное место.

Влияние человеческого фактора

Важное значение человеческого фактора при совершении чудес, магических или медицинских, подтверждается тем, что, по словам Плиния, многие процедуры должны проводиться девственниками, а также людьми, которые воздерживаются от половых сношений или от пищи, а также в голом виде. Иногда во время совершения магического действия нельзя оглядываться, или разговаривать с кем-нибудь. Плиний также рассказывает нам о людях, которые обладали чудотворными

способностями, например, о человеке по имени Пиррхус, прикосновение пальца ноги которого обладало даром исцеления. Плиний также говорит о людях, взгляд которых обладает особой силой, о целых племенах заклинателей и лекарей, лечащих ядом, и других людях, в присутствии которых яйца протухают прямо под курицами. Сила слов будет рассмотрена отдельно, в разделе, посвященном заклинаниям.

Недоверие Плиния к составным лекарствам

Плиний считал, что самым сильным лекарством являются простые вещества, поэтому он исключил из «Естественной истории» странные и сложные составные лекарства, которые были так популярны в его дни. Об одном простом веществе, которое называется лазер, он говорит так: потребовалось бы много места, чтобы перечислить все проблемы, от которых он избавляет в том случае, если включить его в состав сложного лекарства. Он был уверен, что простые лекарственные средства являются непосредственным продуктом природы, в то время как микстуры, таблетки, пластинки, пластыри и полоскания были изобретены аптекарями. В одном месте, описывая средство под названием «Гермезий», которое помогает зачинать красивых и добрых детей, он пишет, что этот рецепт, по-видимому, Демокрит позаимствован у магов. Более того, Плиний уверен, что здоровье можно сохранить или вернуть только простыми лекарственными средствами, производимыми самой природой. Сложные лекарственные средства — продукт человеческой хитрости, алчности и непорядочности. Такие составы обычно фальшивы, поскольку они не учитывают природные симпатии и антипатии своих многочисленных ингредиентов. Часто составы совершенно неизвестны. Плиний также не доверяет лекарствам, привозимым из Индии, Аравии и с берегов Красного моря. Зачем они нужны, если есть домашние средства, которые может использовать даже самый последний бедняк?

Симпатическая магия

Мы только что упомянули о симпатии и антипатии, которая существует между простыми природными средствами. Плиний часто объясняет чудесное влияние природных объектов друг на друга любовью или ненавистью, дружбой или неприязнью, согласием или разногласиями, которые между ними существуют. Греки называли это симпатией и антипатией; первым на это указал, вероятно, философ Гераклит. Некоторые современные специалисты по магии пытались

найти объяснение магии в его теории, и Плиний утверждает, что медицина и лекарства были порождены именно этим.

Антипатия между животными

Животные испытывают друг к другу антипатию — например олени ненавидят змей. И эта ненависть так сильна, что самцы оленей преследуют гадов до самых нор и выгоняют их оттуда силой своего дыхания, как бы они ни сопротивлялись. И эта антипатия продолжается и после их смерти, ибо самым лучшим средством от укуса змеи служит сычужок олененка, убитого еще в утробе матери. Змеи уползают от человека, который носит при себе зуб оленя. Однако эта ненависть может обратиться в приязнь, ибо Плиний добавляет, что, в ряде случаев, определенные части тела оленя, обработанные особым способом, привлекают змей. Сильная антипатия может принимать очень странные формы. Клопы, какими бы противными они ни были, исцеляют от укусов змеи, в особенности, гадюк, а свинья может съесть ядовитую саламандру. Антипатия между козлами и змеями столь же сильна, как и между оленями и змеями, поскольку Плиний утверждает, что человек, которого укусила змея, поправится гораздо быстрее, если будет часто посещать загоны для коз или носить в качестве амулета желудок козы.

Любовь и ненависть у неодушевленных предметов

Существует также «ненависть и дружба между глухими и бесчувственными вещами». Например, магнит привлекает железо, а алмаз можно разбить, смочив его кровью козла. Эти два примера оккультного влияния и естественных чудес являлись классическими в эпоху античности и Средневековья. Плиний считает их самым ярким доказательством наличия симпатии и антипатии у предметов, поскольку веществом, которое не поддается железу и огню — двум самым сильным агентам, — является кровь самого отвратительного животного.

Симпатия между одушевленными и неодушевленными предметами

Более того, можно наблюдать симпатию и антипатию между одушевленными и неодушевленными предметами. Антипатия тамариска к селезенке (единственной из внутренних органов) столь сильна, что свиньи, которых поили из корыта, сделанного из этого дерева, не имеют селезенки (это выясняется после того, как их зарежут), поэтому людям, страдающим заболеванием этого органа, надо подавать пищу на посуде, сделанной из тамариска.

Свинья без селезенки, надо отметить, является еще одним общим местом древней и средневековой науки. Если обмазать улья пчел коровьим пометом, то все другие насекомые погибнут, а пчелы наоборот, приобретут новые силы, поскольку помет их и порождает, хотя Плиний нигде об этом не говорит. Тем не менее, существовала теория о том, что пчелы порождаются навозом. То, что дикая капуста враждебна по отношению к собакам, подтверждается словами Эпихарма о том, что ею можно излечить человека от укусов бешеной собаки. Если же вместе с мясом дать собаке дикую капусту, то она умрет. Змеи так сильно ненавидят ясень, что, если засыпать их листвой этого дерева с одной стороны, а на другой — разжечь огонь, то они предпочтут уползти к огню и погибнуть. Буковица им так ненавистна, что если вокруг них нарисовать круг ветвью этого растения, то они изобьют себя хвостами до смерти. Воздух Сицилии смертелен для скорпионов. Плиний утверждает, что если погрузить на телегу яблоки вместе с грушами, даже несколько штук, то эту телегу не смогут сдвинуть с места вьючные животные — возможно, в этом тоже виновата антипатия. Впрочем, это можно исправить, вызвав у животных симпатию к фруктам. Надо просто показать им, что их совсем немного или скормить им несколько яблок или груш. Симпатию можно привлечь к местам или религиозным обрядам. Плиний делает этот вывод на основе того факта, что жрица Аэгиры, перед тем как спуститься в пещеру для предсказания будущего, безо всякого вреда для себя выпивает бычью кровь, которая, по убеждению того времени, является для людей смертельным ядом.

Подобное лечится подобным

То, что подобное лечится подобным, или, парадоксальным образом, причина болезни исцеляет саму болезнь, еще одна идея, которую Плиний позаимствовал у магов. Так, укусы бешеной собаки надо лечить частями ее тела, а натертые во время верховой езды ноги надо смазывать пеной из лошадиного рта. След от укуса землеройки лучше всего излечивает наложение на эти места тела той самой землеройки, которая вас укусила, но можно использовать и другую землеройку; для этой цели их хранят в масле с землей. Укус фаланги излечивается одним взглядом на другую особь этого же вида, мертвую или живую.

От случаев, когда исцеление от болезни идентично его причине, совсем недалеко до лекарств, аналогичных или в определенном смысле связанных с этой причиной. Плиний не сомневается,

что камень в мочевом пузыре можно разбить с помощью растения, на котором имеются наросты вроде жемчуга. «Ни одна другая трава не демонстрирует столь явно, для чего она предназначена; ее можно узнать с первого же взгляда, не имея книжного знания». Аналогичным образом, офит, мрамор с прожилками как у змеи, служит амулетом от змеиных укусов. Митридат обнаружил, что кровь понтийских уток следует подмешивать в противоядия, поскольку они живут в ядах. Семя гелиотропа похоже на скорпиона; если дотронуться до скорпиона веточкой гелиотропа, то он тут же умрет. Скорпионы никогда не заползут в круг, который обведен этим растением. Чтобы ускорить роды, надо, чтобы муж снял с себя пояс и обвязал им роженицу, а потом развязал его, приговаривая, что когда-то он связал ее, а теперь развяжет, после чего мужчина должен уйти. Эпилептик может избавиться от приступов, если вбить гвоздь в том месте, где находилась его голова, когда он начался.

Принцип ассоциации

Другим примером ассоциации является применение в качестве лекарства части тела животного, не страдающего от болезни, которой заболел ваш пациент, или отмеченного противоположным состоянием здоровья. Козлы и газели не знают глазных заболеваний, поэтому для лечения своих глаз люди должны прикладывать к ним разные части тела этих животных. Орлы могут спокойно смотреть на солнце — их желчь надо включать в глазные мази. Птица под названием оссифрейж имеет всего одну кишку, которая переваривает все, что угодно; конец этой кишки служит амулетом против колик, а систему пищеварения можно исцелить, просто подержав в одной руке кишку этой птицы. Однако, не следует держать ее слишком долго, иначе ваша плоть будет испорчена. Кобылий яд надо добавлять в воск для свечей — тогда в их свете будут видны лошадиные головы. Чернила сепии, добавленные в воск, позволяют увидеть в темноте эфиопов, когда зажигают сделанные из него свечи. Эти магические свечи Плиний позаимствовал из работ Анаксилая, и мы найдем их в средневековой коллекции экспериментов. Земля, взятая из колеи, оставленной колесами телеги, способна излечить укусы землеройки, поскольку это животное такое апатичное, что даже не способно пересечь эту колею. Плиний уверен, что из всех достоинств, приписываемых колдунами кротам, существует только одно — они служат противоядием от укусов землеройки, которая переползает колеи, а кроты свободно роют норы в

земле. Плинию кажется невероятным заявление о том, что корабль будет двигаться медленнее, если на его борту окажется правая нога черепахи, хотя причина этого заявления совершенно очевидна.

Передача болезней с помощью магии

Плиний приводит несколько примеров того, что можно назвать магической передачей, целью которой является не полное излечение от болезней, а избавление от нее путем передачи ее какому-нибудь животному или предмету. Кишечные заболевания передадутся слепым щенкам, если прижать их к телу и влить им в рот молоко изо рта больного. Они умрут от болезни, причина и природа которой будут полностью установлены после вскрытия. Но, в конце концов, их надо закопать. Боль в животе можно успокоить, прижав к нему утку. Боль перейдет к ней. Для избавления от кашля надо плюнуть в рот лягушке; катаракту лечат, поцеловав мула. Правда, в этом случае нам не сообщается, переходит ли болезнь животному. Но, если человек, укушенный скорпионом, шепотом сообщает об этом ослу, то болезнь переходит к нему. От фурункула можно избавиться, натерев кожу вокруг него девятью зернышками ячменя; каждым зерном по три раза — левой рукой; после чего их надо бросить в огонь. Бородавки уйдут, если дотронуться до них зернышками нута, потом завязать все зернышки в тряпку и бросить через плечо. Если приложить к язве корень асфоделя, а потом подвесить его над дымом, то язва засохнет вместе с корнем. Чтобы вылечить золотушные язвы, к ним привязывают земляных червей — по числу язв — и дают им высохнуть. Зуб престанет болеть, если выкопать железным орудием траву эригерон; пациент должен три раза дотронуться до зуба поочередно ее корнем и побегами, после чего надо посадить траву на прежнее место, так чтобы она не засохла. Если этот случай относится к разряду магического переноса, то мы можем проследить похожие требования в некоторых из многочисленных примеров Плиния, где он говорит о том, что животные, после того, как у них взяли какие-то органы или части, или подвергли лечебным манипуляциям, должны остаться живыми.

Амулеты

Общей особенностью магической силы и оккультных свойств является то, что они способны действовать на расстоянии, без какого-либо физического контакта или непосредственного применения. Это выражается в практике ношения или привязывания амулетов или, что тоже

самое, ношения различных подвесок, когда магический предмет надевают на шею, или накладывания перевязок, когда амулет прикрепляют к какой-нибудь части тела, чтобы уберечь ее от опасности извне или вылечить внутреннее заболевание. Примеров таких практик в «Естественной истории» великое множество. На шею на нитке подвешивают различные корни; в браслет кладут язык лисы; для избавления от ангины горло три раза обматывают ремнем из собачьей кожи, а от катара — вокруг пальцев. Зуб перестанет болеть, если из определенного колючего растения вытащить червей, положить их вместе с хлебом в коробочку для пилюль и привязать ее к руке с той стороны тела, где находится больной зуб. Два клопа, привязанные к левой руке шерстяной ниткой, украденной у пастуха, являются оберегом от ночного жара; от дневного жара их надо обернуть коричневой тканью. Сердце стервятника оберегает человека от змей, диких зверей, грабителей и королевского гнева. Путешественник, имеющий при себе траву *артемисия* (полынь), не чувствует усталости. Дурные люди не смогут перейти через порог дома и нанести его жильцам вред, если обмазать морскую звезду кровью лисы и прибить к ее порогу или дверному косяку медным гвоздем. Не только венок из трав, надеваемых от головной боли, но и ветка тополя, которую человек держит в руках, предохранит его кожу между ногами от натирания. Очень часто амулеты кладут под подушку, особенно, при бессоннице, однако, психологического эффекта можно добиться лишь в том случае, если больной об этом не знает. Плиний описывает, какого цвета или вида должны быть нитки, ткань, коробки, гвозди, кольца, браслеты и тому подобные вещи, в которые надо класть или которыми надо привязывать различные драгоценные камни, травы или части животных, служащие оберегами. Но когда речь заходит о лекарстве от головной боли, которое помогает всегда и состоит из маленькой кости улитки, найденной между колеями тележных колес, пропущенной через золото, серебро или слоновую кость, и привязанной к телу собачьей кожей, или об амулете из улитки, обезглавленной тростником во время ее утреннего кормления, особенно при полной Луне, который надо привязывать к голове льняной тканью, мы понимаем, что переходим от простых амулетов (лигатур) и подвесок к более сложным деталям магических процедур.

Положение или направление

Положение или направление действия в магии часто бывает очень важным. Чаще всего это указание налево или право. Больной

зуб можно исцелить с помощью левого глазного зуба собаки. Паука, которого надо положить вместе с маслом в ухо, нужно ловить левой рукой, приступ эпилепсии можно снять, если до больного дотронется девственница большим пальцем своей правой руки. Для исцеления правого глаза надо надеть на больного подвеску с правым глазом лягушки, а левого — с ее левым глазом. Если страдаешь от люмбаго, оторви лапу орла от сустава; если у тебя болит справа, то используй правую лапу, а если слева — то левую. Мы уже встречались с примерами подобного рода, а также со случаями, когда надо использовать верхнюю или нижнюю часть, когда боль сосредоточена в верхней или нижней челюсти. Рисование кругов внутри объектов или снаружи, расположение лицом на север или на юг, запрет оглядываться назад, упор на то, что надо искать объект или убивать животных между колеями тележных колес, все это примеры учета положения и направления, о котором мы вскользь упоминали, обсуждая другие темы. Указание на то, что надо рвать растения, выросшие на голове статуи, или растения, укоренившиеся в решете, брошенном в изгородь, тоже свидетельствует о том, что надо принимать во внимание положение лечебного средства, так же, как и рекомендация брать траву, выросшую на берегу реки или на навозной куче.

Указание времени

Время имеет не меньшее значение. Операции стоит производить до рассвета, рано утром, ночью и так далее. Особенно важна фаза Луны. Нам сообщают, что больных малярией надо вымазать с ног до головы жиром черепахи. При этом подчеркивается, что черепахи обычно бывают самыми жирными на 15-ый день Луны, и что надо мазать на 16-ый. Однако здесь в дело вмешивается астрология и влияние планет; позже мы поговорим о том, как важно по Плинию производить нужные действия во время восхода Сириуса.

Соблюдение числа

Соблюдение нужного числа — еще одна особенность церемониала, описанного Плинием, о котором мы уже упоминали. Он также ссылается на труды Пифагора по этому вопросу и приписывает Демокриту работу, посвященную числу четыре. Плиний часто подчеркивает, что ту или иную операцию надо повторять трижды. Для лечения золотухи пеплом от сожженных гадюк, надо три раза по семь дней пить разведенный в воде слой пепла толщиной в три пальца. В другом

случае надо принимать галльскую траву со старой колесной мазью, до которой не дотрагивалось железо. Перед этим пациент должен плюнуть три раза направо: лекарство станет еще более эффективным, если три человека разных национальностей смажут ему правый бок. Не следует пренебрегать и числом один. Очень важно, чтобы олень, например, был убит одним ударом. В ряде случаев в одной и той же операции объединяются числа три и один. Например, для помощи роженице надо бросить в дом камень или оружие, с помощью которого были убиты трое животных: человек, дикий вепрь и медведь, причем, каждый — одним ударом. Одну из примет, которая почти всегда сбывается, привел Пифагор. Если использовать нечетное число полотенец при наречении имени (*given name*) младенца, то в будущем этот человек будет страдать от хромоты, слепоты и болей в правом боку, а если четное число — то от болей в левом. В венке из смилакса, который прикрепляют для лечения головной боли, должно быть нечетное число листьев, а при диете, помогающей при болезнях желудка, надо поедать нечетное число улиток. Для мытья головы надо сварить десять зеленых ящериц в десяти *секстариях* масла, а для изготовления притирания, не позволяющего ресницам отрастать снова после их удаления, надо проткнуть пятнадцать лягушек пятнадцатью стеблями тростникового просо. Человек, который носил при себе определенный амулет, в течении пяти дней не должен появляться на глаза пациенту. И так далее.

Отношения между лекарем и пациентом

Эти отношения имеют очень важное значение для описанных Плинием процедур, особенно когда те или иные действия совершаются над пациентом и ради его излечения без его ведома. Но эти и любые другие бестелесные связи, существующие между лекарем и пациентом следует, вероятно, относить к разделу симпатий и антипатий.

Заклинания

С властью чисел тесно связана и власть слов. Плиний однажды сказал о заклинаниях, применяемых для предотвращения градобитий, что он не осмелится привести их слова, хотя Катон в своей работе, посвященной сельскому хозяйству, приводит аналогичные заклинания, состоящих из слов лишенных всякого значения, которыми, якобы, можно излечить повреждения конечностей. Тем не менее, Плиний не возражает против заклинаний или молитв, слова

в которых имеют смысл. Он сообщает нам, что *оситит* сажают с проклятьями и руганью, а когда семя бросают в почву, то молятся, чтобы оно не проросло. В другом случае сеятель должен работать голым и молиться за себя и своих соседей. В третьем случае, когда воспаленную опухоль лечат припарками, опытные врачи, по словам Плиния, считают необходимым, чтобы припарки делала обнаженная девственница. При этом она сама и ее пациент должны соблюдать пост. Дотронувшись до больного тыльной стороной ладони, она должна сказать: «Аполлон запрещает развиваться той болезни, которую лечит обнаженная девственница». Потом, убрав руку, она должна повторить это заклинание три раза и каждый раз вместе с больным плевать на пол. В другом отрывке Плиний пишет, что плевать три раза во время произнесения заклинания — это повсеместно распространенный обычай в медицине. Возможно, сила слов возрастает или обновляется, если прочищать горло. При сборе трав тоже иногда произносят заклинания. Стригущий лишай или экзему можно вылечить, плюнув на два камня, покрытых сухим белым мхом, и растерев этот плевок между ними, повторяя при этом греческое заклинание: «Летите Кантариды, вашей крови жаждет дикий волк». Абсцессы и воспаления лечат резедой, приговаривая при этом: «Резеда, сделай так, чтобы болезнь ушла. Разве ты не знаешь, разве ты не знаешь, что эти корни выкопал цыпленок? Пусть у них не будет ни головы, ни ног». В книге, которая следует за этим отрывком, Плиний обсуждает вопрос о силе слов при лечении болезней. Он приводит много примеров заклинаний, встречающихся в современных ему народных суевериях, в римской религии и в исторических хрониках. Он не сомневается, что римляне прошлых веков верили в силу слов, полагая, что если мы используем установившиеся тексты молитв и религиозных формул, то должны также признавать и силу заклинаний. Тем не менее, он добавляет, что самые умные люди не верят ни в то, ни в другое.

Отношение Плиния к любовным приворотам и контролю за рождением детей

Рецепты и советы Плиния, в основном, касаются медицины или сельского хозяйства, но он описывает, как мы уже видели, и магические процедуры, связанные с деторождением, обереги от яда и ядовитых гадов, а также приемы против колдовства. Много раз он заявляет, что любовные привороты (*amatoria*) его совсем не интересуют. В одном отрывке он объясняет это тем, что знаменитый военачальник

Лукулл от такого приворота умер. Тем не менее, Плиний приводит в своей книге много рецептов, помогающих вызвать любовь. Это могут сделать некоторые органы, напоминающие по форме половые органы. Еще один пример ассоциации по сходству. Плиний выступает против средств, вызывающих выкидыши, но приводит взятый из «Комментариев» Цицилия рецепт, который применяют чересчур плодовитые женщины. Надо взять двух червяков, найденных в теле паука определенного вида, завернуть их в кусок оленьей шкуры и привязать к телу. Однако, по истечении года сила этого заклинания исчезает.

Плиний и астрология

Плиний посвящает лишь небольшую часть своих работ звездам и небесам, воздействующим на земные события, уделяя астрологии меньше времени, чем магии. Если бы он сильнее верил в астрологию, то, несомненно, посвятил бы больше места описанию звезд и их влиянию на земные дела. Тем не менее, он признает, что магия и астрология тесно связаны, и что «нет ни одного человека, который не хотел бы узнать, что ждет его в будущем, и который не думал бы, что это наиболее ярко демонстрируют небеса». Следует отметить, что все литературные произведения того времени подтверждают его заявления о широком распространении астрологии; поэты постоянно ссылаются на звезды, зная, что читатели хорошо разбираются в этом искусстве; те императоры, которые время от времени изгоняли из Рима астрологов, обращались после этого к другим ее адептам. В другом месте Плиний описывает человека, который «приписывает всякое событие отдельной звезде, согласно правилам рождения, и верит, что бог раз и навсегда установил ход событий и больше уже в них никогда не вмешивается». Так думали ученые люди и простые обыватели, и это породило оракулов, а также такие методы прорицания, как предсказания будущего по молнии, по внутренностям животных, и даже по таким пустякам, как чихание и наблюдение, с какой ноги человек встал. Более того, в списке людей, прославившихся своими достижениями в искусстве или науках, Плиний упоминает Бероса, которому афиняне поставили памятник за его умение предсказывать будущее по звездам. В другом месте, обсуждая «науку звезд» Плиний критикует теории Бероса, Нечепсо и Петозирия, гласящие, что продолжительность человеческой жизни определяют звезды, и яростно возражает против идеи гороскопов, утверждающей, что господа и рабы, короли и нищие рождаются одновременно. Он также весьма скептически относится

к огромным числам — 720 тысяч и 490 тысяч лет, в течение которых, по мнению Эпигена, Бероса и Критодема, вавилоняне вели астрологические наблюдения, записывая их результаты. Из этих отрывков у нас складывается впечатление, что астрология была широко распространена и считалась наукой, но к гороскопам, по крайней мере, Плиний относился скептически. Тем не менее, мы не можем утверждать, что он отрицал влияние звезд на судьбу человека. В одной из глав он заявляет, что астронома Гиппарха нельзя перехвалить, поскольку тот сделал больше всех других, чтобы доказать связь человека со звездами и то, что наши души — это часть неба. Плиний высмеивает веру народа в то, что у каждого человека есть своя звезда, отличающаяся по яркости в соответствии с судьбой человека, что эта звезда восходит, когда он рождается, и гаснет или падает, когда он умирает. Здесь он даже не критикует идею гороскопов; он просто отрицает идею о том, что звезды зависят от судьбы человека — наоборот, это его жизнь определяется звездами.

Небесные предзнаменования

Плиний не сообщает нам, в каких отношениях находится человек со звездами; из его рассказа мы получаем так же противоречивые впечатления о различных небесных явлениях, которые предвещают будущее. В одном месте он говорит о том, что человечество в долгу у тех великих астрономов, которые освободили его от прежнего суеверного страха перед затмениями. Однако, он называет грозу небесным огнем, который изрыгает планета Венера и который «несет в себе предзнаменование будущего». Он также приводит примеры из римской истории о том, как кометы предвещали несчастье, и строит на этом свою теорию о том, что по ним можно предсказать будущее. О том, что сулят кометы, можно судить по направлению их движения, и по тому небесному телу, чью силу они получают, а более точно — по их форме и их положению по отношению к знакам зодиака. Плиний дает примеры полного затмения Солнца, хотя справедливо и то, что они продолжались необычайно долго. Он говорит, что простые люди до сих пор верят, что женщины могут породить затмения «с помощью колдовства и трав».

Звезды и мир природы

Помимо влияния, которое оказывает на судьбу человека расположение созвездий в момент его рождения, общие теории Плиния

о влиянии звезд на земную природу довольно похожи на теории, выдвигавшиеся астрологами. Для него Вселенная — это Бог, «святой, вечный, всемогущий, вездесущий, словом, это наше все», а Солнце — это ум и душа всего мира и главный владыка природы. Холодная звезда заставляет звезду, приближающуюся к ней, бледнеть; а горячая — краснеть; ветреная планета придает расположенной с ней рядом хмурый вид. В определенных точках своей орбиты планеты отклоняются от обычного пути под влиянием солнечных лучей — а это невольно подтверждает гелиоцентрическую теорию. Плиний приписывает планетам обычные астрологические свойства. Сатурн — холодный и не твердый; Марс — пылающий огонь; Юпитер, расположенный между ними — умеренный и благоприятный для здоровья. Помимо влияния друг на друга, планеты воздействуют и на Землю. Венера, например, влияет на процессы роста во всех земных существах. Следуя, в некоторой степени, за «Георгиками» Вергилия, Плиний утверждает, что звезды указывают на недвусмысленные признаки смены погоды, и объясняет, как полезно для фермеров наблюдать за созвездиями. Он рассказывает, как Демокрит, благодаря своему знанию астрономии, сумел с выгодой для себя скупить урожай оливок и пристыдить делового человека, который насмехался над философией; и как, в другом случае, вовремя предупредил своего брата о приближающейся грозе. Однако Плиний принимал не все теории астрологов касательно управления звездами природой Земли. Он повторяет утверждение вавилонян, не разделяя их, однако, что три планеты вызывают землетрясения, а драгоценные камни *сандастрос* или *грамантика,* которые использовали в своих церемониях халдеи, тесно связаны со звездами. Он совершенно не верит в то, что существует камень *шлоссопетра,* имеющий форму человеческого языка, который, как утверждают астрологи, падает с неба во время землетрясений Луны, и незаменим для селеномантии.

Астрологическая медицина

Плиний рассказывает, как врач Кринас из Марселя сколотил себе состояние, составляя диету для больных и назначая часы их кормления в соответствии с движением звезд. Однако, сам Плиний не особо верил в астрологическую медицину, полностью отвергая сложную классификацию болезней и лекарств, которую к тому времени уже разработали астрологи с учетом прохождения Солнца и Луны через 12 знаков Зодиака. Тем не менее, в своих собственных рецептах он иногда

принимает во внимание астрологические аспекты, говоря, например, о восходе Сириуса и фазах Луны. Плиний был убежден, что Собачья звезда (Сириус) оказывает на жителей Земли и процессы, происходящие на ней, большое влияние. Что касается Луны, то количество крови в человеческом теле увеличивается и уменьшается по мере того, как растет и убывает Луна, как увеличивается и уменьшаются моллюски и другие организмы в природе. А дотошные ученые выяснили, что даже внутренности у обыкновенной полевой мыши зависят от лунных дней, что муравей прекращает свою работу в период невидимой Луны, и что болезни глаз у некоторых вьючных животных также усиливаются и ослабляются в соответствии с ее фазами. Но в целом медицина и наука Плиния не столь сильно насыщена астрологией, как другие формы магии. Этот пробел в Средние века был заполнен идеями Птолемея, о вере которого в астрологию мы поговорим в следующей главе.

Заключение: магическое единство суеверий Плиния

Мы попытались проанализировать содержание «Естественной истории», чтобы выявить основные принципы и разделы магии, применявшиеся в сельском хозяйстве, и медицине, и описанные в «Естественной истории» Плиния. Это, однако, весьма искусственная и сложная задача, поскольку совсем не просто вычленить нужный нам материал из описания церемоний, или сведения о свойствах тех или иных объектов из отношений симпатии или антипатии между ними. Очень часто один случай служит примером для нескольких тем. Возьмем, к примеру, следующее предложение: «Фрасиллий утверждает, что нет никого более враждебного змеям, чем крабы; зато укушенные [змеями] свиньи ими лечатся, а когда Солнце находится в созвездии Рака, змеи корчатся от боли». Здесь мы встречаемся одновременно с антипатией, лекарственными средствами, которые используют животные, рассуждением, характерным для магии, построенным на ассоциации и сходстве, и вере в астрологию. И эта смесь, которую можно проиллюстрировать сотней других примеров из «Естественной истории», показывает нам, что все нити, за которые мы потянули, тесно между собой переплетены. Они все естественным образом соединяются в единое целое, принадлежат к одному и тому же длительному периоду развития мысли, представляют собой одну и ту же стадию умственного развития, они все являются частью магии.

3

СЕНЕКА И ПТОЛЕМЕЙ: ПРИРОДНОЕ ПРОРИЦАНИЕ И АСТРОЛОГИЯ

«Вопросы природы» Сенеки. — Изучение природы как этическая замена существующей религии. — Чудеса признаваемые, подвергаемые сомнению и отрицаемые. — Вера в природное прорицание и в астрологию. — Прорицание с помощью грома. — Птолемей. — Две главные работы Птолемея. — Его математический метод. — Отношение к авторитетам и наблюдению. — «Оптика». — Средневековые переводы «Альмагеста». — «Тетрабиблос» («Четырёхкнижие») или «Квадрипартитум». — Истинное отражение одобрения Птолемеем астрологии. — Обоснованность астрологии. — Влияние звёзд не является неизбежным. — Астрология, как естественная наука. — Обоснованность астрологии. — Свойства планет. — Оставшееся содержание книги первой. — Книга вторая: регионы, гороскопы. — Влияние «Тетрабиблоса» на средневековую науку.

«Звёзды мигают нам сквозь обручи времени».

Байрон

«Вопросы природы» Сенеки

Прежде чем приступить к рассказу о Птолемее и его отношении к астрологии, надо остановиться на другом, более древнем авторе, писавшем о естествознании, который благосклонно относился к предсказанию будущего. Это был знаменитый философ, государственный муж, писатель и учитель императора Нерона, Луций Энней Сенека. По времени его книга «Вопросы природы» или «Проблемы Природы» была написана немного раньше «Естественной истории» Плиния, но она не уступает в истории науки обширным трудам, созданным тремя великими представителями древней науки: Плинием, Птолемеем и Галеном. Сенека был хорошо известен в Средние века как этический философ и философ-моралист, и его часто цитировали. Название «Вопросы природы» использовал один из первых средневековых естествоиспытателей Аделяр из Бата. Во всяком случае, древняя наука может гордиться таким учёным как Сенека. Он пишет, что уже в юности написал трактат о землетрясениях, а в книге «Вопросы природы»

намерен изучить причины разных природных явлений, поскольку хочет знать, почему они происходят. Он понимал, что учёные его эпохи находятся лишь в прихожей знаний о природных явлениях и силах, что они только начали изучать пять звёзд из всего их многообразия, что «наступят времена, когда потомки будут удивляться нашему невежеству в столь очевидных вопросах».

Изучение природы как этическая замена существующей религии

В одном отрывке Сенека несколько мистически выражается о несовершенстве научного знания своей эпохи. «Существует сакральные темы, которые нельзя познать сразу. Элевсис бережёт некоторые места для тех, кто захочет посетить его ещё раз. Природа не раскрывает своих тайн сразу. Мы считаем себя просвещёнными, но стоим только у входа. Эти тайны открываются не всякому и не на каждом углу. Постичь их трудно, они заключены во внутреннем свете вещей». Итак, согласно Сенеке, научный поиск чем-то сродни религиозному служению, или, скорее, замена существующей религии и основа для моральной философии. Физика и этика для него неразрывно связаны. Его энтузиазм, с которым он занимается исследованием природных сил, объясняется, в основном, тем, что он верит в их верховный, божественный характер, который возвышает их над мелкими делами людей. Он более последовательно и более полно, чем Плиний выступает против роскоши, греха и безнравственности, царивших в его эпоху, и говорит о благотворном влиянии, которое природные законы и явления могут оказать на человеческое поведение. Интересно отметить, что эта привычка извлекать моральные уроки из природных явлений вовсе не казалась странной средневековым и христианским учёным.

Работа Сенеки почти не затрагивает таких вопросов, как ботаника, зоология и минералогия; в ней нет, как в книге Плиния, сведений по медицине и различным промыслам; не цитирует он, как Плиний, и фольклора магов. Он говорит, в основном о метеорологических явлениях; ветрах, дожде, граде, снеге, кометах, радуге, и о тех явлениях, которые, по его мнению, с ними связаны: землетрясениях, родниках и реках. Вероятно, он не считал изучение трав, животных и минералов столь высоким и благородным делом. В любом случае, из-за того, что круг тем, затронутых Сенекой, весьма ограничен, мы узнаём очень мало о чудесных и магических свойствах растений, животных и других объектов, а также о магических обрядах, описанием которых наполнена книга Плиния.

Чудеса признаваемые, подвергаемые сомнению и отрицаемые

Тем не менее, Сенека приводит ряд ложных сведений, вроде того, что река Алфей в Греции, совсем как Аретуза на Сицилии, вновь появляется на поверхности каждые четыре года в те дни, когда на олимпийских играх приносят кровавые жертвы и выбрасывает из своих глубин кровавый ил. Он также утверждает, что живые существа порождаются огнём; он верит в то, что, если змею поразит молния, то она лишится своего яда; он пересказывает старые истории о плавающих островах и воде, которая способна превратить белую овцу в чёрную. С другой стороны, он предваряет фразами «верят в то, что» или «говорят, что» утверждения о том, что в некоторых водах, например, в росе, можно подхватить кожные заболевания, причем роса особенно опасна, если набрать определенное количество. Он сомневается и в истинности утверждения о том, что купание в Ниле помогает женщинам избавиться от бесплодия. Он высмеивает обычаи, когда в городах назначают смотрителя, который должен предупреждать людей о приближении града, чтобы они успели предотвратить это несчастье, принеся жертвы или слегка надрезав себе пальцы, чтобы пролить немного крови. Он добавляет, что, по мнению некоторых, кровь обладает свойством разгонять грозовые облака, но не верит в то, что это могут сделать одна-две капли крови, и предлагает считать все эти рассказы пустой болтовнёй. В той же главе он утверждает, что нецивилизованные люди древнего мира верили в то, что можно вызвать или, наоборот, прогнать дождь с помощью заклинаний, но в наши дни люди не нуждаются в философе, чтобы тот убедил их в невозможности этого.

Вера в природное прорицание и астрологию

Однако, отрицая заклинания и практически ничего не говоря о природной магии, Сенека верит во все виды природного предсказания будущего: с помощью жертвоприношений, астрологии, предзнаменований и грома. Он полагает, что они демонстрируют нам знаки будущих событий. Однако Сенека не верил, что траектория полёта птицы порождается прямым вмешательством Бога, а внутренности жертвы изменяются под ударом топора вследствие божественного повеления — нет, всё было заранее организованно в фатальном и случайном порядке. Он верил, что все необычные природные явления надо считать чудом или предзнаменованием каких-то событий. Когда Павел воевал с Персеем, на небе появился метеор, «размером с Луну», аналогичные явления отмечались и тогда, когда умер Август и был

казнён Сеян; эти явления также предупредили людей о смерти Германика. Планеты, движущиеся по своему неизменному пути, тоже говорят нам о будущем. Звёзды имеют божественную природу, и мы должны говорить о них с таким же благоговением, с каким, опустив голову, входим в храм для молитвы. Звёзды не только влияют на верхние слои атмосферы, как выдохи земли — на нижние; они также возвещают нам о том, что нас ждёт. Сенека приводит высказывание Аристотеля, что появление кометы означает приближение бурь, сильных ветров и плохой погоды, и это доказывает, что кометы — это звёзды. После этого Сенека заявляет, что комета является предвестником плохой погоды на будущий год. Точно таким же образом, по мнению халдеев или астрологов, звезда, под которой родился человек, определяет весь ход его жизни. Главным, если не единственным возражением Сенеки по поводу предсказаний халдеев или астрологов является то, что они в своих пророчествах используют только пять звёзд* (* пять звёзд помимо Луны и Солнца) «Что? Неужели вы думаете, что многие тысячи звёзд сияют понапрасну? Что же ещё, в самом деле, заставляет ошибаться столь опытных в составлении гороскопов людей, как не то, что они полагаются лишь на несколько звёзд, когда всё то, что располагается у нас над головой, участвует в управлении нашей судьбой? Возможно, те, что поближе, направляют на нас своё непосредственное влияние; возможно, те, что движутся быстрее, смотрят на нас и на других животных с других точек зрения. Но даже те звёзды, которые неподвижны, или скорость которых равна скорости других «объектов» Вселенной, и они кажутся нам неподвижными, тоже влияют и управляют нами». Сенека разделял мнение Беросса о том, что, когда все звёзды соберутся в знаке Рака, наступит вселенский пожар. А когда все они объединяться в Козероге, то придёт второй всемирный потоп.

Предсказание будущего по грому

Впрочем, больше всего места Сенека уделяет ударам грома, как предвестникам будущего. Они предвещают, — заявляет он, — не то или иное событие, а часто целую серию событий, которым суждено произойти, и сообщают об этом гораздо наглядней и яснее, чем если бы это было сделано в письменном виде. Впрочем, он не согласен с тем, что молния обладает такой огромной силой, что её вмешательство способно уничтожить предыдущее и противоречивое предзнаменование. Он настаивает, что предсказания, сделанные другими способами, тоже истинны, хотя, вероятно, и менее значимы. Далее

он объясняет нам, как можно избежать опасностей, о которых нам сообщают предсказания. Можно помолиться богам, и принести им жертвы, но ход событий, предназначенных нам судьбой, изменить нельзя. Сенека пишет, что, также как мы обращаемся к врачам, чтобы сохранить здоровье, несмотря на нашу веру в судьбу, необходимо советоваться и с предсказателем. Далее он обсуждает разные виды грома и объясняет, какие предупреждения и поощрения они нам дают.

Птолемей

Мы переходим теперь от Сенеки к великому представителю естествознания и искусства прорицания, Птолемею, который жил в следующем веке. Он, по-видимому, родился в Птолемейсе в Египте, но жил в Александрии. Точные даты его рождения и смерти неизвестны. О его жизни или о том, что он был за человек, мы знаем очень мало. Впрочем, нам известен период, на который пришёлся расцвет его деятельности. Первое зарегистрированное астрологическое наблюдение Птолемея отмечено 127 годом нашей эры, а последнее — 151 годом. Таким образом, большая часть его работы была выполнена во времена правления Адриана и Антония Пия, но умер Птолемей при Марке Аврелии. Его строгий научный стиль не признавал риторических приёмов и литературных прикрас; он ясен и чёток, но очень сух и безличен.

Две главных работы Птолемея

Две главных работы Птолемея: «Географию» в восьми книгах и «Математический синтаксис», или «Альмагест», как его называли арабы, в тринадцати книгах, столь часто описывали в трудах по истории математики, астрономии, географии и истории научных открытий, что нет никакой необходимости на них останавливаться. Не менее хорошо известна и его ошибочная теория о геоцентричности Вселенной (согласно которой в центре Вселенной находится Земля) и о том, что на поверхности нашей планеты преобладает суша. Следует впрочем, отметить, что одна из этих теорий так безоговорочно подтверждалась результатам наблюдений, а другая считалась покоящейся на столь же прочном основании, что обе они тысячу лет выдерживали проверку теорией, критикой и практикой. Следует, однако, заметить, что «Географию» Птолемея перевели на латынь только в начале пятнадцатого века. Якобо Ангело сделал перевод для папы

Александра V (1409–1410 г). Он сохранился во многих манускриптах и печатных изданиях[21].

Поэтому в странах, где языком науки была латынь, труд Птолемея не был столь же популярен и не оказал такого влияния, как «Альмагест» или более краткие астрологические трактаты, подлинные или подложные, которые выходили под именем Птолемея.

Математический метод Птолемея

Мы хотим кратко рассказать об одном или двух величайших вкладах Птолемея в математическую науку и естествознание и охарактеризовать его роль в истории развития экспериментального метода познания. Вероятно, самое главное достижение Птолемея заключается в том, что он всегда полагался на математические вычисления — и в астрономии, и в географии. Он внес большой вклад в развитие тригонометрии, составив таблицу хорд, которые, как выяснили современные ученые, точны до пятого знака. В картографии он разработал проекцию, позволяющую изображать сферическую поверхность на плоскости карты.

Отношение Птолемея к авторитетам и наблюдениям

Птолемей создал два своих величайших труда, частично, на основе результатов, полученных жившими до него учеными, в астрономии — на данных Гиппарха, а в географии — Марина. Он выражает свою искреннюю признательность этим и другим ученым; хвалит Гиппарха и рассказывает о его открытиях, исправляет Марина, но делает это в тех местах, где тот ошибался. Однако, используя труды своих предшественников, Птолемей вносит и свою лепту в развитие науки. В «Географии» он приводит много неизвестных до этого сведений о восточных и северных землях, используя отчеты римских купцов и военных. Его намерение заключалось в том, чтобы, дав краткий обзор достижений древних, осветить в своих работах те вопросы, которые оставались еще не ясными. Он стремился строить все свои выводы

---

[21] В этих латинских манускриптах теорию Птолемея часто называют космографией. Якоб Ангело был канцлером факультета в университете Монпелье в 1433 г. Несколько изданий, напечатанных до 1500 г, по-видимому, состояли только из этого латинского перевода, например, издание 1462 г. в Болонье и 1475 г. — в Винцентии. Греческий текст был впервые опубликован в 1507 г.

на тех данных наблюдений, которые ближе всего к истине, а там, где эти данные вызывают сомнение, он говорит об этом с самого начала. Он так же признавал, что очень тонкие наблюдения надо время от времени повторять через длительные промежутки времени, чтобы свести к минимум возможные ошибки. Он создал и описал несколько научных инструментов и провел длительные астрономические наблюдения. Еще до Комте он утверждал, что следует принимать самые простые гипотезы, которые согласуются с фактами.

«Оптика» Птолемея

Помимо небольших астрономических трудов и трактата по музыке, которые, по-видимому, были, в целом компилятивными, Птолемею приписывают очень важную работу по оптике. Эта работа больше всех основана на результатах экспериментов и наблюдений, хотя Александр фон Гумбольдт характеризует ее как единственный труд античной литературы, в котором описывается исследователь, проводящий физические эксперименты. Однако, скорее всего, это преувеличение, ибо мы знаем описания других Александрийских ученых.

Подобно другим небольшим работам Птолемея, греческий оригинал «Оптики» до нас не дошел, как и арабский текст, на котором была основана средневековая латинская версия этого труда. Она-то единственная и дошла до нас. Существует 16 манускриптов этой латинской версии. Перевод на латынь был сделан в 12 веке Евгением Палермским, адмиралом Сицилии, который знаменит и другими своими переводами. К тому же он был автором целого ряда греческих стихотворений. Геллер утверждает, что «Оптика» была утеряна в начале 17 века, но манускрипты были вновь обнаружены Лапласом и Деламбром. Во всяком случае, первая из пяти книг «Оптики» погибла, хотя Бридж полагает, что Роджер Бэкон ее читал в 13 веке. Она посвящена описанию отношений между глазом и светом. Во второй книге обсуждаются условия видимости и зависимость размера тел от угла зрения. Третья и четвертая книги рассказывают о различных видах зеркал: плоских, вогнутых, выгнутых, конических и пирамидальных. Самой важной является пятая, последняя книга, в которой Птолемей описывает диоптрику и рефракцию. Он первый и единственный затронул эту тему. Ни в одной сохранившейся книге античности, кроме «Оптики», эти темы не обсуждаются, если, конечно, она дошла до нас в том виде, в каком Птолемей ее написал. Его авторство подвергается сомнению, потому что в «Альмагесте» о рефракции ничего не говорится, хотя

в «Оптике» Птолемей пишет даже об астрономической рефракции. Де Морган тоже не считает, что автор «Оптики» хуже Птолемея разбирался в геометрии. Вполне возможно, что в работу Птолемея в Средние века арабскими или латинскими авторами были внесены добавления. Эти добавления сохранились в дошедших до нас версиях; быть может, вся пятая книга и является такими дополнениями. То, что в средние века Птолемею приписывали чужие работы, подтверждается примером «Катоптрики» Герона. Ее латинский перевод с греческого в манускриптах озаглавлен «Рассуждения Птолемея».

Средневековые переводы «Альмагеста»

Если, как и в других случаях, ученые Средневековья публиковали свои открытия под уважаемым всеми именем Птолемея, то нет сомнений, что настоящие работы Птолемея тоже были широко известны. Это можно проиллюстрировать на примере «Альмагеста». В начале Средневековья этот труд прокомментировали Паппус и Феон из Александрии, жившие в 4-м веке, и Прокл — в пятом. Латинский перевод, сделанный Боэцием, до нас не дошел, но он пользовался большой популярностью у арабов, и был переведен в Багдаде в 9-м веке, а позже, в том же самом веке, был отредактирован Табитом бен Корра. В 12 веке его переводили на латынь и с греческого, и с арабского. Самый популярный в Средние века перевод был сделан в Толедо в 1175 году знаменитым Жераром Кремонским. Однако недавно профессора Хаскинс и Локвуд обнаружили, что за 10-12 лет до появления перевода Жерара на Сицили был сделан перевод непосредственно с греческого текста. Сохранились два манускрипта этого сицилийского перевода — один хранится в Ватикане, а другой — во Флоренции. Это показывает, что он был известен в Италии. Широкое распространение версии Жерара объясняется его заслуженной репутацией отличного переводчика, который сделал переводы многих других астрономических и астрологических трудов. Быть может, теологическая оппозиция естествознанию, о которой анонимный сицилийский переводчик говорит в предисловии, помешала этой версии распространиться более широко.

«Тетрабиблос» или «Четырехкнижие»

Из подлинных работ Птолемея для нас наиболее интересна «Тетрабиблос» или «Четырехкнижие», в которой говорится о влиянии звезд на человеческую жизнь. Она была переведена на латынь Платоном

Тиволийским, вероятно, в первой половине 12 века, еще до того, как были сделаны переводы на латынь «Альмагеста» или «Географии». В середине 13-века Эгилий де Тебалдис, ломбардец из города Парма, перевел комментарии Али Эбене Радона к «Четырехкнижию». В самых первых латинских печатных изданиях использовался текст Средневековых переводов; в немногочисленных изданиях с греческим текстом, приводится другая латинская версия — перевод, сделанный непосредственно с греческого.

Искреннее отражение того факта, что Птолемей одобрял астрологию

В «Тетрабиблосе» искусство астрологии получило одобрение со стороны, вероятно, самого способного математика и самого внимательного наблюдателя своей эпохи. Таким, по крайней мере, Птолемея считали последующие поколения. И с той поры астрология была защищена от критики — ее оберегал непререкаемый авторитет Птолемея. Не было у нее недостатка и в других защитниках, которые носили великие имена и были талантливы. Естественно, современные поклонники эллинистической философии и науки подвергали сомнению подлинность «Тетрабиблоса». Они не хотели, чтобы на репутацию великих людей падали подозрения в суеверии. Однако Франц Болл, сравнив этот труд с другими работами Птолемея, подтвердил, что «Тетрабиблос» действительно был написан им. Астрологический трактат «Сентилогиум» или «Карпос» и другие работы, посвященные предсказанию будущего и астрологическим образам, которые авторы средневековых латинских манускриптов приписывали Птолемею, вероятно, подложные, но в том, что Птолемей верил в астрологию, сомнений быть не может. Впрочем, немецкие исследователи, как обычно, считают, что большая часть Тетрабиблоса была написана их любимым Посидонием, но для нашего исследования это особого значения не имеет.

Истинность астрологии

В «Тетрабиблосе» Птолемей сначала говорит о том, что искусство астрологии вполне обосновано. И, если его высказывания по этому поводу еще не стали банальностями, то их вскоре уже начали считать трюизмами. Законы астрологии не подлежат сомнению, говорит Птолемей, но искусство предсказания событий человеческой жизни по движению звезд подвергается критике с помощью разума. Оппоненты астрологии утверждают, что это искусство не точное, и совершенно

бесполезно, поскольку события, ход которых определяется движением звезд, все равно неизбежно произойдут. Птолемей начинает свою защиту астрологии с заявления о том, что определенная сила, излучаемая небесными телами, пронизывает все объекты на Земле. Если уж невежественные матросы способны судить о том, какая будет погода, взглянув на небо, то высокообразованный астроном может предсказать, какое влияние на человека оказывает небо. Астрологию нельзя отвергать только потому, что ею часто занимаются шарлатаны; Птолемей признает, что она еще не доведена до совершенства, и что даже опытный исследователь часто совершает ошибки из-за того, что человеческой науке еще не все известно. С одной стороны, Птолемей считает теорию о происхождении материи, которая существовала в его время, гипотетической, а не доказанной. С другой — старые сочетания звезд нельзя использовать в качестве основы для предсказаний сегодняшнего дня. И вправду, возможные комбинации звезд, а также связей земной материи со звездами столь многочисленны, что очень трудно собрать достаточное количество данных, на основе которых можно было бы создать правила составления прогнозов. Более того, надо принимать во внимание такие факторы, как разнообразие мест, обычаев, и уровень образования, чтобы предсказать будущее разных людей, родившихся под одним и теми же звездами. Тем не менее, несмотря на то, что из-за этих факторов предсказания часто не сбываются, само искусство астрологии отвергать нельзя, точно также, как никто не собирается отказываться от искусства кораблевождения из-за частых кораблекрушений.

Воздействие звезд не неизбежно

Не надо думать, что астрология не нужна, поскольку приговор звезд неизбежен. Часто бывает полезно знать о том, что случится с тобой в будущем, даже если этого и не удастся избежать. Предсказание несчастья помогает человеку с ним смириться. Но не все предсказания неизбежны и неотвратимы; это справедливо лишь для движения самого неба и событий, на которые оно оказывает непосредственное влияние. «Но ход других событий, которые возникают не по причине одного лишь движения неба, можно легко изменить с помощью противоположных средств», точно также, как мы можем частично избавиться от боли в ране или во время болезни или спастись от летней жары, используя охлаждающие вещества. Египтяне всегда считали, что астрология очень полезна для занятий медициной.

Астрология как естественная наука

Птолемей далее переходит к установлению природы и силы звезд «согласно наблюдениям древних и в соответствии с естествознанием. Позже, когда он обращается к предсказаниям конкретных событий, он обещает «везде соблюдать закон естественной причинности», а в третьем отрывке заявляет, что «будет избегать тех вещей, которые не имеют возможной естественной причины, и которые многие, тем не менее, очень серьезно и подробно исследуют; не буду я затрагивать и предсказаний с помощью жребия или чисел, ибо они не научны, но я буду рассказывать о тех, которые, как было точно установлено, базируются на положении звезд и на свойствах мест». Устанавливать связь положения звезд с разными областями на Земле — это искусство, которое очень хорошо подходит для других занятий Птолемея — астрономии и географии! «Тетрабиблос» назвали «капитуляцией науки», но, может быть, на самом деле, это было истинным очищением предсказания и превращением его в науку?

Свойства планет

Исследуя сначала свойства семи планет, Птолемей ассоциирует каждую из них с одним или несколькими элементарными свойствами, — то есть определяет, какие из них холодные, горячие, сухие или влажные. Так, Солнце все согревает и до некоторой степени сушит, ибо, чем ближе оно подходит к полюсу Земли, тем больше тепла и влаги производит. Луна — влажная, поскольку она находится недалеко от Земли, и на нее влияют пары последней, в то время как под влиянием самой Луны тела размокают и очищаются. Но она также немного и согревает, благодаря лучам, которые получает от Солнца. Сатурн все охлаждает и до некоторой степени сушит, ибо он находится слишком далеко от солнечного тепла и влажных испарений от Земли. Марс испускает иссушающий жар, о чем свидетельствует его цвет и близость к Солнцу. Юпитер, располагающийся между холодным Сатурном и горячим Марсом, скорее, тепловатый, но все-таки ближе к теплу и влаге, чем к их противоположностям. Такова и Венера, но в противоположном смысле, ибо она согревает меньше, чем Юпитер, но больше увлажняется, поскольку ее большая поверхность захватывает много паров с Земли. На Меркурии, который расположен на одинаковом расстоянии от Солнца, Луны и Земли, ни засуха, ни сырость не преобладают, однако, скорость этой планеты делает ее подверженной резким переменам. В целом, планеты оказывают доброе или

злое влияние, если на них преобладают богатые, дарующие жизнь, качества — тепло и влага, или, наоборот, пагубные — холод и сухость. Влажные звезды, вроде Луны и Венеры — женского пола; Меркурий — среднего, а другие планеты — мужского. Впрочем, пол планет можно установить по их положению по отношению к Солнцу и горизонту; а изменения во влиянии, оказываемом планетой, определяются в соответствии с положением по отношению к Солнцу. Однако, подобное обсуждение свойств планет совсем не убедительно и не научно. Аргументация ходит по кругу; влияние планет на землю зависит, в значительной степени, от того, какое влияние оказывают пары земли на них самих. К тому же нас удивляет, что такой выдающийся астроном, как Птолемей, считал, что пары Земли могут оказывать влияние на другие небесные тела. Однако эта дискуссия была попыткой, хотя и неудачной, выразить потенциал планет в физических терминах.

Остальное содержание книги 1

Далее Птолемей обсуждает силу неподвижных звезд, которая, по его мнению, зависит только от их положения в созвездиях и от их взаимоотношений с планетами. Потом он пишет о влиянии четырех сезонов года и о четырех кардинальных точках, каждая из которых связана с одним из четырех свойств: с теплом, холодом, сухостью и влажностью. После рассказа о знаках Зодиака и об их делении на Дома, о связях, существующих в тригональных группах или в группах по три, которые взаимодействуют с четырьмя свойствами, а также о восхождении планет в знаках Зодиака и о других делениях этих знаков и о связях планет с ними, 1-я книга заканчивается.

Книга 2: Регионы

Вторая книга начинается с заявления о том, что предсказания событий для целых регионов и стран, среди которых он называет войны, нашествие насекомых, голод, землетрясения, ураганы, засуху, и погоду, отличаются от предсказаний событий в жизни отдельного человека. Птолемей считает, что события, влияющие на обширные территории или на целые народы и города, вызываются более крупными причинами, чем события в жизни отдельного человека. Для того, чтобы правильно предсказать, что ждет человека в будущем, надо учитывать регион, в котором он живет, и его национальность. Он дает характеристику жителей трех великих климатических зон (в средневековом латинском переводе вместо скифов, о которых писал Птолемей, говорится о славянах).

Птолемей делит населенный мир на Европу, Ливию и две части Азии, как это делалось на Т-образных картах, и подразделяет эти регионы на разные страны, описывая живущие в них народы, включая сюда и амазонок. Влияние звезд зависит от времени и места, поэтому период, в котором живет человек, тоже необходимо принимать во внимание, как и его национальность. Птолемей также пишет, как небесные тела влияют на гения событий; это, в основном, зависит от знаков зодиака. Он рассказывает, как они определяют их качество, хорошее или плохое, и виды, а это зависит от доминирующих звезд и их сочетаний. В конце он приводит списки вещей, которыми управляет каждая из планет. Остальная часть второй книги, в основном, посвящена предсказанию ветров и погоды на целый год и других метеорологических явлений, вроде комет.

Гороскопы

Две последние книги описывают предсказание по звездами событий в жизни отдельных людей, иначе говоря, науку составления гороскопов или гадание по звездам о судьбе новорожденных. В третьей книге он описывает зачатие и рождение и учит как составлять гороскоп. Птолемей настаивает, что единственным надежным инструментом для определения точного времени является астролябия. Солнечные или водяные часы для этого не подходят. Он указывает, какие факторы помогают предсказать то, что касается родителей, братьев и сестер, а также пол младенца, рождение близнецов, уродов, продолжительность жизни, физические данные новорожденного, а также какие несчастья или болезни его ожидают, и наконец, какими способностями или дефектами он будет обладать. Четвертая книга посвящена не столько качествам отдельного человека, сколько предсказанию событий, которые произойдут в его жизни. К ним относятся почести, занимаемые должности, брак, рождение детей, наличие рабов, путешествия, и какой смертью он умрет. Начиная 4 книгу, Птолемей пишет, что, если в третьей он говорил о делах, предшествующих рождению человека или непосредственно связанных с его темпераментом, то теперь он уделит все свое внимание событиям, то есть тому, что будет оказывать на него влияние извне. Однако, вряд ли ему удастся выдержать столь четкое деление.

Влияние «Теробиблоса» на будущее

«Тетрабиблос» оказал огромное влияние не только на средневековые арабские комментарии и латинские переводы, но и непосредственно на астрологические труды, созданные в Римской империи

времени упадка, где такие астрологи, как Гефестион из Фив, Павел Александрийский и Блий Фирмик Матерн цитировали ее как самую авторитетную работу по этой теме[22]. Только противники астрологии ничего не знали о «Тетрабиблосе», и продолжали критиковать искусство, которое совсем не соответствовало тому, что писал о нем Птолемей, или тем вопросам, которые он затрагивал. Так, Секст Эмпирик, нападая на астрологию в 200 году нашей эры, совсем не упоминает о «Тетрабиблосе», а некоторые христианские критики этой науки, судя по всему, книги Птолемея не читали. Ученые спорят о том, составляли ли неоплатоники Порфирий или Прокл введения или комментарии к этому труду.

[22] Две первых книги Гефестиона представляют собой повторение Птолемеева труда. Современником Птолемея, по-видимому, был Веттий Валекс, астрологический труд которого дошел до наших дней.

4

ГАЛЕН

I. ЧЕЛОВЕК И ЕГО ВРЕМЯ

Совсем недавно о Галене мало кто знал. — Многочисленные работы Галена. — Труды Галена дошли до нас в манускриптах. — Живой характер Галена. — Рождение Галена и его родители. — Образования в области философии и медицины. — Первый приезд в Рим. — Отношения с императорами; конец его жизни. — Критическое описание ученого мира. — Коррупция во врачебной профессии. — Отсутствие реального стремления познать истину. — Бедные врачи, и студенты-медики. — Медицинские открытия в эпоху Галена. — Торговля лекарствами. — Императорские запасы. — Личные запасы лекарств у Галена. — Средневековая торговля. — Обманы, к которым прибегали торговцы дикими животными. — Идеал Галена — анонимность. — Древняя торговля книгами. — Фальсификация и ошибки в манускриптах. — Труды Галена как исторические источники. — Древнее рабство. — Общественная жизнь; пища и вино. — Мнение Галена об иудаизме и христианстве. — Монотеизм Галена. — Христианские читатели Галена.

II. МЕДИЦИНА И ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ НАУКА ГАЛЕНА

Четыре элемента и четыре свойства. — Его критика атомарной теории. — Применение теории четырех свойств в медицине. — Устарелый характер его терапии. Некоторые медицинские представления Галена. — Два случая. — Его умение все быстро замечать и вмешиваться. — Его удачные догадки. — Стремление проводить научные измерения. — Психологические тесты пульса. — Анатомия и физиология Галена. — Эксперименты по вскрытию трупов. — Вскрывал ли когда-нибудь Гален человеческие трупы? — Вскрытие животных. — Хирургические операции. — Аргументы Галена в пользу существования Бога. — Вопросы, касающиеся души. — Отсутствие сверхъестественных сил в медицине. — Экспериментальный инстинкт Галена. — Его отношение к авторитетам. — Критика авторов прошлого. — Оценка Галеном трудов Диоскура. — Догматизм Галена. — Логика и эксперимент. — Его отношение к эмпирикам. — За что эмпирики могли критиковать Галена. — Стандарт разума и опыта. — Простые вещи, познаваемые лишь с помощью эксперимента. — Эксперимент и наука о питании. — Эксперимент и составные лекарственные средства. — Предложения по проведению экспериментов . — Сложность медицинского эксперимента. — Эмпирическое лечение. — Влияние Галена на средневековый эксперимент. — Его более обширное влияние на средневековую науку.

III. ОТНОШЕНИЕ ГАЛЕНА К МАГИИ

Галена обвиняли в пристрастии к магии. — Он обвинял в этом других. — Чародеи и чудотворцы. — Вещества животного происхождения, которые нельзя применять для лечения. — Неприятные особенности древней медицины. — Части тел животных. — Определенный скептицизм. — Концепция оккультного свойства. — Лечебные свойства яда гадюк. — Противоядия — Магические смеси. — Амулеты. — Заклинания и знаки. — Вера в магию умирает с трудом. — «О легко доступных лекарствах». — Примеры суеверий из этой книги. — Внешние признаки темперамента внутренних органов. — Магические заявления, повторенные Маймонидом. — Сны. — Отсутствие упоминаний об астрологии в большинстве работ Галена по медицине. — «Предсказание болезней в астрологии». — Критические дни. — «Об истории философии». — Гороскопы и демоны. — Небесные тела.

«Но если кто-нибудь обвинит меня в этом, то я признаюсь в своем недуге, от которого страдал всю жизнь — не доверять никому, кто делает подобные заявления, пока я сам их не проверю, если мне представится такая возможность».

«Так что, если после меня кто-нибудь полюбит работать, столько же сколько работал и я, и будет жаден до истины, то пусть он не делает поспешных выводов из двух или трех примеров. Ибо часто ему придется познавать истину с помощью длительных экспериментов, как делал это я. (Следует отметить, что Птолемей говорил тоже самое о предшественнике Галена, Гиппархе, которого называл «любителем напряженной работы и истины» — Цитата Орра, 1913 год).

«Ибо тот, кто захочет изучить какой-нибудь вопрос лучше большинства людей, должен очень сильно отличаться от других людей по характеру и начать свое образование как можно раньше. А когда он станет юношей, то должен будет безумно полюбить истину и загореться желанием ее познать, и не терять ни дня, ни ночи и трудиться, напрягая все свои нервы, чтобы выяснить, что говорили на эту тему самые прославленные люди древности. Однако, выяснив это, он должен будет подвергнуть это своему суждению и очень долго проверять все, замечая, что подтверждается видимыми явлениями, а что — нет, и принимать первое и отвергать второе».

Человек и его время

Совсем недавно о Галене мало кто знал. В конце 19 века один английский ученый, изучавший историю медицины, сказал: «Гален недоступен английским читателям, поэтому о нем трудно что-либо сказать наверняка». Другой писал: «наверное, нет такого человека, равного Галену по интеллектуальной мощи, которого бы все время неправильно понимали или неверно толковали». Другим препятствием для изучения трудов Галена является то, что Хемрейх и другие опубликовали несколько критических работ, посвященных разбору отдельных трудов Галена, и полное собрание его сочинений, подготовленное

Кюхном, более ста лет назад, а с тех пор не издавалось ничего. И это при том, что в этом собрании было очень много ошибок, а некоторые манускрипты, изданные Кюхном, практически невозможно понять. И, наконец, четвертая причина незнания или неправильного толкования идей Галена заключается в том, что он был необычайно плодовит.

Чрезвычайное обилие работ Галена

Афеней утверждал, что Гален за свою жизнь создал больше трактатов, чем любой другой грек и, хотя многие из них оказались утерянными, (в основном, работы посвященные логике и философии) дошедшие до нас труды Галена на греческом языке и в латинских переводах, насчитывают двадцать томов по тысяче страниц в каждом! А если добавить, что у глав часто нет заголовков или краткого описания их содержания, которое надо медленно и тщательно просеивать, поскольку иногда самые ценные куски информации встречаются совершенно случайно или в тех местах, где их совсем не ожидаешь; и то, что ошибки в напечатанном тексте и обилие специальных терминов, которых не найдешь ни в одном словаре классической латыни, увеличивают трудности читателя. Кроме того, немногие или даже все тексты не представляют никакой ценности для современной медицины, а читать их очень трудно даже человеку, который интересуется историей этой науки, особенно, если у него нет специальных знаний по медицине и хирургии. Поэтому, если учесть все эти препятствия, становится понятно, почему Галена так плохо знают. «Мало кто из врачей или даже ученых современности, — пишет историк медицины Пейн, — может похвастаться тем, что прочитал все собрание сочинений [Галена]; я — уж точно нет. Я могу сказать, что лишь затронул самый край, в основном, работы по анатомии и физиологии»[23].

[23] Возможно, в этом месте автор данной книги должен честно признаться в том же самом. Я пытался прочитать больше того, в чем скромно признается доктор Пейн, и прилагал все усилия, чтобы не пропустить чего-нибудь важного из тех работ, которые, как мне казалось, имеют отношение к предмету моего исследования, а именно, к истории науки и магии. Я переработал огромные массивы текста, не найдя в них ничего. Я полагал, что не надо тратить время на чтение комментариев Гиппократа, а лучше ознакомится с мнением других авторов о трактатах Галена по анатомии и физиологии, но, в конце концов, прочитал большую часть из них, чтобы из первых рук узнать об аргументах Галена о замысле творца

Работы Галена дошли до нас в манускриптах

Хотя работы Галена очень обширны, они дошли до нашего времени, большей частью, в сравнительно поздних манускриптах, а некоторые, возможно, в своей средневековой форме. Сохранившиеся рукописи греческого текста были созданы в основном, в 15 веке. Они демонстрируют энтузиазм гуманистов, которые, возрождая учение Галена в его первоначальном виде, надеялись обнаружить в нем что-нибудь новое и более полезное, чем то, о чем им рассказывали школьные учителя. Однако эти надежды не оправдались; Средневековые авторы уже тщательно проработали все его труды. Доктор Пейн был прав, утверждая, что главный и оригинальный вклад в науку Возрождения внесли люди, которые изучали греческую схоластику. Это произошло потому, что, не найдя новых идей в греческих текстах, они обратились к экспериментальным исследованиям, в пользу которых высказался и сам Гален, и ученые Средних веков. Обширные латинские средневековые переводы его работ были сделаны раньше, чем большинство дошедших до нас греческих текстов. Существуют также версии на арабском и сирийском языках. Что касается последних пяти книг «Анатомических исследований», то единственным манускриптом, дошедшим до наших времен, является еще не опубликованный манускрипт на арабском языке.

Живой характер Галена

Мы не очень много знаем о Галене, но это вовсе не означает, что он был неприятным человеком. Основные моменты его жизни нам известны. В его работах содержится необыкновенно много сведений о нём самом, и во всех своих трудах он говорит с нами как живой человек, рассказывая о случаях из повседневной жизни. Это производит на читателя впечатление живого разговора. (Изменяет он этому тону только в тех случаях, когда приводит древние рецепты). Дарнберг утверждает, что богатство его воображения и непомерность тщеславия часто заставляет нас улыбаться. Это

и о вскрытии трупов, которые делал Гален. Впрочем, читатель сам сможет судить по моим цитатам, сколько я прочитал и насколько глубоко вник в текст. Первый вариант этой книги был завершен еще до того, как я узнал, что Пушмен в своей «Истории медицинского образования» использовал много материалов из книг Галена для описания врачебного дела в Римской империи.

правда, что его фармакология и терапевтика часто кажутся нам очень странными, но не он их придумал — такова была медицина в те времена. Это правда, что он рассказывает нам о тех случаях, когда ему удалось исцелить своих пациентов, и о тех, где потерпели неудачу другие врачи, но ведь военные депеши тоже сообщают, преимущественно, о победах своей армии и поражениях противника! Слава победителю! Потомки давно уже вынесли Галену свой приговор. Какой бы странной и скучной ни казалось нам его медицина, научные и интеллектуальные идеи Галена, его любовь к своему тяжёлому труду, и его трудолюбие до сих пор являются живительной силой в его трудах, позволяющих читателю перенестись в Римский мир 2-го века. Так «магия и литература» — если процитировать прекрасную фразу Пейна, — соединяет мыслителей, разбросанных во времени и пространстве.

Рождение Галена и его родители

Гален — по-видимому, его стали называть Клавдием только в эпоху Возрождения — родился в 129 г. н.э. в городе Пергаме, в Малой Азии. Его отец, Никон, был архитектором и математиком, и знал арифметику, геометрию, и астрономию. Он передал много знаний своему сыну, но более важными, по мнению Галена, были его советы не примыкать ни к какой секте или партии, но слушать и судить их всех, презирать почести и славу и поклоняться одной лишь истине. Этими наставлениями Гален объясняет то, что свою жизнь он прожил мирно и безболезненно. Он никогда не страдал из-за потери имущества или умудрялся как-то выкрутиться. Он не обращал внимания, когда его ругали, вспоминая о тех, кто его хвалил. В конце своей жизни Гален с большой признательностью вспоминал о своём отце и говорил о том, как ему повезло, что у него был такой мягкий, справедливый, честный и гуманный человек. С другой стороны, главное, чему он научился у матери — это то, что надо избегать приступов гнева и язвительных замечаний, которые превратили жизнь рабов в их доме в ад. Его мать была еше более сварливой, чем Ксантиппа Сократа!

Образование в области медицины и философии

В одной из своих работ Гален говорит о своей страстной любви к истине и о своём горячем желании её познать, которое овладело им с детства, и он ни днём, ни ночью, не переставал к ней стремится. Он

понимал, что для того, чтобы стать настоящим учёным, человек должен иметь природные способности для этого и получить самое лучшее образование с самых ранних лет. Достигнув 14-ти летнего возраста, он стал слушать лекции разных философов: платоников, перипатетиков, стоиков и эпикурейцев, но около 17 лет ему приснился отец, который посоветовал ему заняться медициной. Этот случай со сном показывает, что ни сам Гален, ни его отец, несмотря на всё их образование и высокий интеллектуальный уровень, не были свободны от веры в оккультное влияние, примеров которому мы найдём ещё больше в работах Галена. Гален сначала 4 года изучал медицину под руководством Сатира в своём родном Пергаме, потом — у Пелонса в Смирне, а позже — у Нумизиана в Коринфе и Александрии. Это происходило примерно в то же самое время, когда великий математик и астроном Птолемей[24], завершал свои наблюдения неподалёку от Александрии. Однако, Гален ничего о нём не говорит, несмотря на свою веру в то, что первоклассный врач должен знать такие предметы, как геометрия и астрономия, музыка и риторика.

Гален увлекался также философией и написал много трактатов по логике и философии, большая часть которых до нас не дошла. Его отец умер, когда ему исполнилось 20 лет. Именно после этого он и уехал учиться в другой город.

Первое посещение Рима

Гален вернулся в Пергам и занялся медицинской практикой. При пяти сменивших друг друга понтификах он служил врачом, лечившим гладиаторов. После 30 лет он переселился в Рим. В статье о Галене Паула-Виссова (Pauly-Wissowa) говорится, что он покинул Рим из-за чумы. А в *De libris proplis* Гален пишет, что «когда здесь разразилась эпидемия чумы, я поспешил уехать из этого города себе на Родину. Но в трактате *De prognosticatione ad Epigenet* он объясняет свой отъезд тем, что его возмутили злоба завидовавших ему врачей столицы, и он решил возвратиться домой, пока не закончился мятеж. Потом он снова жил в Риме, где благодаря тому, что ему удалось вылечить многих людей, о нём пошла громкая слава. Однако, зависть усилилась, а число его врагов возросло, поэтому, узнав, что восстание закончилось, он снова вернулся в Пергам.

---

[24] Птолемей проводил свои астрологические наблюдения с 127 по 151 годы н.э.

Отношение с императорами. Конец его жизни

Слава о Галене достигла ушей императоров, и его вскоре вызвали в Авелейю, где он должен был встретиться с императорами, которые шли на север, чтобы отбить нападение германцев. Однако вспыхнула новая эпидемия чумы, и кампания против захватчиков была сразу прекращена. Гален пишет, что оба императора бежали в Рим с небольшим количеством воинов, оставив всю армию погибать от чумы и холода. По пути Луций Вер умер, а когда Марк Аврелий вернулся, наконец, на фронт, он позволил Галену уехать в Рим и стать придворным врачом Коммода (сына Марка Аврелия — прим. переводчика). Господство чумы в те времена иллюстрирует появление ее в третий раз. На этот раз он столкнулся с ней в Азии и, по его словам, спас себя и других обильными кровопусканиями. Война продолжалась гораздо дольше, чем предполагалось, и Гален занимался, в основном, литературным трудом, написав несколько работ. В 192 году ряд его книг и другие богатства сгорели во время пожара, уничтожившего Храм Мира на Священной Дороге (*Sacra Via*) в Риме. От многих сгоревших трактатов у него самого не осталось даже копий. В одной из своих работ, посвященной составным лекарственным средствам, он пишет, что первые две части этой работы, которые были уже созданы, могли сохраниться у многих людей, но они сгорели вместе с другими в лавке на *Sacra Via*, когда весь Храм Мира и огромные библиотеки Палатина охватил огонь. И что его друзья, у которых не было этих трудов, умоляли его снова их написать. В первые годы династии Северов Гален был ещё жив и работал над своими трактатами. Он умер, вероятно, в 200-ом году нашей эры.

Критическое описание учёного мира

Зависть других врачей Рима и их обвинения в том, что для диагностики болезни и её лечения, он прибегает к магическому искусству и предсказаниям, была не единственной и главной причиной временного удаления Галена из столицы. Скорее всего, ещё одним поводом для этого стало его описание служителей медицины и учёного мира того времени, в котором было много правды. Об этом свидетельствуют и другие выдающиеся деятели — от энциклопедиста Плиния и сатирика Ювенала до юриста и астролога 4 века Фирмика, который подкрепляет правоту Галена своими доводами. Он был уверен, что Гален критиковал своих коллег вовсе не из-за своего плохого характера или пессимизма, а потому что они и вправду имели много

плохих качеств. Мы видим, что эти люди жили в обществе, где царили подлость и предательство, суеверие и мелочность, а также личная вражда, в отличие от более спокойного и, будем надеяться, более толерантного учёного мира наших дней. Эгоизм и претенциозность, личные симпатии и антипатии, несомненно, существуют и сейчас, но нет той непримиримой и открытой вражды, которая доходила до поножовщины. Состояние войны по-прежнему является постоянным в мире политики и бизнеса, но учёные научились уже сохранять мирные отношения. Возможно, это объясняется тем, что в наши дни представители просвещённых профессий уже не получают таких больших денег, как в эпоху Галена. А, быть может, это объясняется воспитанием бесстрастного научного духа, существованием неписаного кодекса вежливости и этики в ведущих профессиях учёного мира, а также законами, которые регулируют такие вопросы, как получение патентов, авторское право, профессиональные степени, наличие чистой пищи и чистых лекарств. Быть может, в плохих отношениях тех людей, которые были лучше всех образованы и просвещены, можно увидеть важный симптом интеллектуального этического упадка Древнего мира.

Коррупция во врачебной профессии

Гален пишет, что многие люди уставали от длительной борьбы с дурными людьми, которую они пытались с ними вести, опираясь на свою эрудицию и честный тяжёлый труд, и с негодованием удалялись от толп, чтобы спастись в почётном уединении. Его больше всего поражала злобность врачей, имевших в Риме хорошую репутацию. Живя в городе, они напоминали банду грабителей или разбойников в горах. Он пытался объяснить грубость и жадность врачей, живших в столице, в отличие от тех, кто практиковал в небольших городах, тем, что за пределами Рима людей не искушает размер возможного вознаграждения, и что в небольшом городке все друг друга знают, и сомнительные делишки скрыть невозможно. Богатые римляне становятся жертвой этих беспринципных врачей, которые или льстят, или играют на их слабостях. Эти богатые люди могут увидеть, как используются арифметика и геометрия, позволяющая им содержать свои книги в порядке и строить дома для большего комфорта, а также прорицание и астрология, благодаря которой они хотят узнать, какими наследниками они станут, но у них нет желания заниматься чистой философией, а лишь только одной риторической софистикой.

Отсутствие реального стремления познать истину

Гален много раз жаловался, что в его время нет людей, которые занимались бы поисками истины, а не стремились бы к деньгам, политической власти и удовольствию. «Ты прекрасно знаешь, — говорит он одному из своих друзей в книге *De methodomedendi*, — что из всех людей, которых мы встретили, только пять предпочитают быть мудрыми, а не просто казаться ими. Многие занимаются в медицине и других искусствах откровенной показухой, поскольку не имеют постоянных знаний. Гален в нескольких местах говорит о своём презрении к тем людям, которые проводят утро, посещая дома своих друзей и желая им доброго утра, а вечера — напиваясь или обедая с богатыми и могущественными. Но даже его друзья упрекали Галена в том, что он слишком много работает и не проводит больше времени вне дома. Но, пока они теряли время на пустяки, он тратил своё, сначала изучая то ценное, что открыли древние, а потом проверяя и применяя это на практике. Более того, в наши дни, пишет он, многие пытаются учить других тому, чего они сами не знают или не умеют. Фессалий не только льстит богачам, но и набрал себе много учеников, обещая научить их медицине за шесть месяцев. Поэтому портные, красильщики и кузнецы бросают свои профессии и идут учиться на врачей. Сам Фессалий, злорадствует Галлен, учился у отца, который чесал шерсть в женских комнатах, да и то плохо. Таким образом, сам Гален своими оговорами и подчас слишком эмоциональным проявлением своей неприязни к другим врачам или медицинским школам, иллюстрирует то состояние войны в интеллектуальном мире своей эпохи, о котором он так сильно сокрушался.

Бедные врачи и студенты-медики

Вполне вероятно, что учёные профессии, по сравнению с другими занятиями, были более доходными во времена Галена, чем в наши дни, но и тогда было много бедных лекарей и студентов-медиков, а также жадных до денег врачей или тех, кто лечил только богатых. Многие доктора не могли позволить себе использовать редкие или дорогие лекарства, и ограничивались легко получаемыми домашними средствами. Многие студенты, учившиеся вместе с Галеном, считали совершенно недоступным для них план освоения профессии, предложенный им. Он советовал изучить методы врачевания всех медицинских сект и сравнить их достоинства, взять от каждой самое ценное. Студенты со слезами на глазах отвечали ему, что этот путь больше

подходит ему, потому что он очень талантлив и к тому же имеет богатого отца. У одних же нет денег для продолжения своего образования, другие — потеряли слишком много времени, обучаясь у бездарных учителей; а третьи считали, что не обладают способностями, которые помогли бы им выбрать самое ценное из нескольких конфликтующих между собой школ.

Медицинские открытия в эпоху Галена

Гален был, как мы уже показали, интеллектуальным аристократом и терпеть не мог тех глупцов, которые, наблюдая многочисленные случаи исцеления, так и не смогли ничему научиться. Однако, если оставить в стороне его собственные работы, то можно увидеть, что медицина в ту пору всё-таки развивалась, и Гален признаёт, что о многих вещах, известных врачам его времени, в древности ничего не знали, и упоминает о нескольких методах лечения, недавно появившихся в Риме.

Торговля лекарствами

Гален приводит много сведений о торговле лекарствами в самом Риме и во всей империи. Он часто жалуется на то, что людям продают подделки и фальсификаты. Врач сам должен хорошо знать простые лекарственные средства и их свойства, и уметь отличать подделки от настоящих. Если он невежественен, то купцы, парфюмеры и составители гербариев легко смогут его обмануть. Гален отказывался сообщать о способах производства фальшивого бальзама, которые он лично изучал, потому что опасался, что многие люди воспользуются этим и тоже начнут изготавливать этот поддельный бальзам. В Риме были торговцы мазями, которых можно было сравнить с современными фармацевтами. Гален утверждает, что в Риме нет ни одного торговца мазями, который не знал бы, какие травы привозят с Крита, однако в окрестностях Рима растет не меньше прекрасных лекарственных трав, о которых они ничего не знают. И это справедливо для тех, кто готовит лекарства для самого императора! Он пишет, что травы с Крита доставляют в картонных коробках, на которых написано название трав, а иногда делается приписка, что это *campestris* (*лат.* обычный). Аптеки Рима, по-видимому, на ночь закрывались, поскольку Гален, описывая один случай, говорит о том, что ему нужно было дать больному лекарство немедленно, но купить его оказалось невозможно, ибо «все лампы уже были зажжены» (т.е. наступила ночь).

Императорские запасы

Императоры имели свои собственные склады лекарств, кроме того, специальные группы ботаников на Сицилии, Крите и в Африке снабжали травами не только их, но и весь Рим, пишет Гален. Тем не менее, императоры создавали для себя огромные запасы самых лучших и самых редких лекарственных средств. Гален пишет о больших запасах хуметского мёда в императорских складах, которые по-гречески назывались «автокртопикэс апотикэс» — отсюда произошло слово «аптекарь»[25]. Гален доказывает, что корица со временем теряет свою силу, поскольку проверил это на своём собственном опыте, когда служил императорским врачом. Специи, присланные Марку Аврелию из варварских стран, были лучше по качеству, чем те, что хранились в деревянных сосудах со времён Траяна, Адриана и Антония Пия. При Коммоде все запасы были израсходованы. И когда Галену пришлось использовать то, что оказалось под рукой, чтобы приготовить противоядие для Севера, он обнаружил, что сила трав сильно уменьшилась, хотя со времени их сбора не прошло и тридцати лет. О том, что корица[26] в ту пору почти была не известна людям Рима, говорит тот факт, что Гален, рассказывая о пожаре 192 г., упоминает о гибели в огне двух бесценных кусков коры коричневого дерева, которые он хранил в сундуке вместе с другими богатствами. Он хвалит императоров из рода Северов, которые разрешили использовать людям это противоядие, лекарство и антидот, о котором мы расскажем ниже. Он пишет, что эти императоры не только получили свою власть от богов, но и щедро делились своими богатствами с людьми, как и подобает богам, которые радуются тем сильнее, чем больше людей им удалось спасти.

---

[25] Значение слова «аптекарь» объясняется в манускрипте 14 века, который был создан в Шатре. Он представлял собой сборник религиозных трактатов, а также басен и аллегорий о животных. В нём говорится: «согласно Хуггутию, аптекарь — это человек, который собирает в своей лавке образцы разных товаров. Аптекарем называют того, кто держит под рукой и выставляет на продажу ароматические вещества и всякого рода вещи, необходимые для медицины и хирургии».

[26] Люди думали, что запасы этой специи находились в гнездах коричной птицы, которую, по словам Геродота, арабские купцы добывали так: они оставляли этим птицам большие куски мяса, и те относили их в свои гнезда. Под тяжестью этого мяса гнезда разламывались и падали на землю. Аристотель в своей «Истории животных» пишет, что в гнезда коричных птиц люди пускали стрелы с железным наконечником.

Личные запасы лекарств, собранных Галеном: terra sigilllata

Сам Гален, как и многие другие врачи, не хотел зависеть от продавцов мазей или императорских складов и создавали свои запасы. Он хранил у себя сливочное масло и жир, и они лежали у него, потихоньку старея, пока не накопилось запасов лет на сто. Часть масла и жира сохранилась с тех пор, когда еще был жив его отец! В состав одного лекарства Гален включил масло, пролежавшее у него 40 лет! Он также посетил много областей Римской империи, чтобы закупить редкие лекарства в тех местах, где они производились. Очень интересен его рассказ о том, как во время одного из своих путешествий из Рима в Пергам и обратно, он заехал на остров Лемнос, чтобы приобрести знаменитую *terra stigilllata* (красную глину в форме шариков со священной печатью богини Дианы). Направляясь в Рим, вместо того, чтобы пройти пешком из Фракии в Македонию, он сел в Троаде на корабль и поехал в Фессалоники, но этот корабль сделал остановку в Мирине на острове Лемнос. Этот порт стоял на другой стороне острова. Гален не знал, что на Лемносе не один, а несколько портов, а капитан задерживаться здесь не собирался. Так что у Галена не было времени, чтобы пересечь остров и добраться до того места, где имелись залежи *terra stigilllata*. Возвращаясь из Рима через Македонию, он все-таки посетил нужный порт и составил для будущих путешественников подробный рассказ о том, каким путем надо идти и каковы расстояния между указанными пунктами. Он описал, как жрецы из соседнего города добывают красную глину, которая залегает на холме. Они приносят ей в жертву не животных, а пшеницу и ячмень. Он привез с собой около 20 тысяч маленьких шариков этой глины, которые, как считалось тогда, помогают даже при отравлении смертельными ядами и при укусах бешеных собак. Жители Лемноса, конечно же, смеялись, читая у Галена, что эти «печати» изготавливают, смешивая с землей козлиную кровь (об этом он вычитал у Диоскуров). Бертелот, историк химии, полагал, что эта глина содержит более или менее гидратированную и неочищенную окись железа[27].

---

[27] Бертелот в своей статье пишет, что Галеново описание путешествия на Лемнос и Крит приведено в алхимическом трактате, который приписывают Зосиме. С подобным копированием Галена мы встретимся еще не раз. Что касается *terra stigilllata*, то Ч. Томпсон в своей статье «*terra stigilllata*, знаменитое лекарственное средство древности», опубликованной в «Трудах 17-го Международного конгресса по

В другом месте Гален советует читателям, которым доведется попасть в Памфилию, запастись там лекарством под названием *carpesium*. В 9-й книге своего трактата, посвященного лекарственным средствам, он рассказывает о трех слоях сори, халцита и миси, которые он видел в шахте на Кипре 30 лет назад. Отсюда он привез запас этих веществ[28] и был очень удивлен, когда обнаружил, что миси с течением времени изменил свой химический состав.

Средневековая торговля

Гален говорит о том, что остальные лекарственные средства поступали из Великой Сирии, Палестины, Египта, Каппадокии, Понта, Македонии, Галлии, Испании и Мавритании, а также из кельтских стран и даже из Индии. Помимо горы Химетты, где можно найти хороший мёд, он называет другие места в Греции и Малой Азии и утверждает, что так называемый Аттический мёд, на самом деле, производят на Кикладах. Его привозят в Афины, где продают или отправляют кораблями в другие страны. Аналогичным образом, настоящее фалерское вино изготавливают в только одном районе Италии, а другие вина, похожие на него,

---

медицинским наукам» который проходил в Лондоне в 1913 году, описывает различные средневековые заменители лемносской глины, привозимые из других мест. Он приводит также описание интересной религиозной церемонии, которую совершали в присутствии турецких чиновников один раз в году греческие монахи, сменившие жриц Дианы. 6 августа 1533 года за ней наблюдал Пьер Белон. К тому времени появилось уже много разновидностей шариков, «поскольку каждый господин на Лемносе имел свою собственную печать». Когда в 1890 году Лемнос посетил Тозер, церемонию по-прежнему проводили раз в году, 6 августа. Она должна была закончиться еще до восхода солнца, поскольку после этого глина теряла все свои лечебные свойства. В этом ритуале теперь уже принимали участие и мусульманские священники, которые приносили в жертву ягненка. Однако в 20-м веке этот обычай был утрачен. В начале Нового времени *terra stigilllata* по-прежнему высоко ценилась в Западной Европе и в 1833 и 1848 годах включалась в фармакопеи. Томпсон привел химический анализ шарика 16 века, изготовленного из Лемносской глины, и не обнаружил в нем никаких лечебных свойств. Агрикола в 16 веке писал в своем трактате о добыче металлов: «Вовсе не удивительно, что при раскопках холма на острове Лемнос обнаружилось, что он весь имеет красновато-желтый цвет, который снабжал жителей ценной глиной, особенно полезной для людей».

[28] Ученые так и не установили, что это за вещества.

делают люди, поднаторевшие в жульничестве. Самый лучший ирис растет в Иллирии, а самый лучший асфальт (битум) привозят из Иудеи; наиболее качественный *petroselinon* растет в Македонии. Купцы вывозят его почти во все страны мира, как и аттический мёд и фалерское вино. Однако весь урожай *petrselinon* собирают в Эпире, а оттуда отвозят в Фессалоники, где его выдают за Македонский. Самый лучший скипидар делают на Хиосе, но хорошие сорта можно найти и в Ливии или в Понте. Производство лекарств сильно расширилось за последнее время, пишет Гален, как и торговля ими. Самую лучшую мазь недавно делали только в Лаодикее, а теперь — во многих других городах Малой Азии.

Обманы, к которым прибегали торговцы дикими животными

Гален напоминает нам о том, что части тел животных, а также травы и минералы были очень важными составными частями древней фармакопеи, но их очень часто подделывали охотники или продавцы диких животных, а также торговцы мазями. Охотники ловят животных не в ту пору их жизни, когда они обладают лечебными свойствами, а когда они уже состарились или только что проснулись после долгой зимней спячки, во время которой их организм сильно истощается. Охотники откармливают этих животных не пригодной для них пищей — например, ячменными пирогами, от которых они жиреют и стачивают зубы, или заставляют их часто кусаться, чтобы изо рта у них вытекал яд.

Идеал Галена — анонимность

Помимо торговли лекарствами, Гален сообщает нам кое-что и об издательском деле своего времени, если можно так выразиться. В старости он написал трактат *De metodo medendi*, где заявляет, что никогда не указывал своего имени на своих трудах, никогда не писал ради того, чтобы прославиться или ублажить любителей сплетен. Он писал потому, что горел страстью к науке и истине, или по настоятельной просьбе друзей, или в качестве полезного упражнения для самого себя, или, как сейчас, чтобы забыть о своей старости. Слава — главное препятствие для тех, кто хочет жить спокойно и наслаждаться плодами философии. Он просит Евгениапа, к которому обращается в этом отрывке, не хвалить его чрезмерно, как он собирался, и не указывать его имя в трактатах. Тем не менее, друзья заставили Галена написать два трактата, в которых он перечислял свои работы; кроме того, во многих своих книгах Гален не стесняется называть другие свои труды, которые советует прочитать, прежде чем приступать к данному трактату. Вероятно,

его отношение к славе и анонимности в разное время было разным. Гален также обрушивался на тех, кто читал его книги не для того, чтобы узнать из них полезные вещи, а для того, чтобы опорочить их.

Древняя торговля книгами

Большая часть книг Галена хранилась в магазине на *Sacra Via*, когда их, вместе с огромными библиотеками Палатина, уничтожил пожар 192 года. Однако в другом отрывке Гален утверждает, что самые крупные книжные лавки Рима располагаются на улице, где живут производители сандала. Здесь он видел людей, которые спорили, его ли трактат они видят в магазине, или эта книга принадлежит другому автору. Она называлась «Медицина Галена», и один человек, увидевший это заглавие впервые, купил её, думая, что это новая книга Галена. Но другой мужчина, немного разбиравшийся в деле, попросил разрешения прочитать введение к ней, и пробежав глазами несколько строк, заявил, что автор этого труда вовсе не Гален. В молодости Гален написал три комментария о горле и легких для студента, учившегося вместе с ним, который хотел, вернувшись домой, выдать эти книги за свои. Однако этот друг умер, и книги пошли в продажу. Гален также жалуется, что записи его лекций, которые он не собирался публиковать, попали за границу; что слуги украли и издали ряд его манускриптов; что другие труды подверглись изменениям, искажениям и были изданы теми, кто сумел ими завладеть. Или же они были переданы в чужие руки и выданы за труды совсем других людей. С другой стороны, некоторые из его учеников не хотели рассказывать о его учении другим людям, и держали эти знания при себе, и Гален опасался, что, в случае их неожиданной смерти, его идеи будут забыты. Его идеал — делиться своими знаниями со всеми, кто этого захочет, а, по возможности, со всем человечеством. Но, по крайней мере, одна работа Галена была записана под его диктовку стенографами. Это произошло после того, как он во время вскрытия убедительно продемонстрировал строение органов дыхания и голоса, и Боэт попросил его прокомментировать этот опыт, прислав к нему стенографов. Во время своих путешествий Гален часто покупал и привозил домой большие объемы лекарств. Отправляясь в свою первую поездку в Рим, он оставил все свои книги в Азии.

Фальсификации и ошибки в манускриптах

Гален пишет, что искажения в титульных листах и оглавлении его книг начались тогда, когда Птолемеи, цари Египта, и Аттал Пергамский стали просить друг друга поделиться его книгами для своих

библиотек. В работы вносились много дополнений, чтобы они стали объемней, и их можно было бы продать подороже. Гален неоднократно пишет о том, с какой легкостью в его рукописях менялись числа, знаки и сокращения. А ведь одним касанием пера или легким подтиранием можно полностью изменить рецепт лекарства! Он думает, что такие изменения часто делались с дурными намерениями, что это не простые ошибки. И эти изменения вносились столь часто, что Менекрат специально написал медицинский труд безо всяких сокращений. Этот труд он озаглавил *Autocrator Hologrammatos*, поскольку он был посвящен императору. Другой автор, Дамократ, из трудов которого Гален цитировал длинные отрывки, составил свою книгу о медикаментах в метрической форме, чтобы даже в написанные полностью слова никто не смог внести никаких ошибок.

Труды Галена как исторические источники

В книгах Галена порой встречаются исторические сведения, касающиеся не только книг и лекарств, но и других вопросов. Клинтон в своей книге «Римские хроники» при составлении хронологии событий того времени, когда жил Гален, часто обращался к его трудам. Рассказы Галена об императорах, с которыми он имел личные отношения, являются очень ценным источником информации для историков. Траян, конечно, жил до Галена, но великий врач отмечает, что этот император сильно улучшил дороги Италии[29].

---

[29] Дьюри ссылается на отрывок из его «Истории Рима». Он пишет: «Обширные санитарные работы производились по всей Италии, и знаменитый врач Гален, бывший почти современником [императора] описывает, какое благоприятное воздействие это оказало на здоровье людей». Однако Гален имел в виду вовсе не санитарию, приводя строительство дорог Траяном в качестве примера, когда сравнивает свои собственные систематические занятия медициной с великими работами императора по ремонту и улучшению дорог, спрямляя их в некоторых местах, что сокращало расстояние, или забрасывая старые дороги, которые взбирались на вершину холма, и прокладывая более легкий путь мимо этих холмов; заваливая сырые и болотистые места камнями или устраивая там гати, перебрасывая мосты через реки, не имеющие бродов, и прокладывая дороги, которые проходили раньше через заброшенные селенья, где никого, кроме диких зверей, больше нет, через густо населенные города и районы, где чаще встречаются люди. Этот отрывок рассказывает нам о том, что люди переселялись в другие места.

Гален кратко освещает также сложный вопрос о населении империи. По его оценкам, в Пергаме, на который он ссылается, по его оценкам, проживает сорок тысяч римских граждан, или сто двадцать тысяч жителей, включая женщин и рабов, но вероятно, исключая детей.

Древнее рабство

Гален иллюстрирует уродливые черты древнего рабства примером, которым хочет показать, как вредно поддаваться страстям, в особенности, гневу. Возвращаясь из Рима, Гален встретил по дороге человека, ехавшего из Гортины на Крит. Когда они добрались до Коринфа, житель Крита отправил свой багаж и рабов из Кенчеры в Афины на судне, а сам нанял повозку и с двумя рабами поехал по суше — через Мегару, Элевис и Фриасу. По пути он так рассердился на своих рабов, что стал избивать их мечом, вложенным в ножны, да так сильно, что ножны разбились и рабы получили тяжелые ранения. Испугавшись, что они умрут, он сбежал, спасаясь от правосудия, оставив Галена ухаживать за ними. Позже он раскаялся и вернулся, настояв на том, чтобы Гален, в наказание побил его самого. Гален пишет, что он, подобно своему отцу никогда не бил своих рабов, и не одобрял своих друзей, которые ударом кулака вышибали им зубы. Другие шли еще дальше — избивали рабов ногами или выкалывали им глаза. Говорят, что император Адриан в момент гнева выколол рабу глаз острым концом стила (стило — приспособление для письма), которое он держал в руке. Потом он очень сожалел о содеянном, и предлагал рабу денег, но тот отказался их принять, заявив, что потерю глаза не может восполнить ничто. В другом отрывке Гален рассуждает о том, сколько рабов и одежд, на самом деле, нужно человеку.

Социальная жизнь: пища и вино

Гален также описывает беспечное, общительное, любящее удовольствие общество своего времени. Не только врачи, но и обычные люди начинают свой день с приветствий и визитов, потом расходятся, — одни идут на рынок или в суд, а другие — посмотреть выступления танцоров и соревнования колесничих. Третьи играют в кости или крутят романы, проводят время в банях или за едой и питьем, а также в других телесных удовольствиях. Вечером они все снова собираются вместе на симпозиумах (пирах) — которые ничем не напоминают интеллектуальные пиршества Сократа и Платона, а похожи на обыкновенную пьянку. Впрочем, Гален не возражает против вина, если

пить его умеренно, и описывает вина, производимые в разных частях Средиземноморья, которые славились своими лечебными свойствами. Он считал, что умеренное потребление вина помогает избавить ум от тревог и меланхолии, и освежает его. «Ибо мы пьем его каждый день». Он подтверждает, что умеренное потребление вина помогает пищеварению и благоприятно действует на кровь[30].

Он относит вино к лекарственным средствам, наряду с «трезвым и порядочным образом жизни», а также «изучением литературы и свободных искусств». В Трактате Галена, состоящем из трех книг, и посвященным свойствам еды (*De alimentorum facultatibus*), он приводит сведения о том, чем питались древние люди, и говорит о науке о питании.

Мнение Галена об иудаизме и христианстве

Мнение Галена об этих двух религиях представляет для нас большой интерес. Вряд ли он мог отличить одну от другой. В двух местах своего трактата о различных видах пульса, он кратко упоминает о последователях Моисея и Христа, и отзывается о них весьма легкомысленно, если не сказать презрительно. Критикуя Архигена за то, что он говорит так невразумительно, что его трудно понять, и не дает полного объяснения обсуждаемого вопроса, Гален пишет: «Подобно тому [человеку], который пришел в школу Моисея или Христа и услыхал о законах, которые ничем не подтверждены». А, критикуя другие секты за упрямство, он отмечает, что гораздо проще убедить последователей Моисея и Христа, чем членов этих сект[31].

Ниже мы поподробнее поговорим о третьем абзаце из трактата *De usu partium*, где Гален критикует взгляды Моисея о том, что Бог связан с природой, называя их крайней оппозицией эпикурейской теории

---

[30] Аналогичным образом Милворд (1733 г.) пишет об Александре Траллесе: «Для всех хворей у него есть отдельные рецепты, включающие в себя вино, и я сильно сомневаюсь, что во всей природе найдется более совершенное лекарство, чем вино в руках умелого и рассудительного врача».

[31] Я не смог отыскать то место в «Афоризмах» Моисея Маймонида, жившего в 12 веке, где утверждается, что Гален якобы говорил, что богатые врачи и философы его времени не любят подчиняться дисциплине, в отличие от последователей Моисея и Христа. Но это вполне могло быть неправильным переводом одного из приведенных выше отрывков.

о чисто механической и материалистической вселенной. Это свидетельствует о том, что Гален, вероятно, был немного знаком с «Ветхим Заветом», но он мог узнать о Мертвом море и солях Содома, о которых он упоминает в другом месте, и из иных источников. Если верить арабскому биографу Галена, жившему в 13 веке, в своем утерянном комментарии к Платоновой «Республике» Гален говорит о христианах с большой симпатией, восхищаясь их нравственностью и признавая их чудеса. Однако последнее вряд ли соответствует действительности, как мы еще увидим, поскольку Гален верил в высшее Божество, которое проявляет себя только в законах природы. В третьей книге *De remediis parabilibus*, которую приписывают Галену, упоминаются такие средства как «лекарства Иоахима, мученика или митрополита», а также «лекарство от головной боли монаха Варлаама». Однако мы знаем, что в третью книгу было внесено много дополнений, а, быть может, она вообще вся подложная, поскольку в ней приводятся цитаты из Галена и Александра Траллеса, жившего в 6-м веке, а также упоминаются сарацины. Велман считает, что она была написана между 7-м и 11-м веками нашей эры.

Монотеизм Галена

Подобно большинству мыслителей своего времени, Гален верил в одно верховное божество, но он воспринял эту концепцию из греческих источников, а не из еврейских. Это божество проявляет себя в философии и греческих мистериях, как мы еще увидим. Неисправимые преступники были для него теми людьми, которых не исправят ни Моисей, ни Сократ. В другом трактате, описывая Первого и Величайшего Бога как несозданного никем и благого, он цитирует не Христа, а Платона. «И мы все, естественно, любим Его, поскольку он — из вечности».

Христианские читатели Галена

Монотеизм Галена нельзя считать ни христианским, ни еврейским по своему происхождению, но вполне возможно, что его аргумент о божественном замысле и о том, что анатомия подтверждает данные теологии, делает его более приемлемым для мусульманских и христианских читателей. В любом случае, в начале 3-го века римские христиане читали Галена — один настроенный очень враждебно по отношению к ним человек жаловался, что некоторые из них даже обожествляют его. Эти древние христианские энтузиасты

естествознания, которые уделяли много внимания Аристотелю, Эвклиду и Галену, были, в конце концов, отлучены от церкви; но Аристотель, Эвклид и Гален с триумфом вернулись к людям, когда появилась Средневековая наука.

Медицина и экспериментальная наука Галена

Гален придерживается взгляда на природу, который господствовал в Средние века — все природные объекты на Земле состоят из четырех элементов: земли, воздуха, огня и воды. Он также разделял идею, высказанную впервые Гиппократом и поддержанную Аристотелем, что все эти объекты обладают четырьмя свойствами: — они горячие, холодные, сухие или влажные. Из сочетания этих четырех главных свойств рождаются другие, второстепенные. Ни та, ни другая гипотезы в ту пору не нашли еще всеобщей поддержки, и Гален считал необходимым разубеждать тех, кто верил, что человеческое тело и мир природы состоят из одного элемента. Были люди, которые потешались над теорией четырех элементов, заявляя, что холод и жар — это слова из лексикона банщиков, а не врачей. Гален разъяснял, что философы не считают, что какая-либо разновидность земли или какой-либо минерал представляют собой чистый элемент под названием «земля», которая в философском смысле является холодной и сухой субстанцией и к которой больше всего приближаются алмаз и скалистые породы. Все виды земли, которые мы видим — это комплексные субстанции.

Критика атомарной теории

Гален отвергал атомарную теорию Демокрита и Эпикура, которые утверждали, что атомы — это неделимые частички, разные по размеру и форме, но не различающиеся по качеству, как должны были бы различаться химические атомы. Он разделяет точку зрения Демокрита на то, что такие свойства как цвет и вкус ощущаются нами благодаря сочетанию атомов, а не заключены в самих атомах. Гален также критикует утверждение о том, что простой перегруппировки «безразличных и неизменных» атомов совсем недостаточно для создания новых свойств соединения, которые часто совсем не похожи на свойства своих составных частей, как в тех случаях, когда «мы изменяем свойства лекарств в искусственно созданных комплексах». Этим он хочет сказать, что чисто физический атомизм Демокрита не может объяснить того, что мы сейчас называем химическим изменением.

Он также, как мы увидим позже, отрицал теорию Эпикура о том, что мир природы подвержен не целенаправленным, а совершенно случайным изменениям.

Применение теории четырех свойств в медицине

Гален искренне верил, что от влажных болезней помогают сухие лекарства, и что составные микстуры, в которых в разных пропорциях смешаны очень холодные лекарственные средства с прохладными, можно получить лекарство любой степени холодности. В целом, он считал твердые предметы, вроде камней и металлов, сухими и холодными, а горячие и влажные объекты, по его мнению, очень быстро испарялись. Поэтому он заявлял, что сухость твердых тел неизлечима, что детские тела разлагаются быстрее, чем взрослые, потому что они более влажные и теплые. Стоики и многие другие врачи верили, что жара продлевает жизнь, а последователи Асклепия подчеркивали, что эфиопы в тридцать лет уже старики, потому что их тела иссушает горячее солнце, в то время как отдельные жители Британии доживают до ста двадцати лет. Впрочем, он объяснял это тем, что у британцев более толстая кожа, которая помогает им дольше сохранять внутренне тепло их тела.

Терапевтические методы Галена устарели

Перед тем, как перейти к описанию влияния магии и астрологии на терапевтические методы Галена, я хотел бы подчеркнуть, что в них было много и полезных элементов. Но вся система его взглядов, вроде теории о четырех элементах, на которых она, в основном, и строилась, кажется теперь совершенно устаревшей и то, что сделало его выдающимся врачом своей эпохи, вероятно, поразит современного читателя, ибо его методы лечения не идут ни в какое сравнение с современными. Современные медицинские исследования, проводившиеся после появления книги Даремберга, в которой он заявляет, что надо отказаться от «большей части физиологии, почти ото всей патологии и общей терапии» Галена, только подтверждают этот вывод.

Примеры терапевтических методов Галена

Тем не менее, можно отметить ряд идей в его теории и практике, которые не опираются на магические приемы. Гален считал, что главными лечебными процедурами при высокой температуре должны быть кровопускание и холодное питье. Он отмечает, что дети чаще бывают похожи на дедушек и бабушек, а не на родителей. Он оспаривает

утверждение Эпикура (которому не желали следовать некоторые последователи этого философа), что от Афродиты (то есть от любви) нет никакой пользы для здоровья. Он пишет, что при определенных промежутках и при определенных обстоятельствах для некоторых людей половые сношения очень даже полезны. Его рассказ о болеутоляющих веществах, ступоре (оцепенении) или снотворных средствах свидетельствует о том, что древние имели некоторое представление об анестезии. Гален признавал, что человек должен дышать свежим, незагрязненным воздухом, наполняющим его новой энергией, а не воздухом, насыщенным разными вредными соединениями, которым дышат люди в шахтах, в ямах и у печей. Вредны также испарения от разлагающихся овощных или животных отбросов, или испарения от застойных вод, болот и рек. Как было принято в Древние и Средние века, Гален считал, что чуму порождает загрязненный воздух, который отравляет людей, дышащих им, и рассказывает о том, как Гиппократ пытался изгнать из Афин чуму, очищая воздух окуриванием домов разными ароматическими веществами и мазями, а также дымом.

Два примера излечения больных Галеном

Можно привести два случая, показывающие нам, как Гален лечил больных. В первом он использовал сыр, который показался ему очень острым, и он велел слугам убрать его. Потом он смешал сыр с вареной солониной и приложил эту смесь к суставам пациента, пораженным подагрой. Это помогло и несколько другим людям избавиться от боли в суставах. В другом случае Гален вылечил больную женщину из Рима, у которой был такой сильный катар, что у нее чуть было не пошла кровь. Гален не стал делать ей кровопускание, поскольку последние четыре дня она почти ничего не ела. Он велел поставить ей клизму, растер ей руки и ноги и смазал их горячей мазью. Потом он побрил ей голову, и положил на нее лекарство, изготовленное из голубиного помета. Через три часа она приняла ванну, но при этом следила, чтобы ей на голову не попало ничего масляного. После ванны ее голову закутали платком. Сначала он кормил больную только жидкой овсяной кашей, потом добавил несколько осенних горьких плодов, а когда она уже собиралась уснуть, дал ей лекарство, приготовленное четыре месяца назад из гадюки. На следующий день он снова повторил растирание и укутывание, не трогая голову, а вечером дал несколько уменьшенную дозу змеиного лекарства. И снова она спала хорошо, и утром он накормил ее вареным медом, потом тщательно растер

ее тело и напоил ячменной водой с небольшим количеством хлеба. На четвертый день в ход пошло выдержанное в течение 4-х месяцев змеиное лекарство, на этот раз другое, но более сильное, а голова была обмазана тем же средством из голубиного помета. Гален объясняет, почему он его применял — помет быстро сушит и нагревает. Она снова приняла ванну и немного поела. На пятый день Гален решил очистить легкие больной, время от времени смазывая ей голову пометом. Далее он продолжал растирание, ванны и диетическое питание, пока, наконец, женщина не поправилась — поистине замечательное лечение!

Умение Галена наблюдать и быстро вмешиваться

Однако эти два примера не дают полного представления о талантах Галена. В своей медицинской практике он столь же быстро подмечал все детали и тут же делал правильные выводы из замеченного, как и знаменитый Шерлок Холмс. Это сильно поражало современников Галена, и его обвиняли в том, что он обладает даром прорицания. Однажды он мгновенно поставил диагноз одному сицилийскому врачу, после того, как входя в дом, увидел в горшке, который выносил слуга, кал этого врача, а при входе в комнату больного — лекарства, лежавшие на подоконнике, которые тот приготовил для себя. Пациент и философ Глаукон были поражены этим до глубины души, гораздо сильнее, чем поражался выводам Шерлока Холмса доктор Ватсон.

Удачные догадки Галена

Пушман обратил внимание на то, что Гален часто произносил фразы, в которых предвосхитил многие последующие открытия. Он пишет: «Галену очень помогало в его исследованиях воображение, которое вкладывало в его уста такие высказывания, которые вряд ли пришли бы ему на ум, если бы он хорошо знал предмет, о котором говорил — скорее всего, это была простая догадка. К примеру, когда он утверждал, что звук распространяется «как волна», или выражал уверенность в том, что одна из составляющих атмосферы, необходимая для дыхания, нужна также и для процесса горения, то высказывал мысли, которые нас поражают, ибо должно было пройти почти две тысячи лет, прежде чем люди начали понимать справедливость этих мыслей»[32].

---

[32] Впрочем, о том, что звук распространяется волнами, подобно волнам в пруду, заявлял и Витрувий.

Стремление проводить научные измерения

Гален прекрасно понимал, что врачу совершенно необходимо точное знание мер и весов. Он часто критиковал врачей прошлого, которые не указывали в своих книгах точное количество лекарства, необходимого для излечения той или иной болезни, и в каких пропорциях надо смешивать ингредиенты. Он также часто жаловался, что они не указывали, какую систему весов они использовали — греческую и римскую, или аттическую, александрийскую или эфесскую разновидность той или иной меры. Более того, он указывал на необходимость более точного измерения времени. Когда он пишет, что даже самые опытные и знающие из его знакомых врачей путаются, измеряя пульс, и не могут точно определить, замедлен ли он, слишком быстр или нормален, мы начинаем понимать, как трудно было лечить людей или проводить какие-либо эксперименты до изобретения часов, и как много зависит от точности приборов и человеческого суждения. Тем не менее, Гален считал, что главным достижением в постановке правильного диагноза со времен Гиппократа, является искусство определения болезни по пульсу. Гален пытался улучшить приборы, измеряющие время. Он заявлял, что в каждом городе люди хотят знать, сколько сейчас времени, не приблизительно, а точно. Он дал рекомендации, как разделить день на 12 часов с помощью солнечных часов и клепсидры (водяных часов), и как на водяных часах отмечать продолжительность самого длинного и самого короткого дня в году, а также дни равноденствия.

Психологические тесты с помощью пульса

Каким бы сложным и тонким делом ни было измерение пульса во времена Галена, он сумел на 17 веков предвосхитить ряд тестов, которые, по мнению современных психологов, нужно применять на допросе преступников. Он понял, что его пациентка совсем не больна, а просто влюблена, после того, как пришедший из театра человек заявил, что видел там танцующего Пилара, и ее пульс ускорился. Когда она пришла к Галену на следующий день, он специально попросил помощника войти в комнату и сказать, что он видел, как танцует Морфус. Этот и аналогичный тест на следующий день не отметили учащения пульса у женщины. Но, когда на четвертый день было произнесено имя Пилара, пульс снова ускорился. Вспомнив аналогичные случаи, когда Галену удалось понять, чем занят ум пациента, он задумался, почему врачи прошлого никогда не применяли

подобных способов. Он считал, что они не имели никакого понятия о том, как состояние души влияет на здоровье человека в целом и на частоту пульса, в частности. Таким образом, мы можем назвать Галена первым экспериментальным психологом и первым, кто задумался о физиологии нервной системы.

Работы Галена по анатомии и физиологии

Вряд ли справедливо обсуждать научные взгляды Галена, не упомянув о его замечательных работах по анатомии и физиологии. Даремберг дошел до того, что заявил, что все, что есть хорошего или плохого в книгах Галена, объясняется плохой или хорошей физиологией, и считает его труды, посвященные костно-мышечной системе особенно ценными. Галена обычно называют величайшим знатоком анатомии в Древнем мире. Но вполне возможно, что он обязан этом не столько своим личным исследованиям, сколько своим предшественникам и современникам, хотя из его трудов этого не видно. Его работы являются наиболее полными анатомическими трактатами из всех, что дошли до нас со времен античности. Герофил, например, родившийся в Халцероне в конце 4-го века до н. э. и процветавший в Александрии при Птолемее, первым научился отличать нервы от сухожилий и назвал мозг центром всей нервной системы, поэтому вряд ли стоит, по примеру Пейна, называть Галена «основателем физиологии нервной системы» и заявлять, что «в физиологической диагностике ему не было равных среди древних врачей». Тем не менее, если Гален и позаимствовал что-то у Герофила, то мы узнали о древних физиологах именно от Галена.

Эксперименты со вскрытием трупов

Аристотель утверждал, что сердце — это место, где обитает чувственная душа[33], и источник нервных реакций, «в то время как мозг имеет второстепенное значение, поскольку это самая холодная часть тела, лишенная крови, и его единственная и главная задача — о \хлаждать сердце». Гален разрушил эту теорию, на своем собственном опыте доказав, что «все нервы начинаются в мозгу, либо непосредственно,

---

[33] Сноска. Д'Арси В. Томпсон в 1913 году утверждал, что Аристотель, увидев, что в зародыше цыпленка самым крупным из всех органов было сердце, решил, что душа обитает именно в нем.

либо посредством позвоночного столба, который он считал всего лишь проводящим органом, а не центральным». «Тысячу раз, — пишет Гален, — я демонстрировал с помощью вскрытия, что нити в сердце, которые Аристотель назвал нервами, это вовсе не нервы и не имеют к ним никакого отношения». Он обнаружил, что при травме мозга все ощущения и движения прекращаются, и даже голос и дыхание изменяются, и что травма одного полушария отзывается в противоположной части тела. Его публичные демонстрации во время вскрытия, которые он проводил в присутствии различных философов и медиков, свидетельствовавшие о связи мозга с голосом и дыханием, а также комментарии, которые он диктовал сразу же после этого, были столь убедительны, что никто не осмеливался открыто ему возражать. Так писал он 15 лет спустя.

«Экспериментальное исследование спинного мозга с помощью сечения на разных уровнях и половинах этих уровней было еще более замечательным» (Др. Пейн). Гален противопоставил свои экспериментальные данные ненаучным заявлениям философа-стоика Хризиппа и других. Они утверждали, что сердце должно быть главным органом, потому что находится в центре тела, или потому, что для того, чтобы указать на себя, человек кладет руку на сердце, а также потому, что при произнесении слова «я» губы человека двигаются особым образом. С помощью другого эксперимента, в ходе которого он вырезал кусок бедренной артерии, Гален доказал, что в артериях течет не воздух или спирит (дух), как тогда думали все, а кровь. Тем не менее, ему не удалось провести эксперименты с легочными венами, так что вера в то, что по ним из легких в сердце проходит не кровь, а «дух», еще долго сохранялась[34].

Вскрывал ли, на самом деле, Гален человеческие трупы?

Часто утверждают, что Гален, на самом деле, никогда не вскрывал человеческие трупы, и делал свои выводы по аналогии с телами животных. Из-за этого он и допустил столько ошибок, описывая человеческую анатомию или физиологию. Да, Гален часто писал, что возможность получить труп или даже скелет человека предоставлялась очень редко. Тем не менее, ему изредка удавалось получить тела

---

[34] В книге «Ланцет» (1896 г.) Пейн пишет, что первым, с помощью эксперимента на живом сердце, доказал, что по этим венам течет кровь в сердце, врач из Венеции Коломбо, в 1559 г. Он описал этот опыт в своем трактате «Анатомия».

казненных преступников или людей, брошенных на растерзание диким зверям на арене цирка, а также тела детей, оставленных своими родителями. В другом месте Гален отмечает, что ограничиваться чтением книг о человеческом теле нельзя, надо увидеть все своими собственными глазами. Александрия — самое лучшее место для студента медицины, ибо там можно посещать выставки подобного рода, сделанные учителями. Но, даже если студент не может туда пойти, он имеет возможность достать человеческие кости. Такая возможность дважды представилась Галену. В первый раз, когда во время наводнения вода вымыла из могилы скелет покойника, а во второй — когда в горах нашли тело убитого разбойника. Если же у вас нет возможности раздобыть человеческий скелет подобным образом, писал Гален, то вскрывайте тела обезьян и горилл.

Вскрытие животных

Гален действительно советовал студентам много раз вскрывать трупы горилл, чтобы хорошо подготовиться к вскрытию человеческих тел, если вдруг представится такая возможность. Из-за отсутствия подобного опыта врачи из армии Марка Аврелия, вскрыв тело погибшего германского воина, не узнали ничего нового, кроме положения внутренних органов. Гален же сам вскрыл огромное количество животных. Мелких животных и насекомых он не трогал, ибо в то время еще не было микроскопов, но, помимо обезьян и четвероногих, он исследовал тела многих рептилий, мышей, ласок, птиц и рыб. Он рассказывает нам смешной случай о том, как однажды врачи Рима собрались на вскрытие слона, которое должно было показать, имеет ли его сердце одно или два предсердия, и два или три желудочка. Гален еще до вскрытия заявил им, что у слона сердце точно такое же, как и других животных. Впрочем, этот эксперимент послужил не только науке, поскольку, не успели врачи его закончить, как сердце слона было унесено, и не в научный музей, а в императорскую кухню. Гален иногда вскрывал животных в тот самый момент, когда убивал их. Так он сумел заметить, что легкие всегда значительно сокращаются, неважно, топил ли он этих животных в воде, душил веревкой, сворачивал голову в районе первого позвонка или перерезал крупные артерии или вены.

Хирургические операции

Хирургические операции и медицинская практика была третьим способом изучения анатомии человека, и Гален не одобрял тех врачей и

хирургов, которые до назначения лекарств не изучали строение тела пациента. У него самого был однажды такой случай, когда сердце больного было открыто и, тем не менее, он поправился. Будучи совсем молодым врачом, еще до приезда в Рим, Гален разработал такой замечательный метод лечения поврежденных сухожилий, что несколько сменявших друг друга верховных жрецов[35] его родного города Пергама поручали ему лечить раненых гладиаторов, и ни один из них у него не умер.

В том же самом абзаце своей книги Гален снова с презрением отзывается о врачах, которым во время войны с германцами разрешалось вскрывать тела убитых варваров, но они при этом узнавали о человеческой анатомии не больше, чем повара. Приехав в Рим, Гален выяснил, что здесь профессии врачей и хирургов считаются совершенно разными, и тех больных, которых в Пергаме он лечил сам, ему пришлось отдавать в руки римских хирургов. И, наконец, следует отметить, что он придумал новую форму для хирургического ножа.

Строение тела человека подтверждает наличие божественного замысла

По мнению Галена, изучение анатомии для философа не менее важно, чем для врача. Понимание того, как работают части тела, необходимо для врача, пишет он, но еще больше для «философа медицины, который стремится познать всю природу». В своей книге *De usu partium* («О назначении частей тела») он приходит к выводу, что в строении тела каждого животного мы находим проявление работы умелого творца или демиурга или небесного разума; и что «изучение частей тела закладывает основание для истинно научной теологии, которая ценнее и важнее всей медицины», и которая свидетельствует о существовании божественного начала гораздо сильнее, чем все Элевсинские мистерии или Самофракийские оргии. Таким образом, строение тела человека стало для него аргументом в пользу существования Бога. Современная теория эволюции, конечно же, разрушает утверждение Галена о том, что все части тела сконструированы так удачно и так превосходно приспособлены для выполнения своих функций, что лучше и быть не может, а также его вывод, что тело человека было создано божественным творцом.

---

[35] Гален писал, что время пребывания верховного жреца у власти ограничивалось семью месяцами. Этот срок, вероятно, имел какое-то астрологическое значение.

В трактате *De boetuum formatione* Гален высказывает аналогичные мысли, но уже в порядке гипотезы и не совсем уверенно. Он считает, что строение человеческого тела подтверждает мудрость и «мощь своего творца, но просит философов подтвердить это и выявить, действительно ли этот бог мудрый и могущественный». Процесс формирования младенца в матке матери, сложная мускульная система и даже язык человека кажутся ему столь удивительными, что он не хочет признавать учения эпикурейцев о том, что никакого управляющего миром провидения не существует. Гален считал, что сама природа не обладает таким могучим разумом. Поэтому он безуспешно пытался найти философа, который смог бы продемонстрировать убедительные доказательства существования Бога, в чем он не был уверен до конца.

Сомнения, касающиеся души

Гален также сомневался в существовании души, и не знал, из чего она состоит. Он писал, что щенки стараются укусить кого-нибудь еще до того, как у них вырастут зубы, а телята — бодаются, хотя у них еще нет рогов, словно их души заранее знали, зачем нужны зубы и рога. Считалось, что именно душа заставляет эти органы вырастать[36], но Гален в этом сомневался. Не готов был он принять и платоническую теорию о Мировой душе, или божественной силе, которая пронизывает всю природу. Его инстинктивную набожность и чувство порядка оскорбляла мысль о том, что Мировая душа присутствует в рептилиях, вшах и разлагающихся телах. С другой стороны, он не соглашался и с теми, кто отрицал, что душа обладает врожденным знанием или моральными установками, и приписывал все это чувству восприятия, воображению и памяти. Некоторые отрицают даже существование способности к рассуждению, пишет он, и утверждают, что мы руководствуемся чувствами, совсем как домашний скот. Для этих людей мужество, благоразумие, сдержанность, постоянство — пустой звук.

Никаких сверхъестественных сил в медицине нет

Комментируя работы Гиппократа, Гален полагал, что, говоря о том, что в болезнях «проявляется нечто божественное», Гиппократ вовсе не имел в виду сверхъестественных влияний, о которых

[36] Другие утверждают, пишет он, что одна душа порождает органы, а другая — заставляет их двигаться.

никогда не упоминал в других местах. Гален пытался объяснить слова греческого врача так: по-видимому, он имел в виду влияние воздуха, которым мы дышим. Таким образом, считая, что сама природа или какие-то конкретные вещи в природе были сотворены богами, Гален не признавал присутствия сверхъестественных сил в науке или медицине. Не считал он и того, что они зависят от воли Провидения. В работе «О назначении частей тела» Гален пишет, что разделяет точку зрения Моисея о том, что «начало генезиса во всех созданных вещах происходит от демиурга», но он не согласен с утверждением о том, что для Бога нет ничего невозможного — он может неожиданно превратить камень в человека или сотворить коня или корову из пепла? «В этом вопросе наше мнение и мнение Платона и других греков, которые правильно описывали все, что касается естествознания, отличается от мнения Моисея». В глазах Галена Бог не делает ничего, противного природе, и из всех возможных вариантов безошибочно выбирает лучший. В связи с этим Гален восхищается провидением природы, не позволяющей бровям и ресницам расти постоянно, подобно волосам на голове или бороде. Но волосы в этих местах, по его мнению, растут потому, что состоят из более тяжелой хрящевой ткани, а на мягких тканях они расти не могут. Сотворив ресницы не из хрящей ткани, «Бог проявил больше благоразумия, чем Моисей и тот бездарный генерал, который строит стену на болоте»[37]. Описывая взгляды на Бога Моисея и Эпикура, Гален предпочитал придерживаться золотой середины.

Любовь Галена к эксперименту

Уже при описании вскрытий Галена и его наблюдений за пульсом, мы убедились, что он стремился к научной точности и любил экспериментировать, и это дополняло его любовь к напряженной работе и жажду докопаться до истины. В одном из своих трактатов Гален признается, что это было его страстью — проверять все на своем собственном опыте. «И, если кто-нибудь обвинит меня в этом, я признаюсь в своем недуге, от которого страдал всю свою жизнь — я не доверял никому, кто бы ни рассказывал мне о таких вещах, пока

[37] Этот отрывок кажется автору данной книги неотъемлемой частью трактата Галена, а вовсе не более поздней вставкой. Моисей Маймонид, переводя Галена в 12 веке, изъял большой кусок текста из 25-й книги его «Афоризмов», который был посвящен критике того, кто создал законы природы.

не проверял их самолично, если представлялась такая возможность». Гален также заявлял, что для того, чтобы получить точные знания, «недостаточно знать лишь общую теорию, совершенно необходимо увидеть все своими собственными глазами». По его мнению, если бы все учителя и писатели понимали и соблюдали это правило, они сделали бы гораздо меньше ложных заявлений. Он считал безапелляционные заявления очень опасными и подчеркивал необходимость указывать, что произошло в каждом конкретном случае. Гален не один раз заявлял, что важно обсуждать дела, а не названия, и отказывался тратить время на обсуждение терминов и определений, предпочитая использовать его на «добычу знаний о самих вещах»[38].

Таким образом, Гален был ученым-практиком, которого интересовали конкретные факты и точное знание; однако, следует признать и то, что он признавал ряд общих теорий и разделяемых всеми взглядов.

Отношение к авторитетам

Гален не считал, что в новых книгах надо просто повторять утверждения авторов прошлого. Еще будучи совсем молодым человеком, он писал в своих «Анатомических исследованиях», что, по его мнению, следует отражать в трактатах только открытия, сделанные самим автором, а не повторять того, что было уже сказано другими. Тем не менее, в ряде своих трудов он приводит длинный список рецептов врачей прошлого, а в одну из своих работ о составных лекарственных средствах даже вставляет практически полный текст трактата Архигена. В другом случае, заявив, что Крито собрал все предыдущие трактаты по косметике, включая и написанный Клеопатрой, и изложил их в четырех книгах своего труда, создав, таким образом, нечто вроде энциклопедии по этой теме, Гален говорит, что переписывать книгу Крито совершенно бессмысленно и просто приводит у себя её оглавление. С другой стороны, Гален полагал, что древние заявляли о многих вещах из чистого восхищения. К тому же, у него не хватает терпения читать книги своих современников, которые ничему не научились у древних и только и делают, что тщеславно плетут все новые и новые запутанные догматы, или неправильно толкуют и перевирают учение своих предшественников. Его метод был таков: «напрячь все свои нервы в познании того, что говорили самые

[38] Он утверждал, что такого же мнения придерживался и Платон.

прославленные из древних»; потом, усвоив их учение, подвергнуть его проверке, проводя в течение длительного времени эксперименты, и определяя методом наблюдения, насколько оно согласуется с реальными явлениями. Только после этого можно принять за истину то, что согласуется, и отвергнуть то, что не согласуется.

Критика авторов прошлого

В своих работах Гален часто подвергал критике авторитеты прошлого. Он упоминает множество имен врачей и писателей прошедших веков, проливая, тем самым, свет на историю греческой медицины; но время от времени подвергает критике своих предшественников, не щадя даже Эмпедокла и Аристотеля. Много раз цитируя Аристотеля, Гален заявляет, что нет ничего удивительного в том, что Аристотель сделал много ошибок при описании строения тел животных, поскольку полагал, что сердца крупных зверей имеют третий желудочек. Как мы уже отмечали в главе, посвященной весам и мерам, Галена особенно возмущала приблизительность и неточность описаний многих авторов прошлого. Он хвалил отдельных врачей, например, Гераса, которые приводили конкретную информацию. Он также предпочитал авторов, приводивших в своих книгах данные, которые были полученными ими в ходе опытов. Он считал Гераклида и Тарента учеными, которым можно верить, если, конечно, когда-нибудь жил такой человек, который описывал только то, что познал на своем собственном опыте. Гален заявлял, что можно потратить всю жизнь на чтение книг, посвященных одним только простым лекарственным средствам! Однако он советует читателям держаться подальше от книг Андреаса и других лжецов подобного рода, и в первую очередь, избегать творений Памфилия, который даже во сне не видел тех трав, о которых он пишет!

Отношение Галена к Диоскуру

Из всех прошлых авторов, писавших о вопросах медицины, Гален предпочитал Диоскура. Он пишет: «Но Аназарбензис Диоскур в пяти книгах приводит все необходимые материалы, не только о травах, но и о деревьях, плодах, соках и винах, а также, среди всего прочего, о металлах и частях тел животных». Тем не менее, он не стесняется критиковать некоторые высказывания Диоскура, например, о смешивании крови козла и *terra sigillata* с острова Лемнос. Диоскур также приписывал чудесные свойства камню гагату, который, по его словам

добывают в реке того же названия в Лиции. Гален пишет, что объехал все побережье Лиции в небольшой лодке, но реки с таким названием не нашел. Его также удивило то, что Диоскур считал, что сливочное масло делают из молока овец и коз, в то время как это «лекарство» изготовляют из коровьего молока. Гален не упоминает о том, что его используют в пищу в своей работе о простых лекарственных средствах. В трактате о ценности пищи он говорит о нем вскользь, в главе, посвященной молоку, заявляя, что оно очень жирное и его легко узнать, по вкусу, и что оно обладает многими свойствами оливкового масла, и в холодных странах его иногда используют в банях, вместо растительного[39]. Далее Гален критикует Диоскура за то, что он не знал греческого языка и поэтому не понимал значения многих греческих названий.

Догматизм Галена: логика и опыт

Даремберг считал, что Гален отличался самым крайним догматизмом и одновременно создал самую современную экспериментальную школу. Этот парадокс, вероятно, имел место, хотя последнее утверждение кажется мне более справедливым. Впрочем, Гален гордился своими знаниями по философии, логике и математике; он придерживался многих догм Гиппократа, вроде теории о четырех свойствах; он полагал, что в медицине, как и в геометрии, имеется определенное число совершенно очевидных максим, на основе которых разум, используя законы логики, может построить научное умозаключение. В *De methodo medendi* он указывает на различие между лекарствами и наркотиками, между простыми и составными лекарственными средствами, между лечением болезни на основе собственного опыта и лечением по науке, которое он считает предпочтительным. Оно должно протекать логически и независимо от голого эмпиризма, и Гален хочет, чтобы другие авторы медицинских трудов четко объясняли, на чем они строят свои методы лечения — только на своем собственном опыте или исключительно на выводах разума. В то же самое время он заявляет, что не любит догматиков, которые кричат своё *ipse dixits* как тираны, не опираясь ни на разум, ни на опыт. Гален также пишет, что простой человек, научившись у природы, часто инстинктивно следует в заботе о своем здоровье более правильному

[39] Впрочем, Плиний в одном из своих трактатов рассказывает о том, как изготовляют сливочное масло, и о том, что варвары используют его в пищу.

курсу, чем тот, который подсказывают ему «софисты». Иногда, пишет он, некоторым докторам лучше делать то, что подсказывает им опыт и не пытаться смешивать его с доводами разума, поскольку их не учили логике. Когда же они пытаются разделить или проанализировать какой-нибудь вопрос, то ведут себя как неопытные резчики, которые не умеют находить стыки, и портят камень. Позже, в той же самой работе, он снова заявляет, что люди, не читающие книг врачей, которые являются признанными авторитетами, не желающие учиться на них, и не умеющие правильно рассуждать, должны ограничиться только тем, чему их научил опыт.

Отношение Галена к эмпирикам

Гален считал критерием истины рассуждение и опыт, в противовес догматикам и эмпирикам. Первые считали, что опыт нельзя регулировать, и что с его помощью невозможно получить точные данные, к тому же этот метод познания слишком медленный и в нем отсутствует методичность. Вторые возражали им, утверждая, что опыт отличается последовательностью, способен приспосабливаться к искусству и может быть достаточно убедительным. Главным возражением Галена против теории эмпириков было то, что они отрицают разум как критерий истины и хотят, чтобы медицинское искусство было иррациональным. «Эмпирики утверждают, что все вещи познаются на опыте, мы же считаем, что некоторые познаются опытом, а другие — разумом». Гален не принимал также объяснения Геродота, который считал, что медицинское искусство рождается в разговорах пациентов — они рассказывают друг другу о своих болезнях и способах их лечения, создавая, тем самым, фонд совместного опыта».

Гален называет такой опыт иррациональным, которому еще не была придана научная форма. Эмпирики, говорит он далее, признают только явления, игнорируя их причины и не доверяя разуму. По их мнению, медицинские открытия или идеи не имеют системы или необходимого порядка, а некоторые лекарства были обнаружены во сне или случайно. Но они признают письменные записи прошлого опыта, доверяя, в определенной степени, традиции.

Гален утверждал, что врачи должны проверять заявления, сделанные авторитетами прошлого, с помощью своего разума. Его следующее заявление о том, что, если они проверят их на опыте, то могут отвергнуть все письменные труды и с самого начала довериться только своему опыту, является совсем не достойной его

софистикой. Впрочем, он добавляет, что сам эмпирики утверждают, что прошлые традиции или «историю» нельзя проверить на опыте, но мы сомневаемся, что он правильно интерпретировал смысл их идеи.

В другом месте он пишет, что эмпирики различают три вида опыта: случайный, импровизированный и имитирующий, или повторяющий то же самое действие. В третьем случае, по их мнению, одного или двух примеров явно недостаточно; нужно многократное повторение, причем всякий раз при тех же самых условиях. В другом месте Гален пишет, что эмпирики наблюдают совпадения вещей, соединенных в ходе опыта. Он сам определяет опыт как понимание и запоминание того, что человек наблюдает неоднократно в одних и тех же условиях, и справедливо замечает, что нельзя наблюдать правильно, не используя своего разума. В одном месте он признает, что некоторые эмпирики готовы полагаться на разум, а не только на опыт.

За что эмпирики могли критиковать Галена

Рассказав о том, за что Гален критиковал эмпириков, мы можем представить себе, каким было их отношение к медицине Галена. Они, вероятно, отвергали все его теории — от которых мы тоже, в конце концов, отказались — о четырех элементах и четырех свойствах и тому подобных [выдумках], и признавали лишь те его специфические рекомендации по лечению болезни, которые описывались на его собственном опыте лечения болезней, согласно его утверждениям, истинным или нет. Они, вероятно, подвергали сомнению многие его выводы, сделанные на основе вскрытия низших животных, поскольку Гален сообщает нам, что эмпирики «писали целые книги против изучения анатомии». Учитывая уровень развития знания в ту эпоху, отказ эмпириков от обширных обобщений, выдвижения каких-либо научных гипотез, а также построение весьма рискованных медицинских теорий, может быть вполне оправданным, но их недоверие к частностям было их слабостью.

Галенов стандарт рассуждений и опыта

В целом, отношение Галена к опыту является шагом вперед по сравнению с эмпириками. Он, очевидно, критичнее относился к «опытам» писателей прошлого, чем обычные эмпирики, а в своем понимании необходимости сочетать опыт и осмысление его разумом приблизился к современному экспериментальному методу познания. Одни вещи, пишет он, обнаруживаются с помощью разума, другие — с помощью

опыта, а для того, чтобы познать третьи, надо использовать и опыт, и разум. В своем трактате о критических днях он постоянно подчеркивает, что их существование было доказано и разумом, и опытом. Оба этих инструмента познания по природе своей призваны дополнять друг друга. «Логические методы дают нам способ найти то, что мы ищем, но, чтобы проверить, действительно ли мы нашли то, что искали, надо использовать оба критерия — разум и опыт». «Что можно сделать с человеком, которого нельзя убедить ни разумными доводами, ни ссылкой на опыт?». Гален говорит о том, что познать истину помогает логика, выводы которой надо проверить на практике и подтвердить в ходе опыта. Это, однако, не совсем то, чем руководствуемся мы. Ученый в наши дни сначала проводит эксперименты, а по их данным выводит общие законы природы с помощью разума.

Простые лекарственные средства, обнаруженные в ходе экспериментов

Вероятно, именно в работе, посвященной простым лекарствам, Гален сильнее всего подчеркивает значение эксперимента. Он не видит другого способа изучить свойства природных объектов, как только с помощью своих органов чувств. «Ибо, ради бога, — восклицает он, — скажите мне, как еще мы можем узнать, что огонь обжигает? Разве мы познаем это с помощью силлогизма, или убеждаемся в этом во время демонстрации? И как мы можем узнать, что лед холодный, не используя своих органов чувств?». Гален не видит смысла терять время на бессмысленные доказательства и споры по пустякам, когда можно познать истину сразу же, с помощью органов чувств. Эту мысль он не устает повторять на протяжении всего трактата, например: «Самым лучшим судьей является наш опыт, и тот, кто от него отказывается и рассуждает на основе чего-нибудь другого, не только обманывает себя, но и сводит ценность своего трактата на нет». Более того, Гален ограничивает свой рассказ о простых лекарственных средствах только теми, которые он хорошо знал. В трех книгах, посвященных описанию лекарственных растений, он говорит не обо всем их многообразии, а только о тех, которые изучил на своем собственном опыте. Он предполагал продолжить аналогичным образом и описание животных и не собирался говорить о тех свойствах, которые он лично не проверял, а также о веществах. упомянутых в книгах врачей прошлого, которые ему неизвестны. Он не решается доверять заявлениям этих врачей, зная, что некоторые из них сообщали ложные сведения. В Средние века

Альберт Великий с такой же осторожностью пишет о своих трудах, посвященных животным, растениям и минералам; возможно, он сознательно или неосознанно, руководствовался идеями Галена, которого читал в подлиннике или в арабских переводах. Гален упоминает о ряде свойств, которые приписывались разным веществам и которые он проверил на своем собственном опыте, установив при этом, что эти свойства им не присущи. Среди них было брюшко чайки, а также тело морского животного под названием торпедо. Если помазать место, где росли выщипанные брови, кровью лягушки или молоком собаки, то они все равно вырастут заново, а кровь летучей мыши или жир гадюки не удалит волос из подмышек. Мозг зайца мало помогает мальчишеским зубам.

Эксперимент и наука о питании

В начале своего трактата о ценности пищи, Гален заявляет, что о свойствах разных продуктов писали многие авторы; одни делали свои выводы на основе рассуждений, а другие — личного опыта, но их выводы не совпадают. В целом, по его мнению, многие люди совсем не умеют рассуждать, поскольку это требует мудрости и обучения с детства. Он полагает, что надо начинать с опыта, и многие врачи считают такой способ единственно верным, ибо он помогает познать свойства различных продуктов.

Опыт и составные лекарственные средства

Эмпирики считали, что состав большей части сложных лекарственных средств совершенно случаен, и Гален пишет, что догматики обычно не могут объяснить, в каких дозах нужно добавлять ингредиенты, чтобы получить нужное лекарство. Если же они теряют рецепт, то воспроизводят его с большим трудом. Но он утверждает, что вполне можно объяснить, почему в состав сложных средств входят те или иные ингредиенты, и что логическое составление подобных лекарств отличается от эмпирического. Его метод был таков: определив причину той или иной болезни и зная свойства простых лекарств, приготовить нужную смесь, подходящую и для болезни, и для пациента. Другими словами, мы видим, как много зависит от опыта врача, особенно, если учесть признание Галена, что иногда он успешно составлял лекарственную смесь из нескольких простых лечебных средств; в других случаях их было больше, а иногда — очень много. Если составное лекарство помогало больным, он продолжал его использовать, иногда делая

его слабее, а иногда, наоборот, сильнее. Ибо, поскольку вы не сможете составить лекарственную смесь без участия разума, то, не имея опыта, не сможете точно определить и силу ее воздействия. Он признает, что решить, какое количество каждого ингредиента надо положить в смесь, можно только на основе своего собственного опыта, и заявляет: «Необходимые пропорции в смеси, до получения нужного опыта, подсказывает вам догадка, а имея опыт, вы уже составляете лекарство на научной основе». В своих трактатах по составным лекарственным средствам, в отличие от простых средств, Гален приводит рецепты врачей прошлого, а также проверенные им самим. Иногда, впрочем, он отдает предпочтение рецептам тех авторов, которые «были самыми опытными», а в другом случае говорит, что приведет рецепты сложных лекарств, составленных современными врачами, которые, в свою очередь, выбрали самые лучшие рецепты из книг древних авторов, имевших богатый опыт, добавляя к ним вновь открытые средства. Впрочем, мы подозреваем, что этими рецептами не пользовались уже несколько веков.

Предложения по экспериментальному методу

Гален приводит несколько советов о том, как проводить врачебные наблюдения и эксперименты, хотя трудно сказать, что кто-нибудь захотел воспользоваться ими в современной научной лаборатории. Он очень ценил «длительные эксперименты» — это выражение он использует очень часто. Гален пишет, что для того, чтобы узнать, как приготовить лекарство, достаточно одного раза, но чтобы выяснить, какое лекарство действует лучше всего, нужно провести множество экспериментов. Простые лекарственные средства нужно почаще проверять, «поскольку знание о предметах, полученное с помощью органов чувств, увеличивается в ходе тщательного исследования». Гален советует студентам-медикам изучать, как растут травы, деревья и фрукты, выяснять. в какое время их лучше всего собирать. как хранить их, и так далее.

Но в другом трактате он заявляет, что вполне возможно оценить общие свойства простого лекарственного средства с помощью одного-двух опытов. Тем не менее, он предлагает изучить, какой эффект производит их применение на трех людях: совершенно здоровом человеке, человеке с несложным заболеванием и серьезно больном пациенте. В последнем случае нужно также отметить, какое влияние они оказывают на течение болезни — происходит ли при их применении усиление жара, или, наоборот, сильное охлаждение, или повышение

сухости или влажности. Следует, однако, следить, чтобы простые лекарственные средства сами были чистыми и свободными о примеси каких-нибудь инородных субстанций.

«Необходимо также проверить, как связаны с природой пациента все те вещи, которые широко используются в медицине». При экспериментальном исследовании критических дней необходимо соблюдать одно условие: не принимать во внимание случаи, когда врач, пациент или окружающие люди что-то пропустили или когда какое-нибудь постороннее влияние принесло больному вред. Гален был знаком с физическими экспериментами по сифонированию (откачке воды с помощью сифона). Он говорит, что, если выпустить воздух из сосуда с песком и водой, то песок выйдет раньше воды, поскольку вода тяжелее песка (так у Галена!).

Сложность медицинских экспериментов

Гален описывает также сложности, связанные с медицинскими экспериментами. Одной из них является то, что даже у двух пациентов невозможно найти одно и то же сочетание симптомов и обстоятельств болезни. Другой — при поспешном проведении эксперимента пациент может умереть. В этой связи Гален неоднократно советует врачам воздержаться от применения того или иного лекарства, поскольку ему известны другие, более действенные.

Лекарственные средства, полученные опытным путем

В трактате о легкодоступных лекарствах, который приписывают Галену, и который в более поздние времена подвергся расширению или включению текстов других авторов, некоторые рецепты завершаются такими словами: «Это — проверено, работает не переставая», или «Еще одно лекарство, проверенное нами многократно». Эти выражения стали применять во многих медицинских книгах более позднего времени, включая и Средние века. Перед одним рецептом имеется такое предупреждение (врачу): «Не назначайте его никому, пока вам не заплатили, ибо это средство было многократно проверено». Однако здесь трудно понять — следует ли думать, что лекарство, проверенное многими лекарями, столь хорошо, что врач должен требовать оплату наличными, а не в кредит, или, наоборот, авторы не уверены в его действии, и врач должен позаботиться о получении вознаграждения еще до наступления эффекта! В Средние века слово «эксперимент» часто использовалось как синоним любого медицинского

вмешательства, рецепта или предписания. Именно в этом значении Гален употребляет выражение «очень важный эксперимент», описывая кровопускание, совершенное известными врачами в Риме.

Влияние Галена на средневековые эксперименты

Работы Галена, посвященные экспериментам, в частности, и всей медицине в целом, оказали огромное влияние и на науку Средних веков. Средневековые писатели приводили его высказывания о том, что критерием истины являются разум и опыт. Гилберт Английский цитировал «опыты из книг, которые были посвящены экспериментам, проводимые Галеном». В Средние века выходило много книг на эту тему, которые приписывали Галену. Джон из Святого Аманда разработал даже семь правил для экспериментального исследования свойств простых лекарственных веществ, обработав высказывания Галена на эту тему, а в другой работе, «Согласия» (*Concordances*), опирался на отрывки, посвященные эксперименту, из работ Галена. Петр Испанский, закончивший жизнь как папа Иоанн XXI в 1277 году, цитировал Галена во время дискуссии «О путях опыта» и «О путях разума» в своих «Комментариях к Исааку о диетах». Мы уже упоминали о том, что Гален, вероятно, оказал влияние на Альберта Великого; к нему надо добавить и Роджера Бэкона, написавшего несколько трактатов по медицине. Однако мы не можем утверждать наверняка, носились ли эти идеи в воздухе или принадлежали Галену, который их высказал в своих работах. Но в своем уважении к логике и эксперименту он очень близко подошел к средневековому отношению к этим двум понятиям.

Более широкое влияние Галена на медицину Средневековья

О более широком влиянии, которое Гален оказал на все аспекты медицины последующих 15 веков, часто говорится вскользь, но это влияние очень трудно переоценить. Его общие теории, конкретные случаи излечения, необыкновенные истории часто повторялись и пересказывались. Орибазия называли «обезьяной Галена», а ниже мы увидим, что это прозвище можно с таким же успехом применить и к Аэтию, и Амиде. В других главах нашей книги, мы найдем много примеров влияния Галена, как и влияния Плиния. Возможно, самым лучший пример средневекового изучения творений Галена дан в «Конкордансах» Св. Иоанна Амандского, о которых мы уже говорили. Этот трактат имеет второе название «Воспоминание», поскольку был

написан для того, чтобы «избавить от мучений и тревог тех ученых, которые часто проводят ночи без сна в поисках нужного ответа в книгах Галена». А можно отметить, как помощники переводчика 12 века с арабского, Жерара Кремонского, добавили в конце его перевода трактата Галена список его работ. Они «подражали Галену в перечислении его книг в конце этого трактата», как пишут об этом они сами.

Однако нельзя сказать, чтобы средневековые авторы не вносили своих собственных добавлений в книги Галена. Например, знаменитый еврейский философ Моисей Маймонид прибавил галенову коллекцию медицинских «Афоризмов» к многочисленным предыдущим компиляциям подобного рода, которые были созданы Гиппократом, Расисом (Мухаммедом ибн Закария), Месуе (Юханном ибн Масаваем) и другими. Маймонид пояснял, что они были взяты, в основном, из работ Галена, но он добавил к ним кое-какие собственные афоризмы и высказывания других «современных ученых». Нельзя утверждать и того, что Галена никогда не критиковали и не сомневались в его выводах. Более поздний греческий автор, Симеон Сет, посвятил целый трактат опровержению некоторых высказываний Галена. Он написал его для «людей, которые относятся к тебе, о Гален, как к Богу», желая убедить их, что нет человека, который бы никогда не ошибался. В медицинском трактате Жантиля де Фолиньо, личного врача папы Римского, который устроил в Падуе в 1341 году публичное вскрытие трупа, имеется краткое высказывание с критикой 5-го афоризма Галена. Впрочем, подобная критика лишний раз доказывает, что Гален был признанным авторитетом в Средние века.

Отношение Галена к магии

От привычки Галена давать критические оценки, а не слепо подчиняться авторитетам, от его научных наблюдений и личных экспериментов, от блестящих демонстраций во время вскрытий, от его прогностики и терапии, которые были очень точными и проницательными для того времени, перейдем к рассмотрению обратной стороны картины. Мы изучим какую информацию дают нам его работы посвященные магии и астрологии, вере в оккультные свойства, заклинания, коды, суспензии и тому подобным вещам. Рассмотрим сначала его высказывания о магии и предсказании будущего, выясним, как он понимал эти слова, а потом поговорим о его отношении к другим вопросам, которые можно классифицировать как магические.

Обвинения в применении магии, высказанные в адрес Галена

Апполоний Тианский и Апулей из Мадавры были не единственными прославленными учеными раннего периода Римской империи, которых обвиняли в занятиях магией. Мы уже упоминали об аналогичных обвинениях, высказанных в адрес Галена завидовавшими ему врачами Рима. Это было сделано во время его первого пребывания здесь. Трудно избежать мысли о том, что все ученые люди того времени могли подвергаться подозрению или обвинению в занятиях магией. Сам Гален писал, что если прогноз врача о течении болезни и ее исходе оправдывается, то большая часть людей воспринимает это как чудо, а на самого врача смотрят как на колдуна. Вскоре после этих слов Гален рассказывает историю о прогнозах течения болезни, которые он делал, и о том, как больные поправлялись, в то время как все другие врачи искренне верили, что они умрут. Один из них с завистью заявлял, что Гален поставил диагноз, пользуясь даром предсказания будущего. Когда же его спрашивали, как он это сделал, этот врач в разное время разным людям давал такие ответы: «Это Галену приснилось, или он сделал прогноз после изучения внутренностей жертвенных животных, или используя символы или астрологию». С течением времени таких обвинений становилось все больше и больше. В результате, как пишет Гален, он перестал сообщать другим свои прогнозы, опасаясь, что врачи и философы возненавидят его еще больше и зарежут его как колдуна и прорицателя. Он стал рассказывать о своих успехах только друзьям. В другом трактате он приводит высказывание Гиппократа о том, что настоящий врач должен уметь предвидеть ход развития болезни, но добавляет, что современные врачи считают такого врача колдуном и чудотворцем. В своем трактате о простых лекарственных средствах он пишет, что не стал проверять, действительно ли крокодилья кровь помогает улучшить зрение, а кровь домашней мыши избавляет от бородавок, потому, что знал другие, более надежные средства для лечения глаз и удаления бородавок. Одним из них был мирмеций, камень, кусочки которого напоминают бородавки. Кроме того, он понимал, что применяя эти средства, он рискует приобрести репутацию колдуна, поскольку завистники уже прозвали его медицинские прогнозы прорицаниями. Это последнее высказывание служит прекрасным примером того, как тесно были связаны с магией некоторые природные вещества, которым некоторые люди придавали волшебные свойства; зато камень в форме бородавки кажется магическим современному читателю.

Гален обвинял в магии других

Гален и сам иногда считал римских врачей колдунами. Некоторых людей, с которыми он не соглашался, он называл «лжецами или колдунами, или я не знаю, кем еще», а тех, кто чрезмерно увлекался в своей терапии пометом мышей, он именовал суеверными людьми и чародеями. В той же работе о простых лекарственных средствах он обещает перечислить травы в алфавитном порядке, как это сделал Помфилий, но не собирается, вослед ему, опускаться до уровня болтливых старух, египетских кудесников и заклинателей, а также поклонников амулетов и других волшебных предметов, которые не только не имеют никакого отношения к врачебному искусству, но и приносят вред. Памфилий, пишет он, никогда не видел трав, о которых он рассказывает, еще меньше проверял их свойства. Он включал в свой труд все, что ему попадалось, нагромождая названия, заклинания и колдовские приемы. Гален обвиняет Ксенократа Афродийского в том, что и он не смог избежать колдовства, и подчеркивает, что люди, создававшие трактаты по медицине, ничего не говорят о поте или о том, что является суеверием и граничит с магией.

Люди, использующие привороты, и чудотворцы

Использование приворотного зелья и наведения любовных чар, толкование снов и наложение проклятия Гален считал недопустимым и вредным и никогда этим не занимался. Он считал глупой веру в то, что подобными способами можно так околдовать своих противников, что они не смогут выступить против тебя в суде, а также зачать и родить ребенка. Он считал, что рекламировать эти фальшивые и преступные методы еще хуже, чем заниматься ими. Впрочем, в одном отрывке, в качестве иллюстрации своей теории о том, что боги только создают семена растений и животных и внедряют в их тела, а дальше предоставляют природе делать свое дело, Гален сравнивает таких людей с чудотворцами. Эти чудотворцы, скорее всего, не являются волшебниками, а, больше похожи на бродячих факиров, которые демонстрируют свои механические игрушки. Они заводят их, а сами уходят, а игрушки еще какое-то время продолжают бегать двигаться по инерции.

Вещества животного происхождения,
которые можно применять в медицине

Работы самого Галена не всегда свободны от описания магических средств, в которых он обвинял своих противников. Начнем с веществ

животного происхождения, поскольку он сам заявлял, что использование пота, крови крокодила и мышиного помета свидетельствует о занятиях магией. Более того, частям тел животных он приписывает больше чудесных свойств, чем травам и камням. В отрывке, чем-то напоминающем отрывок из работы Плиния, где тот рассказывает о том, какой ужас вызывают у него рассказы об использовании человеческой крови, внутренностей и черепов в медицине, Гален заявляет, что не будет говорить об ужасном и неприятном, как это делают Ксенократ и другие. Римский закон давно уже запретил поедать человеческую плоть, а одно упоминание об определенных жидкостях и экскрементах человека является, по мнению Галена, оскорбительным для нашего уха. Тем не менее, чуть дальше он нарушает этот принцип и описывает, как лечил пациента одной из субстанций, название которой, по его словам, даже произносить нельзя. Следует отметить, что он во многих работах приводит сказку о том, что медвежата, якобы, рождаются совершенно бесформенными, и медведица, облизывая их, придает им нужную форму.

Ужасные методы лечения в древности

Мы хотим привезти ещё один небольшой пример, каким мерзким процедурам подвергались пациенты древности. Эти процедуры врачи не только рекомендовали в книгах по медицине, но и постоянно использовали в медицинской практике. Один из учителей Галена активно применял в качестве лекарства собак, которые два дня питались одними костями. А сам Гален чудесным образом излечил опухоль на коленке крестьянина с помощью козлиного помёта. Впрочем, Гален писал, что для кожи детей и городских дам он слишком едок. Кроме того, он часто использовал помёт голубок, причём советовал отдавать предпочтение тем птицам, которые много летают, поскольку их помёт обладает более сильным действием, чем у тех, кто постоянно сидит в клетке. Гален также пишет, что знает многих врачей, которые вылечили многих людей с помощью жжёных человеческих костей. Они поили их раствором этого пепла, не сообщая, из чего он состоит.

Части тел животных

Гален применял простые лекарственные средства, состоявшие из желчи быков, гиен, петухов, куропаток и других животных. Масло для улучшения пищеварения готовится из лис и гиен, мёртвых и живых, которых варят в растительном масле целиком. Гален на полном серьёзе сравнивает силу лечебного воздействия жира различных животных:

гуся, курицы, козла, свиньи и. т.д. Он приходит к заключению, что самым сильным является львиный жир, а после него — жир барса. Среди простых лекарственных средств находим сброшенную кожу змеи, овчину, конский лишай, паутину, и жжёных молодых ласточек. Он пишет, что честь открытия лечебных свойств последних принадлежит Асклепию. Он также рекомендует применять от зубной боли средство, открытое Архигеном: надо подержать во рту сваренную в воде с уксусом лягушку или средство из собачьего зуба, который надо сжечь, растереть в порошок и прокипятить в уксусе. Дырки в зубах надо заполнять кашицей из поджаренных на огне земляных червей, разведённой собачьим молоком, или смазывать заячьими мозгами. От колик Гален рекомендует принимать сушёных цикад с тремя, пятью или семью горошинками перца.

Некоторый скептицизм

Гален сомневается, эффективны ли для устранения боли в ухе многоножки, которые сворачиваются в клубок. Этих насекомых, сваренных в растительном масле, особенно любили использовать сельские врачи. Ещё больше сомнений вызывают у него рецепты лечения укусов бешеной собаки её собственной печенью. Об объективности этого способа рассказывали многие врачи. Гален был знаком с теми, кто пробовал это лечение и выжил(!), но эти люди принимали одновременно с печенью собаки и другие лекарства[40].

Гален слышал, что те, кто лечился одной только печенью, погибли. В одном трактате Гален пишет о странных свойствах василиска, но в своей работе о простых лекарственных средствах сухо отмечает, что применять его в лечебных целях, очевидно, невозможно. Ведь рассказывали, что люди, увидевшие его, тут же умирали, и что даже приближаться к нему опасно. Поэтому он не стал включать в свой список лекарственных средств василисков, слонов, нильских лошадей и других животных, которых не изучил самолично.

Идея об оккультном свойстве

Гален пытался найти какое-нибудь удовлетворительное объяснение странным свойствам, присущим, по его мнению, многим вещам.

---

[40] Этот факт, который нельзя не отметить — описание состава самого древнего лекарства от водобоязни лишь усиливает наше удивление по поводу того, что эти люди сумели исцелиться.

То, что магнит и наркотики обладают притягивающей силой, наводило его на мысль о том, что природа имеет божественное происхождение, как утверждал Гомер. Она соединяет подобное с подобным, демонстрируя при этом божественные свойства. Гален отвергал объяснение притягивающей силы магнита, предложенное Эпикуром. Тот утверждал, что атомы, испускаемые магнитом и железом, так точно подходят один к другому, что обе субстанции притягиваются друг к другу. Гален возражал — эта теория не может объяснить, почему с помощью магнита можно подвесить в один ряд несколько колец. Учитель Галена Пелопс, который, по слухам, мог объяснить всё, что угодно, рассказывал, почему пепел речных крабов используется для излечения людей, укушенных бешеной собакой[41].

Краб не болеет водобоязнью, потому что живёт в воде. Речные крабы более подходят для лечения, чем морские крабы, обитающие в солёной воде, поскольку соль обладает свойствами высушивать воду. Он также полагал, что пепел краба очень хорошо поглощает яд. Но этот способ рассуждения для Галена неприемлем, поскольку он считал, что самое лучшее объяснение подобных явлений заключается в том, что вся материя обладает особым свойством, которое он назвал оккультным. Этому вопросу он собирался посвятить особый трактат, а в работе «О природных свойствах материи» снова обратился к этой теме.

Свойства змеиной плоти

Изо всех животных Гален считал самыми ценными для медицины гадюк, называя их плоть противоядием ото всех известных ядов. Ниже приводятся два примера излечения с помощью плоти гадюки, о которых рассказал Гален. Надо отметить, что их приводили в своих манускриптах, не называя источника, Аэтий из Амиды, живший в 6 веке, и Варфоломей Английский, живший в 13-м.

---

[41] Если уж речь зашла о свойствах речных крабов, то можно привести объяснение, которое дают жители острова Ниас, расположенного к западу от Суматры: «ибо стоит только человеку съесть речного краба, как он сбрасывает свою кожу, подобно крабу. Таким образом, обновляя постоянно своё тело, он никогда не умрёт». Эту историю приводил в своей книге Дж. Фрезер. Вера в то, что змеи, ежегодно сбрасывая кожу, возвращают себе молодость, объясняет, по-видимому, те качества, которые приписывают змеиной плоти и её использование в медицине.

Несомненно, труды Галена, не называя его имени, цитировали многие. Когда Гален был молодым человеком и жил еще в Малой Азии, два жнеца обнаружили в кувшине с вином мертвую гадюку и не стали его пить. Они отдали это вино человеку, жившему по соседству, который страдал от ужасного кожного заболевания — слоновой болезни. Они решили помочь ему безболезненно уйти из жизни. Он выпил вино, но, вместо того, чтобы умереть, избавился от своей болезни. Аналогичный случай произошел в Муссии, где одна рабыня попыталась убить своего мужа, напоив его вином, в котором побывала мертвая гадюка.

Третий случай произошел с пациентом, которому Гален рассказал о предыдущих двух. Решив проверить, поможет ли ему это лекарство, он спросил Галена, стоит ли ему его попробовать. Получив утвердительный ответ, больной выпил вино с ядом гадюки, и его слоновая болезнь перешла в проказу, которую Гален вылечил обычными средствами. Четвертый человек, охотясь на гадюк, был ими укушен. Гален сделал ему кровопускание, извлек с помощью лекарств черную желчь из крови, а потом велел ему съесть пойманных гадюк, которых он приготовил в растительном масле, как угрей.

Пятый человек, увидев сон, в котором боги сообщили ему, как можно вылечиться, приехал из Фракии в Пергам к Галену. Во втором сне боги велели ему выпить концентрированный напиток из яда гадюк, а потом намазать им все тело. После этого болезнь сменилась проказой, от которой он, в свою очередь, избавился с помощью лекарств, тоже подсказанных ему во сне богами.

Териак (противоядие)

Плоть гадюк была важным ингредиентом знаменитого лекарства, которое называли териаком. Гален написал о нем два знаменитых трактата; кроме того, он много раз рассказывал о териаке в своих работах, посвященным простым лекарственным средствам и противоядиям. Митридат, подобно царю Атталу, жившему в родной стране Галена, проверял действие разных лекарств на приговоренных к смерти преступниках и нашел, благодаря этому, противоядия от укусов пауков, скорпионов, морских зайцев, аконитов и других. После этого он соединил все найденные им средства в одно сложное лекарство, которое должно было стать антидотом ото всех известных ядов. Но он не включил в него плоть гадюк. Это было сделано, вместе с рядом других небольших изменений, Андромахом, главным врачом Нерона. Божественный Марк Аврелий ежедневно принимал небольшую дозу

териака, и с тех пор он вошел в общее употребление. Гален приводит длинный список болезней, от которых помогает териак, включая чуму и водобоязнь, добавляя, что он очень полезен для человека, поскольку позволяет ему сохранить здоровье. Он советует принимать териак во время путешествий или холодной зимы, утверждая, что это продлевает жизнь. Не один раз он рассказывает, как надо готовить плоть гадюк, почему необходимо отрезать голову и хвост, и как надо чистить этих змей. Потом следует варить их до тех пор, пока от костей не начнет отставать мясо, после чего это мясо надо смешать с толченым хлебом и сделать из этой смеси таблетки. Лучше всего принимать их в начале лета. Гален также верил в легенду, изложенную в стихах Никандра, о том, что гадюка зачинает своих детей во рту, после чего откусывает самцу голову, и молодые гадючата мстят матери за смерть отца, прогрызая себе путь наружу в ее теле. Марси из Рима не верил в существование змеи, укус которой заставлял бы человека умирать от жажды. Гален же сомневался, верить в это или нет.

Магические составные лекарственные средства

Мы уже рассказывали о двух работах Галена, посвященных составным лекарственным средствам, которым посвящена основная часть двух обширных трудов Кюха, и которые содержат множество рецептов. Многие средства включали в себя до 25 ингредиентов! Однако трудно поверить в то, что такие сложные составы были обнаружены случайно, как утверждали эмпирики, и современный читатель согласится, что вряд ли можно вылечиться с их помощью. Тем не менее, Гален верил, что включение каждого из этих ингредиентов в составное лекарство совершенно оправдано, и не допускал и мысли о том, что все они ничуть не лучше смесей, которые варили в своих котлах ведьмы. Он пишет, что, если бы все болезни можно было бы вылечить одними простыми лекарствами, то никто бы не занимался составлением сложных. Без них не обойтись при лечении целого ряда заболеваний, особенно тех, которые одновременно воздействуют на противоположные свойства. К тому же, слишком сильное или, наоборот, слишком слабое действие простых лекарственных средств можно усилить или ослабить, введя их в состав сложного. Пластыри и припарки, по-видимому, всегда являются составными средствами. К панацеям Гален относился настороженно, делая исключение лишь для териака; он считал, что лекарство, хорошо помогающее при одних болезнях, не может быть эффективным при других.

Амулеты

Кое-где в работах Галена встречаются рассказы о ритуалах и веществах, используемых в магии. Он, например, указывает, что определенную траву надо рвать только левой рукой и только до рассвета. Он также рекомендует для лечения эпилепсии носить на шее корень пиона. Он видел мальчика с такой подвеской, которая на восемь месяцев избавила его от приступов болезни. Когда же этот корень упал, то вскоре начался приступ. Мальчику снова повесили на шею корень пиона, и он чувствовал себя здоровым до тех пор, пока Гален не снял его в качестве эксперимента. И тут же у мальчика случился новый приступ. Гален приводит такое объяснение: вероятно, при дыхании какие-то частички пиона попадают в организм больного, или сам пион каким-то образом изменяет состав воздуха. В другом месте он пишет, что нет никаких причин верить в то, что амулеты обладают лечебными свойствами, но те, кто проверил это на своем собственном опыте, уверяют, что амулеты действуют с помощью какой-то неизвестной человеку антипатии. Гален рекомендовал своим больным применять такую повязку: надо обвязать шею телом гадюки, которую задушили несколькими жилами, желательно, морской черепахи. Гален удивлялся тому, что *stereus lupinum*, даже просто повешенный на шею, «по-видимому, иногда помогает». Но для этого он не должен касаться земли и его надо брать с деревьев или кустов. Он будет помогать еще эффективнее (в этом Гален убедился на своем собственном опыте), если подвесить его на шерсти овцы, которую загрыз волк.

Заклинания и знаки

Говоря о применении подвесок и повязок, отдающих магией, Гален предостерегает людей от использования изображений, знаков и заклинаний. В только что процитированном отрывке он пишет, что обнаружил лечебное действие других амулетов, но варварские названия, которые применяют колдуны, им не обладают. Некоторые утверждают, что яшма, привязанная к животу, снимает боли в желудке, а некоторые люди вставляют ее в кольца, на которых выгравированы изображения дракона и лучей, как советовал делать царь Нехепсо в своей 14-й книге. Гален применял яшму в качестве подвесок, но безо всяких гравировок, и обнаружил, что она действует ничуть не хуже. Иллюстрируя свойства человеческой слюны, особенно у тех, кто соблюдает пост, он рассказывает о человеке, который сказал ему, что может убить скорпиона с помощью повторенного трижды

заклинания. Однако, произнося заклинание, этот мужчина всякий раз плевал на скорпиона. Гален позже убил одного скорпиона тем же самым способом, но безо всяких заклинаний. Он использовал слюну постящегося человека и скорпион умер гораздо быстрее, чем, если бы Гален применил слюну человека, питавшегося как обычно.

Вера в магию умирает с трудом

Предыдущий параграф продемонстрировал нам, что переход от веры в магию к научному познанию происходит очень медленно. Люди узнают, что чудеса можно творить и безо всяких заклинаний или знаков. Аналогичные высказывания можно найти и в трудах средневековых латинских и арабских авторов. Но, не веря в силу изображений и заклинаний, Гален, тем не менее, верит в чудодейственные свойства слюны постящегося человека, или драгоценного камня, носимого на шее. Эти и другие отрывки, в которых он остается верным древним заблуждениям, оказали на авторов более позднего времени не менее сильное влияние, чем другие идеи Галена. И это, как нам кажется, подстегнуло их к дальнейшим занятиям магией. Нам известно, что Александр из Траллеса, живший в 6-м веке, утверждал, что Гален, в конце концов, поверил в лечебное действие заклинаний. Таким образом, старые идеи и практики умирают с трудом.

«О легкодоступных лекарственных средствах»

В своем трактате о легкодоступных лекарственных средствах, где Гален более подробно, чем в других трудах, описывает народные способы лечения, он гораздо чаще приводит магические рецепты, а рекомендуемые дозы лекарств увеличивает (в тех случаях, когда это возможно). Многие в те времена думали, что простые вкусы крестьян и бедняков и их грубый организм способен выдержать более крупные дозы лекарств, чем более тонкая конституция горожан. Другой причиной того, что лекарства для горожан и жителей сельской местности описываются здесь отдельно, может быть тот факт, что в этот трактат позже были внесены дополнения и сделаны перестановки. Нам известно, что некоторые части этой работы были написаны через много лет после смерти Галена.

Примеры магических рецептов из этого трактата

Ограничим свой рассказ кратким перечислением некоторых рецептов. Вслед за Архигеном, Гален советует применять для лечения

головной боли повязки и венки. В противоречии со своим прежним скептицизмом касательно депиляторов для бровей, он приводит несколько рецептов этих депиляторов, причем один из них включает в себя кровь клопов. Если боль при люмбаго сосредоточена в правой ступне, надо взять ласточку и правой рукой растереть ее крылышки. После этого надо сделать надрез на ее лапке и выдавить оттуда кровь. Далее рекомендуется снять с птицы кожу, поджарить ее на огне и съесть целиком, а потом намазать все тело растительным маслом и не смывать три дня. Результат будет просто поразительным! «Это было доказано многочисленными случаями излечения».

Чтобы избавиться от выпадения волос, возьмите побольше пчел, сожгите их, смешайте пепел с растительным маслом и используйте в качестве мази. Если у вас на глазу вскочил ячмень, наловите мух, оторвите им головы и натрите ячмень мушиными телами. Сваренный черный хамелеон излечит вас не только от зубной боли, но и избавит от мышей в доме. Чтобы извлечь зуб из верхней челюсти, обложите его червяками, которые завелись в верхней части капустного кочана, а для удаления зуба из нижней челюсти используйте червей, которые завелись в его нижней части.

Пациент избавится от боли в животе, если напоить его водой, в которой он вымыл ноги! Сетка, снятая с волос женщины и надетая на голову пациента, оказывает расслабляющее воздействие, особенно, если эту сетку предварительно нагреть. Для рождения ребенка нужного пола предлагаются различные средства. Битуминозный трилистник[42], прокипяченный и подаваемый горячим, хорошо помогает от укусов змей и пауков, но не давайте его тому, кто не подвергался этим укусам, поскольку выпив этот отвар, этот человек начнет думать, что эти твари его тоже искусали. (Отличный пример самовнушения!)

Для лечения катаракты надо приготовить смесь из равных долей мышиной крови, петушиной желчи и женского молока, которую надо высушить. Чтобы избавиться от головной боли или боли в области лица, смажьте больное место специальным порошком, который приготовляется из 15 червяков с 15-ю горошинами перца, разведенными в

---

[42] Битуминозный трилистник растет на склонах гор, расположенных на побережье Южной Европы, как указано в примечании в книге Бомтока и Рили «Естествознание Плиния». Плиний писал, что сам трилистник ядовит и может быть использован только как противоядие.

уксусе. Чтобы избавиться от кашля, носите в качестве амулета язык орла. Для избавления от страха перед собаками и исцеления бешеного пса, наденьте корень рододендрона и привяжите его к телу больной собаки, если у вас это получится. Один «рецепт», описание которого занимает три листа, по мнению Плиния, помогал продлить жизнь. Его использовали императоры, а «Пифагор, который его изобрел и начал использовать в 50 лет, прожил до ста семнадцати лет и ни разу не болел. А ведь он никогда не лгал».

Внешние проявления темперамента внутренних органов

Осталось рассказать о том, как относился Гален к предсказаниям будущего и астрологии. Нам не кажется удивительным, что современные Галену врачи объясняли его умение предсказывать исход болезни тем, что он занимался магией и предсказывал будущее. Это подтверждают его слова о внешних и внутренних признаках холодных и горячих внутренних органов. В трактате под названием «Искусство излечения», который Мевальдт называет самым популярным из всех трактатов Галена и который распространялся в большом числе средневековых латинских переводов, Гален посвящает несколько глав таким темам, как признаки горячего и сухого сердца, горячей печени или холодных легких. Среди признаков холодного мозга он называл чрезмерные выделения из головы, жесткие прямые рыжие волосы, позднее рождение, плохой аппетит, подверженность травмам от холода и катара и повышенная сонливость.

Магические заявления, повторенные Маймонидом

В своем комментарии к «Афоризмам» Гиппократа, Гален приводит другие признаки, по которым можно предсказать пол еще не родившегося ребенка. Это служит добавлением к тем признакам, которые называл Гиппократ. Некоторые из них кажутся подозрительными даже нам. Моисей Маймонид, прославленный еврейский врач, живший в 12 веке в Кордове, в своей коллекции «Афоризмов», взятых, в основном, из работ Галена, описывает следующий метод предсказания пола ребенка: *Puerum cum primo spermatizat persrutare, quem si invenis habere testiculum dextrum maioren sinistro*, вы узнаете, что в первом случае будет мальчик, а во втором — девочка. Пол можно определить и сравнив размеры грудей матери. Маймонид приводит также историю, рассказанную Галеном в трактате о териаке, как один уродливый мужчина добился, чтобы у него родился прекрасный сын.

Для этого он нарисовал на стене красивого мальчика и велел своей жене не сводить с него глаз. Маймонид повторяет и рассказ о том, что медведица вылизывает своих медвежат, чтобы придать им форму.

Сновидения

В другом трактате под названием «Диагностика с помощью снов» Гален еще ближе подходит к искусству предсказания будущего. Он утверждал, что на сны влияет наша повседневная жизнь и наши мысли, и описывает несколько снов, которые соответствуют различным состояниям или вызываются ими. Гален писал, что если вам снится огонь, то у вас желтая желчь, а если пар или тьма — то черная. При трактовке снов надо обращать внимание на то, когда они приснились, и что вы до этого ели. Гален также верил, что с помощью снов можно, в определенной степени, предсказать будущее, опираясь на свой собственный опыт. Мы уже писали, как повлиял на выбор профессии Галена сон его отца. В комментариях к Гиппократу Гален пишет, что некоторые относятся к снам, знакам или предзнаменованиям пренебрежительно, но он сам видел во сне, как надо лечить ту или иную болезнь и чем она закончится. Однажды ему приснилось, что надо отворить кровь между указательным и большим пальцами правой руки и позволить ей течь, пока она сама не остановится. «Поэтому очень важно, — писал он, — хорошо запомнить, что вам приснилось, что вы видели или делали во сне. Это поможет правильно определить болезнь и назначить нужное лечение». Возможно, он смутно догадывался о том, о чем позже будет писать Фрейд.

Отсутствие упоминаний об астрологии в большинстве работ Галена

В обычном описании терапевтических методов и лекарств, которые применял Гален, почти не упоминается об астрологических условиях, хотя он цитирует слова Гиппократа о том, что изучение геометрии и астрономии (что вполне могло означать астрологию) для врача просто необходимо. В трактате «Методы лечения» Гален часто подчеркивает, что необходимо учитывать время года, регион и состояние атмосферы. Впрочем, это скорее относится к погоде, чем к положению звезд. Время от времени Гален упоминает Собачью звезду (Сириус), а в одном из отрывков рассказывает нам, как «Эсхрион эмпирик... старый человек, который лучше всех разбирался в лекарственных средствах и был нашим соотечественником и учителем»,

сжигал живьем речных крабов на блюде из красной бронзы после восхода Сириуса. Он делал это, когда Солнце входило в созвездие Льва и на 18-й день Луны. Нам сообщается также, что у многих римлян вошло в привычку принимать териак на 1-й или 4-й день Луны. Тем не менее, Гален высмеивал Памфилия за его тридцать шесть священных трав гороскопа — или деканов, о которых он вычитал в египетской книге о Гермесе. С другой стороны, одним из его аргументов против теории атомов было то, что последователи этой теории не верят в сны, предзнаменования и приметы, не признают астрологии вообще, а также отрицают божественного создателя Вселенной и врожденный моральный закон в душе каждого человека. Таким образом, отрицание астрологии ставится на одну доску с атеизмом.

«Предсказание развития болезни с помощью астрологии»

Хотя в большинстве работ Галена мы не находим подтверждения его веры в астрологию, у него есть два трактата, которые специально посвящены астрологической медицине, а именно: «Трактат о критических днях, во время которых Луна оказывает особое влияние на больного» и «Предсказание развития болезни с помощью астрологии». В последнем он пишет, что стоики относились к астрологии благосклонно, что Диокл Каристий говорил о вере древних в то, что фазы Луны влияют на течение болезни. Гиппократ считал, что врачам необходимо знать физиогномику, но Гален полагал, что им гораздо полезнее изучать астрологию, поскольку физиогномика без астрологии — ничто. Гален описывает, какое влияние оказывает Луна в каждом знаке Зодиака, а также ее взаимосвязь с другими планетами. На основе этого можно предсказать, от каких болезней будет страдать человек в своей жизни, какое лечение надо применять, умрет ли пациент или поправится, а если поправится, то за сколько дней. Этот трактат очень похож на тот, который во многих средневековых манускриптах приписывают Гиппократу. Он был переведен на латынь Вильгельмом Мербеке и Петером из Альбано.

Критические дни

Гален в своем трактате описывает критические дни не с точки зрения разума или догмы, благодаря которым софисты напускают тумана на простые факты, а на основе чистого опыта. Сделав заявление о том, что на нас воздействуют все звезды, находящиеся на небе, он рассказывает о случаях особенно сильного влияния

Солнца или Луны. Последнюю он не считает главной планетой по силе своего воздействия, поясняя, что сильнее всего она влияет на Землю, поскольку расположена к ней ближе всех. После этого Гален рассказывает о фазах Луны, которые вызывают большие изменения в воздухе, руководят зачатием и рождением людей, а также «началом всякого действия». Рассматривается также связь Луны с другими планетами и знаками Зодиака; приводится много технических астрологических деталей. Тем не менее, Гален высмеивает теорию пифагорейцев, которые верили, что критические дни имеют очень важное значение для медицины, а также утверждали, что нечетные числа относятся к мужскому роду, а четные — к женскому. Позже Гален критиковал тех, кто верил в семь Плеяд, в семь звезд в обеих Медведицах, в семь ворот Фив и в семь устьев Нила. Таким образом, он отрицал идею о совершенных или магических числах вместе с астрологической теорией Пифагора. Часть этого довольно обширного трактата посвящена вопросу о продолжительности Лунных фаз. Он показал, что продолжительность Лунной четверти не составляет строго семь дней, и это постоянно сдвигает время наступления критических дней.

«Об истории философии»

Что касается трактата по истории философии, который Кюх называет подложным, то я обнаружил, что в эссе Плутарха он тоже считается таковым. Некоторые особенности этой работы заставляют нас думать, что она была написана в Средние века. После рассказа об истории греческой философии в стиле коротких обзоров, похожих на те, что мы находим в трудах отцов церкви, идет краткое описание Вселенной и природных явлений, очень похожее на описание, приведенное в некоторых средневековых трактатах на эту тему. Имеются главы о Вселенной, Боге, небе, звездах, Солнце, Луне, знаках Зодиака, Земле, море, реке Нил, органах чувств, зрении и зеркалах, о слухе, обонянии и вкусе, о голосе, душе, дыхании, процессах размножения и так далее.

Предсказание будущего и демоны

Обсуждается вопрос о предсказании будущего, причем автор трактата убежден, что Платон и стоики верили в то, что Бог и божественный дух сообщают о том, что случится в будущем, людям, находящимся в состоянии экстаза, или с помощью расположения звезд или предзнаменований. Ксенофонт и Эпикур полностью отрицали

возможность предвидеть будущее. Пифагор признавал только гороскопы или предсказания с помощью жертвоприношений. Аристотель и Дикеарх допускали, что человек может увидеть будущее только во сне или в момент экстаза. Но, отрицая бессмертие души, они полагали, что она имеет божественною природу. Герофил утверждал, что есть три типа снов. Первые посылают людям боги, и они сбываются. Второй тип снов имеет природное происхождение — ум человека создает образы вещей, которые полезны природе, или событий, которые вот-вот произойдут. Третьи сны — случайны или являются простым отражением наших желаний. Трактат также затрагивает вопрос о героях и демонах. Эпикур не верил в существование ни тех, ни других; Фалес, Платон, пифагорейцы и стоики полагали, что демоны — это природные существа, а герои — души, отделившиеся от тела. Они могут быть добрыми и злыми, в зависимости от поступков людей, в телах которых обитали эти души.

Небесные тела

В трактате приводятся также мнения различных философов по вопросу о том, нужно ли считать Вселенную и составляющие ее сферы животными или это существа, обладающие душой. Судьба, по мнению Гераклита, это «небесное тело, которое порождает все вещи». Задается вопрос: почему дети, родившиеся семимесячными, выживают, а восьмимесячные — нет. Приводится очень краткое, без деталей, обсуждение вопроса о том, как звезды помогают составить прогноз на будущее. По мнению автора трактата, они влияют только на сезоны и погоду, хотя Анаксимен приписывал это влиянию одного лишь Солнца. Цитируются слова Филомея-пифагорейца о Лунной воде поверх звезд, напоминающей нам о водах поверх суши, о которых говорится в первой главе Библии, посвященной Сотворению мира.

5

ДРЕВНЯЯ ПРИКЛАДНАЯ НАУКА И МАГИЯ.

Источники. — По мнению Витрувия, архитектура никак не связана с магией. — Оккультные свойства и числа. — Астрология. — Разрыв между теорией и практикой, знанием и искусством. — Зло в современном мире. — Авторитеты и изобретения. — Механизмы. Ктесибий. — Герон Александрийский. — Средневековая переработка текстов древних авторов. — Чародейство Герона. — Примеры экспериментальных доказательств. — Магические сосуды и пьющие воду животные. — Различные автоматы и приспособления. — Магические зеркала. — Астрология и оккультные свойства. — Время появления греческой алхимии. — Легенда о том, как Диоклетиан сжег книги алхимиков. — Рассказы самих алхимиков об истории своего искусства. — Тесная связь между греческой алхимией и магией. — Мистика и аллегории. — Эксперименты в алхимии: их связь с наукой и философией.

Источники

Эта глава рассказывает о древней прикладной науке и о том, какое отношение она имела к магии. Мы изучим этот вопрос с помощью трех источников: десяти книг Витрувия, посвященных архитектуре, собрания трудов, вышедших под именем Герона Александрийского, и сочинений греческих алхимиков. Остальная греческая и римская литература по прикладной науке весьма скудна, но не потому, что ее не ценили и ничем не дополняли в течение последующих эпох, но, очевидно, потому, что она почти не развивалась, особенно, в том направлении, которое было связано с магией или с использованием других источников труда, кроме ручного или труда животных. Так что мы должны взять самое лучшее из того, что до нас дошло. Произведения, которые мы рассмотрим, появились не ранее эпохи Римской империи, но, как и другие трактаты этого времени, они более или менее подробно излагают научные достижения и оккультные произведения предыдущего эллинистического периода.

По мнению Витрувия, архитектура никак не связана с магией

Витрувий жил в самом начале имперской эпохи, во времена Юлия Цезаря и Августа Цезаря. Он не принадлежит к числу особо

талантливых писателей, но описание развития архитектуры, приведенное в его книгах, является основательным, трезвым и сделано ясным и четким языком. Архитекторы в них представлены как люди, которые занимаются своим делом безо всякой оглядки на магические ритуалы, и вовсе не собираясь творить чудеса. Приверженность практической пользе и высоким стандартам искусства (а Витрувий не устает подчеркивать реалистичность и практическую полезность строительства и не терпит никакой показухи), вероятно, является главной причиной его высокой степени свободы от суеверий.

Строительство, по его мнению, честное, прямое, открытое и конструктивное искусство, в котором ошибки проявляются сразу же, и суевериям здесь места нет. Если это так, то можно только удивляться, почему масонство окружено такой тайной. В любом случае, советы Витрувия, касающиеся не только строительства, но и его инструкции по подготовке известкового раствора, штукатурки и кирпичей, или посвященные использованию цвета, природного или искусственного, крайне редко или никогда не включают в себя того, что можно отнести к магии[43].

Оккультные свойства и числа

И это тем более важно, поскольку некоторые отрывки из той же самой работы Витрувия свидетельствуют о том, что он принимал ряд теорий, которые мы связываем с магией. Так, он верил в существование оккультных свойств и чудес в природе. Он утверждает, что хотя Африка в целом изобилует змеями, ни одна змея не может выжить в африканском городе Исмук; и это объясняется чудесными свойствами почвы этого города, которые сохраняются даже тогда, когда ее вывозят за пределы континента. Витрувий упоминает также о водах, обладающих волшебными свойствами.

Вода одного источника разрушает любой металлический резервуар; ее можно сохранить только в копыте мула. Некоторые источники опьяняют, другие, наоборот, делают вино безвкусным. Третьи поют. Далее Витрувий заявляет, что числа шесть и десять

---

[43] Вряд ли можно сказать то же самое о современных архитекторах, чьи фантастические карнизы на высоких зданиях выступают далеко за пределы крыши, а ряды камней повисают горизонтально в воздухе, опираясь лишь на цельные стеклянные окна, расположенные под ними. Это сильно напоминает нам об обманах и левитациях колдунов.

являются совершенными, а человеческое тело подчинено законам симметрии и расстояние между его частями равны долям целого. Он также рассказывает нам, как пифагорейцы составляли книги по аналогии с кубом, считая, что в каждом трактате не должно быть более трех книг по 216 строчек в каждой.

Астрология

Витрувий во многих местах говорит о своей вере в искусство астрологии. Составляя план театра, он советует вписать в круг четыре равносторонних треугольника, «как это делают астрологи во время своих расчетов фигуры 12-ти знаков Зодиака, которые они основывают на музыкальной гармонии звезд». Я не могу понять, каким образом сооружение театра связано с астрологией или магией, но его совет свидетельствует о том, что Витрувий и его читатели были хорошо знакомы с методами астрологии и тригонометрии знаков Зодиака.

В другом месте, сравнивая физические особенности и темперамент северных и южных рас, на которые, как считали астрологи, оказывали влияние созвездия, Витрувий, как истинный патриот, заявляет, что жители Италии, и, в особенности, римляне, олицетворяют собой золотую середину между севером и югом. Они сочетают в себе храбрость северян и тонкий интеллект южан, аналогично тому, как планета Юпитер представляет собой золотую середину между планетами, которые очень сильно отличаются друг от друга — Марсом и Сатурном. Поэтому римляне и правят миром, побеждая храбрость северных варваров своим умом, которого тем недостает, а интриги южан — своим мужеством.

В третьем отрывке Витрувий пишет об искусстве астрологии вот что: «Если говорить о той отрасли астрологии, которая касается влияния двенадцати знаков, пяти звезд, Солнца и Луны на человеческую жизнь, то мы должны оставить это халдеям, которым принадлежит искусство составления гороскопов, позволяющее им описывать прошлое и будущее с помощью расчетов, основанных на звездах. Эти открытия были переданы другим гениальным людям и великая мудрость, происходящая непосредственно от халдеев, была присуща: во-первых, Берсосу, который поселился на островном государстве Кос и открыл там школу. После него этим делом занялся Антипатер, потом — Архинаполис, который оставил нам, помимо всего прочего, правила составления гороскопов, основанных не на дате рождения, а на дате зачатия».

Перечислив нескольких последователей натурфилософии и других астрономов и астрологов, Витрувий заключает: «Их учение заслуживает восхищения человечества; ибо они были так искусны, что могли заблаговременно предсказать, опираясь на помощь божественного ума, знаки погоды, которые должны были появиться в будущем».

Разрыв между теорией и практикой, наукой и искусством

Приведенный выше отрывок ярко демонстрирует непоколебимую веру Витрувия в искусство составления гороскопов и предсказания погоды, но не имеет никакого отношения к его практической деятельности — архитектуре и созданию часов. Он считал, что архитектор обязан быть не просто ремесленником, а широко образованным человеком, изучившим историю, медицину, а также философию, геометрию, музыку и астрономию, которые помогают понять происхождение и значение деталей, унаследованных от искусства прошлого. Это позволит архитектору создать благоприятное для здоровья здание театра, с хорошей акустикой и всем тем, что необходимо. Здесь Витрувий делает попытку похвастаться своими знаниями в теоретической части архитектуры, на которую могла оказать влияние оккультная наука. Однако, на практическую деятельность Витрувия — постройку зданий и фортификационных сооружений — астрология никакого влияния не оказывала.

Зло в современном ему мире

Интересно отметить отношение Витрувия к архитекторам своего времени, авторитетам прошлого и личным экспериментам. В этом он чем-то похож на Галена. Подобно этому выдающемуся врачу, он жалуется на то, что художнику, ради того, чтобы добиться признания и профессионального успеха[44], приходится принимать участие в социальной жизни своего города.

«А, поскольку я вижу, что высочайших милостей удостаиваются невежды, а не ученые люди, то считаю недостойным бороться с неучами за почести, лучше я продемонстрирую добродетель нашей науки этой

---

[44] Витрувий писал: «Вызывает величайшее негодование тот факт, что хорошим судьям так нравятся развлечения общества, что они одобряют их, хотя это одобрение лицемерно».

книгой»[45]. Витрувий был также против самовосхваления и рекламирования себя, хотя этим грешили многие архитекторы того времени. Впрочем, он понимал, что точно так же обстояло дело и в прошлом, и рассказывает нам историю о том, как македонский архитектор Динократ обратил на себя внимание Александра Великого лишь красотой и благородством осанки. К тому же Витрувий хорошо знал, что самые прославленные художники прошлого стали известны только потому, что им повезло работать на великое государство или великих людей, в то время как об архитекторах, обладавших не меньшим талантом, никто не знает. Он часто писал о тех, кто занимался плагиатом, обворовывая великих писателей прошлого.

Но все это не заставило его разочароваться в искусстве и науке; наоборот, оно укрепило его уверенность в том, что только ради них и стоит жить. Он цитирует нескольких философов, в том числе и Теофраста, который говорил, что «из всех других только ученый человек никогда не будет чужим за границей... поскольку он [является] гражданином любого города»[46].

Авторитет и изобретения

В отличие от плагиаторов, Витрувий выражал свою глубокую признательность людям прошлого, которые написали книги, которыми он пользовался. Он приводит библиографические списки и заявляет, что «мнения ученых авторов ... приобретают [большую] силу с течением времени». «Опираясь на эти авторитеты, мы смогли создать новые системы обучения». Характеризуя свойства воды, он писал: «Некоторые из этих вещей я видел сам, о других прочитал в книгах греческих авторов». Описывая солнечные часы, он искренне признается: «Я сообщу, кто изобрел разные типы и образцы солнечных часов. Ибо в наши дни я не мог создать здесь ничего нового; не стремлюсь я и выдавать изобретения других за свои». Витрувий описывает целый ряд

---

[45] Во введении Витрувий пишет: «Что же касается меня, император, то природа не наградила меня благородной осанкой, лицо мое состарили годы, а сила уменьшилась под влиянием плохого здоровья. Поэтому, раз уж эти достоинства мне не присущи, я надеюсь [завоевать] твое расположение с помощью своих знаний и сочинений».

[46] Во введении, в главе IX, он также утверждает, что писатели выше всех знаменитых атлетов, победителей Олимпийских, Пифийских, Истмийских и Немейских игр.

замечательных открытий и экспериментов, которые принадлежали математикам и физикам прошлого. Иногда он повторяет поучения своих учителей. Подобно Плинию, жившему чуть позже, он считал, что в его время сильно понизились требования в некоторых областях искусства, особенно, в искусстве фресок. Но, вслед за Галеном, он признает, что в его собственной профессии, помимо него, остались еще хорошие работники, и заявляет, что римские «архитекторы старых времен и множество живущих в нашу собственную эпоху, ни в чем не уступают греческим». Он описывает базилику, которую сам построил в Фано.

Механизмы и Ктесибий

Последнюю книгу Витрувий посвятил механизмам и военной инженерии. Здесь он впервые заводит речь об астрологическом влиянии, заявляя, что «все механизмы делаются по образцу природных, они основываются на том, чему учит нас вращение небесной тверди». Среди описанных им механизмов — насос, изобретенный Ктесибием из Александрии, сыном брадобрея. О нем Витрувий уже упоминал в предыдущей книге, рассказывая о том, какие улучшения он ввел в конструкцию водяных часов, в особенности, в приспособления, которые помогали регулировать поток воды, в зависимости от увеличения продолжительности дня летом и уменьшения ее зимой. Витрувий также утверждает, что Ктесибий создал первый водяной орган, открыл давление воздуха и принцип пневматики, ... разработал методы подъема воды, автоматические приспособления и развлекательные устройства разных видов, ... дроздов, поющих под действием воды, ангобатов, фигуры, которые поют и движутся, а также другие предметы, приятные для глаза и уха». Витрувий говорит, что из них он выбрал те, которые кажутся ему наиболее полезными и необходимыми, и что читатель сам может, прочитав работы Ктесибия, выбрать, какие ему больше понравятся. Плиний кратко упоминал об изобретении пневматических приспособлений и водяных органов Ктесибием.

Герон Александрийский

Характеристика, данная писаниям Ктесибия Витрувием, очень точно подходит и к книгам, которые были выпущены в свет под именем Герона Александрийского. На самом деле, в манускрипте, созданном в Вене, под названием *Belopoiika*, Герона называют учеником или последователем Ктесибия. Ни Витрувий, ни Плиний

ничего не говорят о Героне, так что в наши дни, после недавно проведенных исследований, ученые договорились считать, что Герон жил во 2-м веке нашей эры. Его труды объективны и безличностны, и рассказывают о самом авторе гораздо меньше, чем сообщал Витрувий во «Введении» к десяти книгам «Архитектуры». Сходство содержания его трудов с творениями жившего гораздо раньше Ктесибия, а также характер терминологии позволяют предположить, что Герон завершает длинный список изобретателей древности. Он писал о своих открытиях, но, в основном, продолжал изучать те же самые принципы, которые были открыты Ктесибием и его последователями, и создавать похожие механизмы. Однако дело обстоит так, что эти работы являются нашим самым важным и часто единственным источником сведений о развитии точных наук и технологии в древности.

Средневековая переработка текстов древних авторов

Герон, по-видимому, сам занимался компиляцией древних авторов и продолжал их работу. Его труды тоже были переработаны и сильно расширены в последующие периоды. На них имеются следы вмешательства византийских, арабских и средневековых латинских авторов, а также авторов эллинистического периода и римских. Хейберг вообще считал «Геометрию», «О стереометрии» и «Об измерениях» более поздним собранием византийских книг, в которых, вероятно, использовались отрывки из трудов Герона. По его мнению, трактат «О геодезии» вообще является кратким изложением или отрывком из псевдо-геронской коллекции трудов. Трактат «Катоптрика» известен только по латинскому переводу 1269 года, который был сделан, вероятно, Вильгельмом из Мербеке; долгое время его считали работой Птолемея о зеркалах.

Оказалось, однако, что он был переведен непосредственно с греческого, а не арабского. С другой стороны, «Механика» известна по переводу с арабского языка, сделанному Коста бен Лука. «Пневматика» дошла до нас в греческих, арабских и латинских версиях. Она была, вероятно, известна автору книги 13 века «Сумма философий», которую он приписывает Роберту Гроссетесте. Тот упоминает об исследованиях вакуума, проведенных Героном, этим знаменитым философом, с помощью водяных часов, сифонов и других инструментов.

Ученые считают, что арабская адаптация, носящая популярный характер и ограничивающаяся описанием развлекательных механизмов, гораздо ближе к оригинальной греческой версии времен Герона, чем латинская, в которой больше места уделено экспериментальной

физике. «Автоматический театр», от которого сохранился основной манускрипт, как и от «Пневматики», тоже, по-видимому, был переработан и, в значительной степени, дополнен.

Чародейство Герона

По ссылкам Витрувия на работы Ктесибия и по обзору работ, которые приписывают Герону и которые, в основном, посвящены механическим устройствам и приспособлениям, у современного читателя складывается впечатление, что, кроме военных орудий и подъемных механизмов, древняя наука, в основном, обслуживала развлекательные мероприятия, а не создавала что-то полезное для жизни. Тем не менее, Герон сделал нечто большее. Его аппараты и эксперименты должны были не столько развлечь зрителя, сколько обмануть его, и не столько повеселить, сколько поразить. Механизмы у него обычно замаскированы; воздействие оказывается не напрямую, а косвенно, часто на расстоянии, что производило впечатление чуда. Это, как говорил сам Герон, оказывает магическое воздействие на зрителя[47].

Примеры экспериментальных доказательств

Введение в трактат «Пневматика» более научно; его называли необычным случаем в Древности, поскольку в качестве доказательств там приводятся целенаправленные наблюдения за природой и эксперимент. Так существование воздуха доказывается так: перевернутый сосуд опускают в воду. Вода не проникает в него, потому что ее не пускает находящийся там воздух. Эластичность воздуха и существование свободного пространства между его частичками доказывается так: в сферу с помощью сифона нагнетают воздух, а потом затыкают пальцем отверстие. Когда палец убирают, воздух с шумом выходит из сферы. Однако, кроме таких убедительных доказательств, приводятся и совершенно ошибочные утверждения, например, о том, что «грязь и ил образуются путем преобразования воды в землю». Кроме того, люди верили, что воздух, выпущенный из сосуда, под водой

---

[47] В первой главе своего «Автоматического театра» он пишет: «Древние называли тех, кто создавал такие вещи, чародеями из-за того, что спектакли поражали их воображение». В целом, ученые, занимавшиеся экспериментальными или прикладными исследованиями, были, в основном, заинтересованы в том, чтобы повторить действия колдунов или обеспечить храмы и алтари псевдо-чудесами.

«трансформируется в воду». Герон верил, что тепло и лучи света являются частичками материи, которые проникают между частичками, составляющими воздух и воду.

Магические сосуды и пьющие воду животные

«Пневматика» включает в себя около 78 теорем или экспериментов, или трюков, называйте их, как хотите, которые в разных манускриптах и изданиях по-разному группируются в одну или две книги. Тем не менее, в различных главах часто повторяется одна и та же идея или метод. Так, мы более шести раз встречаемся с магическим сосудом для воды или рогом для питья, из которых вытекает вино, вода или их смесь, а также другие жидкости. Во всех этих случаях объяснение этого трюка одно и то же. Когда отверстия в верхней части сосуда закрывается, и туда не попадает воздух, жидкость не вытекает из узкой щели в днище. С помощью внутренних отделений и соединяющих их труб можно изменять течение воды. В первых главах описываются разные типы сифонов: изогнутые, замкнутые и однородные; с их помощью совершаются нужные чудеса; например, статуи животных выпивают поднесенную к их пасти воду. На этом же принципе построены и неупиваемые чаши, или кубки, в которые льют воду, а она никогда не проливается, а также гармоничные кувшины. Так называли два сосуда, соединенных скрытыми трубками таким образом, чтобы из одного ничего не вытекало, пока не наполнится другой, или чтобы из одного текло вино, а из другого — вода. Или, когда в один наливают воду, из другого течет вино или смесь вина с водой. Или из одного выливают воду, из другого вытекает вино. Другие сосуды устраивались таким образом, чтобы, когда туда наливали немного воды, то из них начинало (или прекращало) литься вино или вода. В другие невозможно было добавить воды после того, как ее перестали вливать, пусть даже было налито совсем немного. Или, если вы на мгновение переставали вливать жидкость, а потом снова начинали, эта жидкость начинала выливаться только в том случае, если сосуды наполовину наполнялись. В другом случае вода вытекала из отверстия на дне сосуда только тогда, когда он наполнялся до краев. Из других жидкость начинала течь после того, как в отверстие бросали монетку и поворачивали рычаг или колесо. В последнем случае емкость с водой прятали за колонной у входа в храм. Один магический рог переставал выпускать воду, если верхнее отверстие накрывали крышкой. А когда другой кувшин наклоняли, то из него всякий раз вытекало одинаковое количество жидкости.

Различные автоматы и приспособления

В шести главах описываются механические птицы, которые поют потому, что давление текущей воды прогоняет через трубку воздух. В других главах рассказывается о драконе, которого аналогичным образом заставляли шипеть, а жезл Вакха — свистеть. Сжатый воздух заставляет воду вырываться из отверстия, и автомат издает звук трубы. Воздух, нагретый солнечным теплом, расширяется и заставляет воду течь тонкой струйкой. В ряде случаев, пока на алтаре горит огонь, воздух в храме расширяется и с помощью блоков открывает двери, заставляет статуи поглощать жидкость, фигуры танцоров вращаться, а змей — шипеть. Шар, наполненный паром, висит в воздухе, кроме того, пар вращает сферу, заставляет птиц петь, а статую — трубить в рог. Описываются неугасимые лампы, неупиваемые кубки и саморегулирующиеся лампы, в которых на поверхности масла плавает поплавок Этот поплавок, по мере прогорания фитиля и расхода масла, поворачивает шестерню, которая подтягивает фитиль. Поплавки и шестерни использовались в ряде уже упомянутых трюков. В другом приспособлении поток жидкости из сосуда регулировался поплавком и рычажком. Шестерни использовались и в конструкции автомата, горлышко которого прокалывали ножом, но верхушка все равно не отделялась от тела. Банки, шприцы, насосы с огневым механизмом с клапанами и поршнем, гидравлический орган и орган, работающий под действием ветра, — все это описано в «Пневматике». Во введении Герон ссылается на свой трактат из четырех книг, посвященный водяным часам, но он до нас не дошел. Водяной орган Герона считается более примитивным, чем орган, описанный Витрувием.

Магические зеркала

Если в «Пневматике» и «Автоматическом театре» описываются, в основном, магические сосуды и автоматы, то «Катоптрика» посвящена, по большей части, кривым и магическим зеркалам. В этих зеркалах зритель видит себя перевернутым, с тремя глазами, двумя носам, или в совершенно искаженном виде. С помощью двух прямоугольных зеркал, закрывающихся на общей оси, из головы Зевса выпрыгивает Афина Паллада. В трактате приведена инструкция, как надо расположить зеркала, чтобы подходящий к ним человек видел не себя, а только то, что ему хотели показать. Благодаря этому в храме неожиданно появлялось божество. Описываются также часы с фигурами, отмечающими начало каждого часа.

Астрология и оккультные свойства

Герон немного занимался астрологией. В первых главах «Катоптрики» он говорит о музыке сфер, а в «Пневматике» обсуждает доходившее в своей простоте до абсурда изображение космоса с помощью небольшой сферы, установленной в круглом отверстии перемычки, разделявшей два полушария прозрачного стеклянного шара. Одно полушарие заполнялось водой, вероятно, для того, чтобы шар в центре не опустился на дно[48].

Чудесные свойства животных, отличающиеся от автоматов, не совсем сюда вписываются, но Герон говорил о способности морского торпедо проникать через бронзу, железо и другие тела.

Время появления греческой алхимии

Хотя мы имеем данные о том, что алхимия существовала уже в Древнем Египте, в странах, где люди разговаривали по-гречески и на латинском языке, она, очевидно, появилась гораздо позже. В классической литературе, созданной до начала нашей эры, об алхимии никаких упоминаний нет. Впервые о ней заговорил Плиний, сообщив, что Калигула получал золото из аурипигмента. Папирусы, которые содержат тексты по алхимии, относятся к 3-ему веку. Манускрипты, в которых приведены греческие алхимические трактаты, среди которых самые старые относятся к 11 веку и находятся в Библиотеке Св. Марка, по-видимому, содержат работы или отрывки работ, написанных в 3-м веке н. э. и позже. Многие из них представляют собой византийские компиляции, а также выдержки и добавления к более древним работам. Отрывки из трудов алхимиков приводил Синцеллий, очень плодовитый писатель 8-го века.

Легенда о том, как Диоклетиан сжег труды алхимиков

О том, что Диоклетиан сжег в Египте труды алхимиков, чтобы они

---

[48] Но, возможно, это была средневековая интерполяция, вроде тех, какими христиане пытались изобразить «твердь среди вод». Кроме того, она чем-то напоминает Вселенную греческого философа Левкиппа, который изобразил землю в виде полушария, над которым располагалось другое полушарие, представлявшее собой воздух. Все это окружала хрустальная сфера, державшая Луну. Над ней располагались планеты, а еще выше — Солнце. — Орр, 1913 год.

не смогли профинансировать новые мятежи против него, мы узнали из книг Синцеллия и других более поздних авторов[49].

Если эти сведения соответствуют истине, то можно предположить, что указ императора стал бы более эффективным, как свидетельство того, что трансмутация существует, если бы стремился поощрять искусство алхимии, а не подавлять его путем уничтожения некоторого числа манускриптов. Таким образом, этот указ напоминал законы императоров, живших ранее Диоклетиана, которые запрещали людям Рима и Италии заниматься астрологией (за исключением придворных астрологов) по причине этого, что они могли легко предсказать смерть императора. А это доказывало, какое огромное влияние имела астрология на правителей и простой народ той эпохи.

Тем не менее, рассказ об указе Диоклетиана кажется совершенно невероятным, поскольку никакого подтверждения тому, что он действительно существовал, у нас нет. Это нельзя объяснить тем, что алхимики старались держать свои занятия в тайне, опасаясь преследований, которые мог навлечь на них этот указ, или обвинений в занятиях магией. Люди, желавшие сохранить тайну, не публиковали своих работ, а атмосфера секретности, окружавшая алхимиков, слишком часто использовалась для того, чтобы убедить читателей в том, что алхимикам действительно есть что скрывать.

Порой они и сами понимали, что, нагнетая атмосферу секретности, теряют чувство меры. Так, Олимпиодор в начале 5-го века писал: «Древние привыкли скрывать истину, затуманивая или в аллегорической форме выражая то, что очевидно и понятно всем». Не можем мы принять и версию о сожжении алхимических книг в качестве объяснения того, что труды алхимиков, о которых мы могли бы с уверенностью сказать, что они появились раньше 3-его века нашей эры, до нас не дошли.

Рассказы алхимиков об истории своего искусства

Сами алхимики, разумеется, утверждали, что их искусство появилось в глубокой древности. Зосима из Панополиса, который, по-видимому, жил в третьем веке, говорит, что людей научили алхимии

[49] ¹Самым древним из них был Иоанн из Антиохии, живший во времена правления Гераклия, около 620 года нашей эры. Вполне вероятно, что он использовал труды Панодора, египетского монаха, писавшего в годы правления Аркадия. Но даже этот автор родился через сто лет после сожжения книг.

и другим искусствам падшие ангелы, и что это стало божественным, священным занятием жрецов и царей Египта, которые хранили его тайны, как зеницу ока. До нас дошло также обращение богини Изиды к ее сыну Хору, где она повторяет признание, сделанное Амнаэлем, первым среди ангелов и пророков. Моисею приписывают трактаты, посвященные домашней химии, и рассказывающие о том, как удвоить вес золота[50].

Авторы манускриптов Византийского периода разъясняют, что хотели сказать нам «древние» в том или ином случае, или просто повторяют то, что было сказано о том или ином человеке. В текстах, которые приводит Бертелот, Зосима постоянно цитирует свои собственные работы, поэтому хорошо было бы выяснить, сколько оригинальных работ Зосимы дошло до нашего времени. Алхимики часто цитируют Гермеса, хотя до нас не дошло ни одной его работы. Агатодемону приписывают комментарий к обращению оракула Орфея к Озирису, в котором идет речь о придании металлам белого или желтого цвета, а также другие алхимические рецепты.

Другими популярными авторами были Остан, о котором повсюду шла молва как о человеке, познакомившем греческий мир с магией, и философ Демокрит, которого алхимики считали учеником Остана и которого Плиний обвинял в пристрастии к магии. Сенека в одном из своих писем утверждал, что Демокрит знал, как размягчить слоновую кость, как сделать искусственный изумруд и раскрасить остекленевшие вещества. Диоген Лаэртский приписывал Демокриту работу о растительных соках, камнях, минералах, металлах, красках, и о том, как окрашивать стекло. Это были, вероятно, те же самые четыре книги о золотом, серебряном, каменном и пурпурном цвете, которые приписывали Демокриту Сунесий в 5-м, и Синцеллий — в 8-м веках нашей эры.

---

[50] Однако в книге «Лабиринт Соломона» Бертелот (1885 год) приводит, в качестве примера античной магии, фигуры, которые были, в значительной степени уничтожены христианами, и говорит, что алхимия распространилась среди евреев в очень древние времена, хотя и признавал, что не раньше, чем появился Лейденский папирус, созданный в 3-ем веке. Но, начав сотрудничать с Руэлле (1888 год), Бертелот вынужден был признать, что она не старше манускрипта 11 века, в котором было приведено ее описание. Он утверждал, что это было дополнение, сделанное в 14 веке, и является «кабалистической работой Средних веков, которая не имеет никакого отношения к древней традиции греческих алхимиков.

После Остана и Демокрита жили две женщины, занимавшиеся алхимией: Клеопатра и Мария-Еврейка, хотя сохранился трактат, в котором Остан и его соратники беседуют с Клеопатрой. Некоторые подложные работы, которые приписывали им, могли появиться уже в эллинистический период, но те, что дошли до наших дней, по крайней мере, в их современной форме, носят следы христианской эры или последних веков существования Римской империи, а может, и раннего Средневековья или Византийского периода. А уж имена подлинных авторов: Зосимы, Сунезия, Олимпиодора и Стефана относятся, самое раннее, к 3-му, 4-му и 5-му векам.

Тесная связь греческой алхимии с магией

Связь приведенных выше имен с тем фактом, что в древней литературе по алхимии значительную часть составляют подложные произведения, говорит о том, что алхимия в те времена была тесно связана с магией. Хотя Витрувий, довольно терпимо относившийся к оккультной теории, говорит о том, что великое искусство архитектуры никак не связано с магией, а Герон объясняет, что магических эффектов можно достичь с помощью механических приспособлений. Тем не менее, греческие алхимики искренне верили, что их искусство неразрывно связано с магией. И вправду, папирусы, на которых были написаны работы алхимиков, в целом, посвящались магии, так что можно сказать, что алхимия возникла как ответвление магии.

Что же касается манускриптов, то здесь картина несколько иная. В самом древнем манускрипте, посвященном этой науке, алхимия выступает в кампании с трактатом, посвященным толкованию снов, предсказанию жизненных событий, времени наступления смерти и магическим алфавитам. Сами работы по алхимии пронизаны магическими деталями. Для получения золота Клеопатра рекомендовала использовать концентрические круги, змею, восьмиконечную звезду и другие магические фигуры. В «Физике и мистике», которую приписывают Демокриту, после чисто технического фрагмента, посвященного получению пурпурного красителя, идет рассказ о возвращении Оскана из Гадеса, после чего автор пускается в описание алхимических рецептов.

Здесь же, мы находим астрологические советы, а отдельные части работы свидетельствуют о влиянии гностиков. Часто упоминается змей Оуробос, который кусает себя за хвост и заглатывает его. Иногда алхимик кладет в свою смесь небольшой кусочек золота, который выполняет роль

яйца в гнезде или материнского золота. Их задача — превратить остальное вещество в золото. В работе, которую приписывают Остану, мы читаем о «святой воде», которая оживляет мертвых и убивает живых, освещает все, что сокрыто тьмой, и затемняет все, что было явным, успокаивает море и гасит огонь. Несколько капель этой воды, при помощи Бога, невидимого и всемогущего, придают свинцу вид золота.

Мистика и аллегории

Древние алхимики очень уважали мистику и аллегории. «Не прикасайся к философскому камню своими руками, — предупреждала Мария-Еврейка, — Если ты не нашей расы, расы Авраамовой.» В трактате о змее Уроборосе читаем: «Змей растянулся у храма, охраняя его. Пусть же тот, кто победит его, принесет жертву, потом снимет с него кожу и удалив плоть с костей, сделает из нее ступеньку, чтобы войти в храм. Поднимись на нее, и ты обретешь то, то ищешь. Ибо жрец, сначала медный человек, изменил свой цвет и природу и стал серебряным человеком; через несколько дней, если захочешь, ты увидишь, что он превратился в золотого человека»,

А для того, чтобы приготовить вышеупомянутую святую воду, Остан советует взять яйца дубовой змеи, которая в августе месяце живет в горах Олимпа, Ливии и Тавра. Синезий рассказывал, что Демокрит прошел инициацию в Египте, в храме Мемфиса под руководством Остана. Зосима приводит инструкцию, которую дал ему Остан: «Иди к Нилу, там найдешь камень; разруби его на две части, возьми в руки и вытащи оттуда его сердце, ибо его душа — в сердце». Зосима часто прибегал к аллегорическому языку, чтобы скрыть смысл своих слов, как в описании жреца, которого разорвали на части и который, по словам Зосимы, умножился.

Он тоже персонифицировал металлы и говорил о золотом или оловянном человеке и так далее. Ограничимся для примера его стиля кратким отрывком, поскольку аллегории алхимиков очень трудно понять. «Наконец я возжелал подняться на семь ступеней и увидеть семь наказаний, и однажды мне представился такой случай. Я вступил на тропу, идущую вверх. После нескольких попыток я пересек ее, но, возвращаясь, потерял дорогу и ужасно огорчился. Не видя никакого выхода, я лег спать. Мне приснился маленький человечек, брадобрей, облаченный в пурпурное платье и царские одежды, который стоял у места наказания, и он сказал мне...». Когда Зосима не видел снов или видений, он обычно цитировал древних авторов.

В то же самое время, древним алхимикам нельзя отказать в определенных научных интересах, по крайней мере, в области естествознания. Параллельно алхимии шел постоянный экспериментальный процесс. «Алхимия, — писал Бертелот, — покоилась на массе практических фактов, которые стали известны уже в древности и которые имели отношение к отливке металлов и их сплавов, а также к созданию искусственных драгоценных камней.

В алхимии имелась экспериментальная составляющая, которая развивалась в течение всего Средневекового периода, до тех пор, пока из нее не выделилась современная научная химия». Трактаты греческих алхимиков описывают аппаратуру и эксперименты, которые соответствовали реальности, но с которыми связывали совершенно невозможные магические результаты. Теории алхимиков, касающиеся материи, очевидно, строились на идеях древних греческих философов, а в их описании природы Бертелот обнаружил «прямую и очень тесную связь» с описаниями Диоскура, Витрувия и Плиния.

6

ЭССЕ ПЛУТАРХА

Чему посвящены последующие главы. — Жизнь Плутарха. — Суеверия в книге «Жизнь выдающихся людей». — «Морали» или «Эссе» Плутарха. — Вопрос об их подлинности. — Магия у Плутарха. — «Эссе о суевериях». — Благосклонное отношение Плутарха к некоторым суевериям. — Оракулы Дельф и Трофония. — Оправдание попыток предсказать будущее. — Демоны как посредники между богами и людьми. — Демоны Луны: переселение душ. — Смертные демоны. — Некоторые из них злые. — Люди и демоны. — Связь концепции Плутарха о демонах с другими. — Астролог Таррутий. — «О судьбе». — Другие примеры астрологии. — Космический мистицизм. — Числовой мистицизм. — Оккультные свойства природы. — Асбест. — «О реках и горах». — Магические травы. — Камни, обнаруженные в растениях и рыбах. — Свойства других камней. — Наведение чар. — Мудрость животных и лекарства животного происхождения. — Теории и вопросы о природе. — Антиподы.

Чему посвящены эти главы

Отметив присутствие магии в работах Плиния, Галена и Птолемея, посвященных естествознанию, мы хотим продемонстрировать теперь, какую огромную роль занимало изучение природы и магии в жизни и философии Римской империи. Мы рассмотрим идеи разных авторов, что позволит нам понять интересы среднего образованного читателя той эпохи. К этим авторам относятся Плутарх, Апулей и Филострат. Мы расскажем о них в той же последовательности, в которой перечислили, поскольку она приблизительно совпадает со временем их жизни.

Жизнь Плутарха

Плутарх прославился во времена правления Траяна и Адриана, то есть на рубеже 1-го и 2-го веков, но письмо об образовании царевича Траяна, вероятно, было написано не им, а легенда о том, что Адриан был его учеником, появилась в Средние века. Он родился в Беотии около 46–48 годов нашей эры и обучался риторике, философии, науке и математике в Афинах. Он учился здесь, когда Нерон в 66 году посетил Грецию. Плутарх несколько раз приезжал в Рим

и некоторое время здесь жил. Он занимал несколько общественных постов в провинции Ахея и в своем небольшом городке Херонея. Он имел официальные отношения с Амфиктионом. Артемидор в своей книге «Онейрокритикон» пишет, что Плутарх увидел свою собственную смерть во сне.

Суеверия в «Жизни в прославленных людей» Плутарха

Мы не будем подробно останавливаться на знаменитой книге Плутарха «Жизнь прославленных людей», как и на рассказах по истории в целом, хотя в них, конечно, же, есть много упоминаний о предзнаменованиях и плохих приметах. Не задержимся мы и на примерах псевдо-науки, о которых рассказывает биограф, а также случаях прорицания и магии. Выдвигались теории, объясняющие, почему с неба попадали мертвые птицы, когда Фламиний, во время Истмийских игр, объявил грекам о свободе. Или нам рассказывается, как Сулла получил от халдеев предсказание о том, что его ждет великое будущее, как в посвящении своих «Мемуаров» он советовал Лукуллу верить в сны, и как Лукулл сошел с ума из-за любовного напитка, который преподнес ему отпущенник в надежде на то, что Лукулл полюбит его еще сильнее. Много таких случаев описано и Дио Кассием, Тацитом и другими римскими историками.

«Морали» или «Эссе» Плутарха

Мы уделили гораздо больше внимания другим работам Плутарха, которые обычно группируют под названием «Морали» или более точно «Разное и Эссе». У этих работ не только разные названия, но и в каждом эссе рассматривается не одна, а несколько тем или проблем. Некоторые, и это видно из их названия, представляют собой диалоги, дружеские или застольные беседы, в которых разговор легко переходит с одной темы на другую, касающуюся совсем других проблем, никогда долго не задерживаясь на одном вопросе и никогда не возвращаясь к началу. Такие застольные беседы и разговоры во время попоек культурных и получивших кое-какое образование людей сохранились и в других произведениях древних авторов, например, в «Аттических ночах» Аула Геллия и «Дейпнософистах» Атенея, но мы решили остановиться на Плутархе. «Эссе» в беспорядочной форме или в виде попурри демонстрируют плоды обширной начитанности автора в древней философии, науке, истории и литературе и его отличную память.

Вопрос об их подлинности

Подлинность нескольких эссе, приписываемых Плутарху, была поставлена под сомнение, и вполне вероятно, не без оснований, но для нашей книги совершенно не важно, были ли они созданы одним автором, поскольку дают представление об одном периоде и типе литературы. Мы уже описывали в главе о Галене подложный трактат *De pracitis philosophorum*, который ему тоже приписывали. В настоящей главе мы рассмотрим эссе «О реках и горах». Эссе «О судьбе» считалось подложным. Содержание, насыщенное суевериями, не может быть достаточной причиной, чтобы отвергать авторство Плутарха, поскольку он искренне верил в свои суеверия, и мы знаем, что ученые его времени не могли полностью исключить суеверия из своих трудов. Более того, многие эссе написаны в форме бесед, в которых разные участники выражают разные взгляды, и не всегда можно определить, чьё мнение разделял сам Плутарх. Достаточно того, что эти мнения выражали люди образованные.

Магия у Плутарха

Ни в одном из своих эссе Плутарх не обсуждает магию, называя ее своим именем, но он затрагивает такие проблемы, как суеверия в целом, сны, оракулы, демоны, числа, судьбы, хитрости животных и другие «естественные вопросы». Определенные вульгарные формы магии рассматривались им с неодобрением, и он считал, что все это ложь. Он считал выдумкой рассказ о том, что женщины Фессалии могут своими чарами удалить с неба Луну, полагая, однако, что источником этих рассказов могла стать история о том, что дочь Хегетора Аглаониса была так искушена в астрономии, что во время лунных затмений она говорила людям о том, что это она убирает Луну с неба с помощью своих чар и заклинаний. Так мы имеем еще один пример слияния магии и науки, на этот раз — псевдо-магии с реальной наукой, а в других — магии с псевдонаукой.

Эссе о суевериях

Это эссе посвящено суеверию, которое проявлялось в паническом страхе грехов перед демонами и богами. Мы привыкли думать, что эллинское язычество было очень жизнерадостным, полным натурализма, что боги в нем предстают в образе людей и очень похожи на них. Плутарх, очевидно, считал, что нормальная религия такой и должна быть, и критиковал суеверный страх перед сверхъестественным. Он

считал, что такой страх хуже атеизма, ибо он лишает людей счастья и одновременно оскорбляет богов, поскольку это все равно, что плохо думать о богах или совсем в них не верить. Ничто так не поощряет распространение атеизма, как абсурдные практики и страхи суеверных людей: «их слова и действия, их колдовство и магия, их метания туда-сюда и битье в барабаны, их нечистые ритуала и очищения, их грязь и непорочность, их варварские и незаконные телесные наказания и злоупотребления». Плутарх, по-видимому, разделял предрассудки своих современников в отношении других религий и дважды с неприязнью отзывался о еврейских субботах. Тем не менее, как показывает процитированный выше отрывок, он выступал против самых крайних форм магии, и заявлял, что суеверный человек превращается в крючок, на которые старики вешают свои амулеты и повязки, которые им случается носить. Далее он обрушивается на исторические примеры суеверий, например, на то, что Никий отложил начало военной операции во время похода на Сицилию из-за лунного затмения. Нет ничего ужасного в том, пишет Плутарх, используя любимый им прием антитезы, что тень Земли время от времени закрывает Луну; гораздо ужаснее, если тень суеверия затемняет разум генерала в тот самый момент, когда ситуация требует предельной ясности ума.

Благосклонное отношение Плутарха к некоторым суевериям

В одном из эссе, посвященном демону Сократа, один из беседующих, критикуя веру в сны и предзнаменования, приводит в пример Сократа, который не отрицал веру в богов, но очистил философию, которую он получил от Пифагора и Эмпедокла, полную фантазий, мифов и страхов перед демонами и шатания как на Вакханалии, и свел ее к фактам, разуму и истине. Впрочем, другой участник компании возразил, что демон Сократа победил Пифагора в умении предсказывать будущее. Этих противоречивых взглядов, вероятно, придерживался и сам Плутарх. Его причину страха перед демонами и чрезмерные суеверия не следует считать признаком того, что он отрицал силу оракулов, снов и самих демонов. К этим темам мы и перейдем далее.

Оракулы Дельф и Трофония

Плутарх рассказал о своей вере в оракулов в целом и в Дельфийского оракула, в частности, в трех своих эссе: *De defectu oraculorum*, *De Pythiae oraculis* и *De Ei apud Delphos*. В то же самое время, в этих эссе отмечается, что величие и популярность оракулов в трудах

Плутарха постоянно уменьшаются. В работах Плутарха упоминается и об оракуле из пещеры в Трофонии, о котором мы узнали из книги «Жизнь Аполлония Тианского». Один юноша провел в этой пещере день и две ночи в надежде познать природу демона Сократа. Здесь ему явилось пророческое и апокалиптическое видение.

Оправдание попыток предсказать будущее

Плутарх верил, что будущее можно предсказать с помощью снов, чихания и других предзнаменований. Он попытался дать этому достойное философское и теологическое обоснование. По его мнению, прямого божественного откровения удостаиваются лишь избранные, другим же посылаются знаки, которые помогают понять, что ждет их в будущем. Плутарх верил, что человеческая душа от природы наделена способностью предвидеть будущее, которая проявляется в благоприятное время и когда тому способствует состояние тела.

Участник одной из описанных философом бесед утверждал, что человек может предсказать, что его ждет, даже с помощью чихания и тому подобных пустяков. Он объяснял это так: подобно тому как врач, пощупав пульс больного, делает выводы о состоянии его здоровья, а опытный лоцман, увидев на небе облачко, догадывается, что надвигается шторм, так и самые незначительные намеки для души, обладающей способностью предвидеть будущее, помогают ей понять, что ее ждет.

О том, как сильно Плутарх верил в сны, свидетельствует его беседа на тему: «Почему осенью сны сбываются реже всего?» Сначала он приводит доводы Аристотеля: осенью люди едят много фруктов, и это нарушает их пищеварение, от чего у души остается меньше шансов без помех использовать свою способность к пророчеству. Демокрит же считал, что сны возникают под воздействием образов других тел, умов или душ, которые проникают в тело спящего через открытые поры и оказывают свое воздействие на его мозг, сообщая ему о страстях и планах на будущее других людей.

Если принять эту теорию, то объяснение несбывшихся снов будет таким: падающие листья возмущают воздух и нарушают спокойствие этих крайне тонких, похожих на пленку, видений. Третье объяснение гласит, что в конце года все наши способности, в том числе и способность предвидеть будущее, постепенно угасают. Что же касается Дельфийского оракула, то было высказано предположение, что естественная способность Пифии к пророчеству стимулируется «пророческими испарениями с земли», под влиянием которых возникает

состояние тела, способствующее предсказаниям. К тому же, действия оракула подчиняются и направляются богами и демонами.

Демоны как посредники между богами и людьми

Наконец мы добрались до демонов и их отношений с богами и людьми. Плутарх верил, что они служат посредниками между богами и людьми, без которых невозможно обойтись. Также как тот, кто, удалив весь воздух между Землей и Луной, уничтожит неразрывность Вселенной, так и тот, кто будет отрицать существование демонов, разрушит все связи между богами и людьми. С другой стороны, идея о существовании демонов помогает решить многие проблемы и сомнения.

Мы не знаем, где и когда появилась эта теория — может, ее придумали маги, писавшие о Заратустре, или она родилась во Фракии, где жил Орфей, или в Египте или Фригии. Плутарх сравнивал богов с равносторонними, демонов — с равнобедренными, а людей — с неравносторонними треугольниками. В другом месте он уподоблял богов Солнцу и звездам, демонов — Луне, а людей — кометам и метеорам. В видении юноши, который провел две ночи в Трофонийской пещере, Луна уподоблялась земным демонам, звезды, имеющие регулярное движение — демонам мудрецов, а блуждающие и падающие звезды — демонам людей, которые подвержены губительным страстям.

Демоны Луны: переселение душ

Мысль Плутарха о том, что Луна и воздушное пространство между нею и Землей — это обиталище демонов, а также идея Платона о переселении душ получили подтверждение в беседе на тему: «Обитаема ли Луна?», которая была описана в эссе «На поверхности Луны».

В этой работе Плутарх рассказывает о человеке, который посетил острова, расположенные в пяти днях плавания к западу от Британии. На этих островах томится в тюрьме Сатурн, которому прислуживают демоны. Этот моряк, во время своего пребывания здесь, приобрел великий дар астролога и, вернувшись в Европу, сообщил, что все души, покинувшие свои тела, некоторое время странствуют между Землей и Луной, пока не достигнут Луны. Здесь расположены Елисейские поля, и здесь души превращаются в демонов. Однако, они живут на Луне не вечно; одни могут вернуться на Землю для того, чтобы помогать оракулам или, в наказание за совершенное в прошлой жизни преступление, снова вселиться в человеческое тело.

Человек, который рассказал эту историю, предоставил своим слушателям выбор — верить в нее или нет. Но полет человеческих душ туда, где обитают демоны, снова описывается в эссе, посвященном демону Сократа. Здесь объясняется, что те души, которым удалось освободиться от оков плоти, превращаются в охраняющих демонов. Они помогают тем, до кого могут добраться, точно также, как люди, живущие на берегу, заплывают далеко в море, чтобы спасти потерпевших кораблекрушение моряков, которым удалось доплыть до земли. Душа погружается в тело, а неиспорченный ум (демон) остается вне ее.

Смертные демоны: некоторые из них злые

Демоны отличаются от богов тем, что они смертны, хотя и живут гораздо дольше людей. Гесиод утверждал, что вороны живут в девять раз дольше людей, олени — в четыре раза дольше ворон, а вороны — в три раза дольше оленей, феникс — в девять раз дольше воронов, а нимфы — в десять раз дольше феникса. Когда один из живущих на Британских островах демонов умирает, на море начинается шторм. Некоторые демоны являются добрыми, а другие — злыми; одни более пассивные и нерациональные, чем другие; одни испытывают радость от мрачных ритуалов, грубых слов и даже человеческих жертв.

Люди и демоны

Один раз в году в окрестностях Красного моря появляется человек, который всё своё остальное время проводит среди «нимф, кочевников и демонов». В этот день многие государи и великие люди приходят, чтобы спросить у него, что ждёт их в будущем. Он также знает несколько языков, его речь звучит как сладчайшая музыка; его дыхание сладкое и благоухающее, а сам он так приятен в общении, что подобного ему не встретишь больше нигде. К тому же он никогда ничем не болеет, потому что раз в месяц съедает плод какого-то лечебного растения.

Что касается истинной природы описанного Сократом демона, то мнения тут различается. Один человек высказал предположение, что это просто чихание: если человек чихает влево, то это предупреждение ему — откажись от задуманных действий, если же чихнул в любом другом направлении — тебе будет сопутствовать удача. Тем не менее, многие авторы склоняются к тому, что этот демон не являлся Сократу в качестве видения и не был его фантазией, и он не слышал его голоса, нет, демон общался непосредственно с его разумом.

Отношения Плутарха к другим концепциям демонов

Рассказ Плутарха о демонах — первый из тех, которые мы собираемся вам изложить. В следующей главе мы приведём мнение Апуллея, и довольно грубое описание демонов, данное в «Жизни Аполлона Тианского» Филостратом. Это показывает, что среди других нехристианских авторов не было единства мнений по вопросу о том, что представляют из себя демоны. С другой стороны, Плутарх приводит в своих эссе несколько идей, которые подхватили позже христиане и неоплатоники: а именно, идею о том, что демоны служат посредниками между Богами и людьми, что мир духов тесно связан с человеческим миром, что прорицатели и оракулы общаются с демонами, а также идею о том, что духи обитают в сфере Луны или в воздухе между Землёй и Луной, хотя Плутарх иногда «поселял» демонов и на звёзды, расположенные поверх Луны.

Ассоциация звёзд с духами, а грешных душ — с падающими звёздами чем-то напоминает изображение определённых звёзд в качестве грешников. Это изображение было приведено в еврейской «Книге Еноха», которая была написана ещё до рождения Плутарха. Мы подробнее рассмотрим её в своей следующей книге, посвящённой идеям, повлиявшим на развитие раннего христианства.

Астролог Таррутий

Что касается звёзд вне связи с демонами, то Плутарх обсуждает искусство астрологии, не называя его с магией. Его слова об отдельных людях как об опытных «астрологах» могут означать, что эти люди были астрономами, получившими образование в этой сфере. Когда один человек, настоящий астролог в нашем понимании, упоминается в одной из книг Плутарха «Жизнь замечательных людей», он характеризуется как *математик* — это слово часто использовали для обозначения людей, составлявших гороскопы и предсказывавших будущее.

Так, Таррутий был другом Варрона, который попросил его составить, задним числом, гороскоп Ромула, используя те сведения, которые сохранились о жизни и характере основателя Рима. Ибо для этой науки, которая по времени рождения человека предсказывает его жизнь, было вполне возможно по событием жизни определить и дату его рождения. Таррутий приступил к делу и по данным, имевшимся в его распоряжении, вычислил, что Ромул был зачат в первый год второй Олимпиады, на двадцать третий день египетского месяца Хоеака, в третий час полного затмения Солнца.

Он родился в двадцать первый день месяца Тота незадолго до рассвета. После этого он определил, что Рим был основан им на девятый день месяца Фармути, между вторым и третьим часом. Ибо, как пишет Плутарх, люди верили, что судьбы городов тоже зависят от времени их основания. Впрочем, историк, по-видимому, считал эти идеи весьма странными и сказочными. Варрон же, напротив, полагал, что это строго научный метод, самый истинный из всех возможных, который помогает решить спорные вопросы исторической хронологии.

Эссе «О судьбе»

Положительное отношение к астрологии находим в основном, в тех эссе, которые, по мнению некоторых, только приписывались Плутарху, а именно –*De fato* («О судьбе») и *De placitis philosophorum*. О последнем мы уже упоминали в главе о Галене. В первом судьба характеризуется как «душа Вселенной», а три её основные части: неподвижные небеса, движущиеся сферы и небесные тела, а также область Земли, связаны с тремя богинями судьбы: Клото, Атропос и Лахесис.

Аналогичным образом в эссе о сократовом демоне Плутарх писал, что среди четырёх принципов всех вещей: жизни, движения, создания (генезиса) и разложения, первые два неразделимо связаны с Единым, второй и третий соединяются с Солнцем с помощью Всемирного Разума, а третий и четвёртый соединяются с природой с помощью Луны. И каждая из этих связей находится в руках трёх богинь судьбы: Атропос, Клото, Лахесис.

Иными словами, Единый Бог или Первопричина, невидимая и неподвижная, в которой заключена жизнь, приводит в движение небесные сферы и тела. С их помощью на Земле происходят процессы зарождения и разложения; ими же они и регулируются. Такой представлял себе Вселенную Аристотель.

Возвращаясь к эссе «О судьбе», следует отметить, что здесь Плутарх повторяет теорию стоиков о великом годе, когда небесные тела завершают свои круги, и история повторяется. Несмотря на явное признание того, что жизнь человека зависит от движения звёзд, автор эссе «О судьбе», по-видимому, полагал, что случай, удачу или шанс предвидеть невозможно, и что «то, что в нас», есть свободная воля и может сосуществовать с судьбой, которую он отождествляет с движением небесных тел.

Судьба также зависит от божественного провидения, но это вовсе не отрицает астрологии, поскольку само провидение состоит из

Первого Бога, второстепенных богов и звёзд, «которые движутся по небесам, регулируя дела смертных, а также демонов, которые выступают «защитниками людей».

Другие примеры астрологии

Один-два астрологических примера можно найти в других эссе Плутарха. Человек, изучавший «астрологию» среди демонов, живущих на острове у берегов Британии, утверждал, что Земля дает человеку тело, Луна — душу, а Солнце — интеллект (Эссе *De facie in orbe lunae*). В эссе *Simposiacs* повторяется мнение авторов мифов, что во время войны с гигантами появились животные, монстры, поскольку Луна изменила свой курс и взошла в непривычных четвертях.

Кстати, Плутарх отличал Луну от других небесных тел, называя её несовершенной, чем-то вроде Лунной Земли или Земельной Звезды. Однако, отделение Луны от других звёзд и планет не противоречит астрологической теории, которая отводила ей особое место, представляя её медиумом, посредством которого далёкие планеты оказывают своё влияние на Землю.

Космический мистицизм

Порой Плутархова космология доводит платонизм до границы с гностицизмом, о котором мы поговорим в следующей главе. Один отшельник, который общался в пустыне с демонами, кочевниками и нимфами, утверждал, что существует не один мир, а сто восемьдесят три мира, которые образуют огромный треугольник, причем каждая из его сторон имеет по шестьдесят миров, а три оставшиеся располагаются на вершине каждого угла. Внутри этого треугольника лежит Долина истины, где находится идеи и модели всех вещей, которые существовали или должны были существовать. Над ними располагается вечность, из которой время, подобно реке, течет во все сто восемьдесят три мира. Видение этих идей даруется людям лишь один раз в миллиард лет, если они живут праведной жизнью, и эта цель, к достижению которой стремятся все философы. Незнакомец, как сообщает нам автор, рассказал обо всём этом просто и безыскусно, словно мистерию, и не привёл никаких примеров и доказательств того, о чём он поведал.

Мы уже знаем, что Плутарх сравнивал богов, демонов и людей с треугольниками разных видов. Он также повторяет слова Платона о связи пяти правильных тел с элементами: землёй, воздухом, огнём,

водой и эфиром*. (* Здесь совершенно очевидно сходство рассказа незнакомца с видением Эра в «Республике» Платона). Он утверждает, что природа огня хорошо видна в пирамиде, «благодаря тонкости её уменьшающихся сторон и остроте её углов». Он также уверен в том, что огонь порождается воздухом, когда восьмигранник распадается на пирамиды, а воздух возникает из огня, когда пирамиды спрессовываются в восьмигранник.

Числовой мистицизм

Эти геометрические фантазии, естественным образом, сопровождаются значительным числовым мистицизмом. В том же отрывке Плутарх рассказывает о достоинстве числа 5 и приводится длинный список вещей, связанный с пятёрками. Число пять обсуждается и в эссе «Эй в Дельфах», но в нём один участник беседы совершенно справедливо отмечает, что можно воздать хвалу любому числу самыми разными способами, но он предпочитает числу пять «священную семёрку Апполона». Платонические геометрические изыскания и Пифагорейский мистицизм чисел ещё подробнее обсуждается в эссе «О рождении души в диалоге «Тимей»». Здесь затрагивается вопрос о числе и пропорциях планет, звёзд и сфер, причём утверждается, что божественный демиург создаёт чудесные свойства лекарств и органов с помощью гармонии чисел. Таким образом, сила чисел и числовых отношений может объяснить нам, откуда взялась астрология и магическая сила в природе.

Оккультное свойство природы

Таким образом, Плутарх, как и большинство его современников, верил в существование оккультных свойств природных объектов и в то, что можно назвать природной магией. Во время одной из бесед, один человек заявил, что видел, как крошечная рыбка эшенеис остановила корабль, на котором он плыл, и держала его на месте до тех пор, пока её не вытащил из воды матрос. Одни посмеялись над его доверчивостью, а другие сами рассказывали аналогичные случаи проявление страной антипатии в природе.

Бешеные слоны успокаивались при виде барана; гадюки застывают на месте, если до них дотронуться листком берёзы. Дикие быки становятся ручными, если привязать их к фиговому дереву; если помазать маслом лёгкие предметы, то они не будут, как обычно, притягиваться к янтарю; железо, натёртое чесноком, не притягивается к магниту.

Далее «всё это доказано на опыте, но очень трудно или даже невозможно объяснить причины [этих явлений]». На пиру был также задан вопрос, почему соль называется божественным веществом? Было высказано предположение, что её назвали божественной потому, что она предохраняет тело от разложения после того, как его покинула душа, или потому, что мышь, полизав соль, становиться способной зачать без совокупления с самцом.

В эссе «Промедление божества» Плутарх снова обращается к теме оккультных свойств. Эти свойства переходят из тела в тело с невероятной быстротой и способны преодолеть невероятные расстояния. Он удивляется почему, после того, как козе в рот попадает кусочек морского остролиста, всё стадо останавливается и не двигается до тех пор, пока пастух его не вытащит.

Мы уже видели, как тесно такие случаи связывают с магическими практиками. В том же самом параграфе Плутарх описывает такой обычай: детей родителей, умерших от туберкулёза или водянки, заставляют сидеть, опустив ноги в воду, пока тела погибших не будут захоронены. Всё это делается для того, чтобы они не заразились болезнью родителя.

Асбест

С другой стороны, мы понимаем, как трудно было, не обладая научными знаниями, отличить истинные свойства от ложных чудесных свойств, прочитав как Плутарх описывает мягкий и пластичный камень, который добывали в Каристе и из которого изготавливали огнеупорные носовые платки и сетки для волос. Их можно было очищать, поднеся к огню.

Под это описание подходит асбест, хотя Плутарх никак не называет этот камень. Страбон тоже описывал камень из Кариста, обладавший аналогичными свойствами, не приводя его названия. Нам сообщают[51], что Диоскур и другие греческие авторы называли асбестом мягкий известняк, но Плиний в своём «Естествознании» приводит описание

---

[51] Эти примеры взяты из статьи «Асбест» в Британской энциклопедии. Здесь также пишется, что Карл Великий имел скатерть, которую очищал от грязи, бросив в огонь, и что в 1676 году купец из Китая демонстрировал в королевском обществе платок из «шерсти саламандры», или из «асбестового полотна». Этот камень описывал и Марко Поло.

того, что греки именовали «асбестион», очень похожее на описание Плутарха.

Он добавляет, что из него изготавливают покрывало для царских похорон, чтобы вытащить прах царя из погребального огня[52], но Плиний, по-видимому, считал асбест не камнем, а растением, называя его разновидностью льняной ткани в своей книге о растениях.

Он также неправильно утверждал, что это растение встречается очень редко и только в пустынях и аридных зонах Индии, где не бывает дождя и очень жарко. Оно живёт среди ужасных змей[53]; более того, оно должно обладать и другими чудесными свойствами. Так что нас не удивляет, когда Плиний цитирует Анаксилая, утверждавшего, что если этим «полотном» обвязать ствол дерева, то никто не услышит ударов топора, которым это дерево срубят. Это — пример того, как необычным природным объектам воображение человека приписывает магические свойства.

Эссе «О реках и горах»

Среди работ Плутарха имеется трактат о реках и горах, в которых иногда попадаются очень удачные описания волшебных свойств трав и каменных фигур. Однако, в некоторые издания это описание не включено. Ряд учёных считал этот трактат работой Парта Ниуса, жившего во времена Нерона. Он состоит из тридцати пяти глав, в каждой из которых описывается какая-либо река или гора.

Плутрах тут же приводит какой-либо миф или трагическую историю, благодаря которой река получила своё название или с которым она была связана каким-то другим образом. То же самое касается и гор. Автор, кем бы он ни был, демонстрирует свою

---

[52] «В 1702 г. Около Невьянских ворот в Риме была обнаружена погребальная урна, в которой находился череп, кости и другие останки, завёрнутые в покрывало из асбеста необыкновенной длины». Оно до сих пор хранится в Ватикане.

[53] Наоборот, асбест находят в высоких Альпах, неподалёку от ледников, в Шотландии или даже в Сибири. (Босток и Райли). В статье об «Амианте» у Пола-Висова неправильно указывается, что Плиний в книге XIX имел ввиду асбест. Плиний кратко описывает камень «амиант» в другой главе, который Босток и Райли называют «самой тонкой разновидностью асбеста», поскольку «он ничего не теряет в огне» и не растворяется ни в каких зельях магов. В алфавитном указателе камней Плиний утверждает, что асбест имеет цвет железа и залегает в горах Аркадии.

начитанность, цитируя более сорока писателей, которые, по большей части, были греками и потому не упоминаются в полных библиографиях «Естественной истории» Плиния. Цитируемые книги описывали, в основном, камни, горы и различные страны. Однако учёные сомневаются, не придумал ли Плутарх сам эти цитаты.

Магические травы

В этом трактате, в основном, описываются магические свойства трав и камней. Если взять белый тростник, растущий по берегам реки Фазис, принести на рассвете жертву Гекате, а потом спрятать его в спальне жены, то её любовник сойдёт с ума и признается в своём грехе. Другую траву, о которой упоминается в той же самой главе, дала Ясону Медея, чтобы защитить его от гнева своего отца.

В другой главе читаем, как Гера обратилась к Селене с просьбой помочь ей отомстить Гераклу, и как богиня Луны с помощью заклинаний наполняла огромный сундук пеной, пока из него не выпрыгнул огромный лев. Но вернёмся от волшебниц вроде Гекаты, Медеи и Селены к травам. В других реках можно найти растения, с помощью которых проверяется, нет ли в золоте примесей. Человек начинает плохо видеть или вообще слепнет, если при нём произнесут слово «мачеха». А когда мачеха хочет извести своего пасынка, то поджигает определённую траву.

Другие травы освобождают тех, кто их носит, от страха перед привидениями, действуют как приворотное зелье в любви и помогают при родах, излечивают сумасшедших от приступов безумия, а если приложить эту траву к груди, снимают приступ малярии. Они также защищают девственниц, а если дева до неё дотронется, то вино превращается в воду, не теряя своего вкуса, или освобождает людей, смазанных соком этой травы от болезней на всю оставшуюся жизнь.

Камни, найденные в растениях и рыбах

От магических трав Плутарх переходит к магическим камням, описывая мак, который растёт в реке Мисия. Он несет на себе чёрные камни в форме арфы, которые собирают и разбрасывают на вспаханных полях местные жители. Если эти камни лежат там, где они упали, то это предвещает голодный год. Если же они улетают, как саранча, нужно ждать богатого урожая. Другие чудесные камни находят в голове рыбы, живущей в реке Арар, притоке Роны. Это рыба сама по себе чудесная: при растущей Луне она белого цвета,

а при убывающей становится чёрной. Возможно, по этой причине камень вылечит вас от малярии, если приложить его к левой стороне тела при убывающей Луне. Существует ещё один камень, который надо искать при растущей Луне и при этом должны играть, не переставая, волынщики.

Свойства других камней

Другие камни охраняют спрятанные в земле сокровища, а когда к ним приближаются воры, они поднимают тревогу — как будто трубят в трубу, и меняют цвет четыре раза в день. Есть камни, которые могут увидеть только молодые девушки. И случаев, которые доказывают их существование миллионы! Он добавил, что если вы отвергаете что-то просто потому, что не можете это объяснить, вы «лишаете все вещи очарования». Он указывал, что некоторые люди могут причинять боль маленьким и нежным детям лишь одним своим взглядом, и утверждал, что подобно тому, как первые перья других птиц, смешивая с перьями орла, портятся, так и люди могут навести вред другим одним лишь прикосновением и взглядом.

Плутарх, который участвовал в этом диспуте, предложил в качестве возможного объяснения, что этот эффект вызывают испарения человеческого тела, отметив, что любовь начинается со взглядов, что нет более заразной болезни, чем больные глаза, и что если долго смотреть на кроншнепа, то вылечишься от желтухи. Эта птица оттягивает болезнь на себя. Она отворачивает голову и закрывает глаза, но не потому, как полагают некоторые, что ей не хочется, чтобы её использовали как лечебное средство, а потому что ей больно, словно её бьют.

Другие члены компании согласились, что страсти и привязанности души могут оказывать на других людей мощное воздействие посредством глаз и взглядов. Они также утверждали, что душевные страдания укрепляют тело, и что против чар действуют те же самые контр-чары, которые применяют для борьбы с завистью. Упоминалось также об излучении, которое, по мнению Демокрита, источают завистливые и злые люди. Отцы способны навести чары на их детей, и даже возможно, что человек может нанести вред самому себе при помощи отражения в зеркале своего собственного взгляда! Высказывалось предположение, что маленькие дети иногда попадают под действие своих собственных чар, а вовсе не взгляда других людей.

Мудрость животных и лекарственные средства

Плутарх посвятил два эссе теме хитрости и мудрости, животным и лекарственным средствам, которые они используют. В одном эссе компаньон Одиссея не желает, чтобы Цирцея превратила его из свиньи в человека. Среди других прочих вещей он хвастался тем, что животные сами знают, как себя лечить. Никто не учит заболевшую свинью бежать к реке и искать там раков; черепахи исцеляют себя ориганом, съев несколько гадюк; а критские козы жадно поедают дикий бадьян, чтобы извлечь из тела стрелы и дротики, которые в них попали.

В другом эссе о разумности животных находим много похожих историй, включая неизбежные рассказы Юбы о слонах. Мы снова встречаемся с дельфинами, которые любят людей; птицами, которые чистят зубы крокодилам и предупреждают их о рыбах, а также спасают друг друга, перекусывая леску и вытаскивая попавшихся в сети подруг за хвост; об учёном слоне, которому наука давалась с трудом, и он был побит за это, после чего его видели тренирующимся самостоятельно при лунном свете; об аисте-часовом, который стоит на одной ноге, держа поджатый камень. Когда ему надо разбудить своих сородичей, он бросает его на землю.

Новыми, вероятно, являются истории о том, как цапля открывает устрицу, проглотив её вместе с раковиной. Устрица расслабляется в тёплом теле птицы, и тогда птица ее изрыгает и съедает, оставляя нетронутой раковину. Приводится также рассказ о тунце, которому нужны астрологические каноны, и который знает арифметику «да и оптику тоже, благодаря Зевсу».

Теории и вопросы, касающиеся природы

Эссе Плутарха демонстрируют и другие темы, и эффекты науки своего времени. Работа под названием «Принцип холода» является прекрасной иллюстрацией ложности древней гипотезы о существовании четырёх элементов и четырёх свойств, которая неизбежно порождала споры. Плутарх отрицал, что холод — это простое отсутствие тепла, поскольку он положительно влияет на жидкости и твёрдые тела и имеет различные степени. Рассмотрев несколько аргументов вроде того, что воздух охлаждается при наступлении темноты, что воздух осветляет вещи, а вода — затемняет их; что холодные предметы всегда тяжёлые, он, в конце концов, приходит к выводу, что элемент земля ассоциируется с холодом.

В другом эссе Плутарх заявляет, что на кольцах воинов, которые они надевали в качестве оберега перед битвой, изображали гравированных жуков. У тех жуков, которых изображали на этих кольцах, нет самок, и что самцы рождают детей, изготовляя шарики из земли. В дискуссии, приведённые в эссе «Симпозиакс» он заявляет, что «болезни не имеют зародышей», поэтому новые болезни возникать не могут.

В этом эссе и в эссе «О принципах холода» обсуждаются и такие вопросы: почему человек, часто проходивший мимо деревьев, покрытых росой, заражается проказой, причём она поражает те конечности, которые касаются этого дерева? Почему дорийцы молятся, чтобы сено стало плохим? Почему медвежьи лапы — самая вкусная и самая сладкая еда? Почему следы диких зверей пахнут хуже всего во время полнолуния? Почему пчёлы чаще всего кусают блудливых людей? Почему мясо овцы, которую задрали волки, вкуснее мяса других овец? Почему думают, что грибы порождаются громом? Почему плоть быстрее гниёт при свете Луны, чем при свете Солнца? Почему евреи не едят свинину? Потому что они поклоняются свиньям, или потому, что терпеть их не могут?

Антиподы

У Плутарха иногда находим свидетельства его обширных астрономических познаний. Например, он пишет, что математики полагали, что Солнце отделяет от Земли гигантское расстояние, что Аристарх заявлял, что Солнце в 18-20 раз дальше от Земли, чем Луна, а расстояние от Земли до Луны равно 56 земным радиусам, самое меньшее. Тем не менее, в том же самом эссе Плутарх издевается над идеей о том, что Земля круглая и что на ней живут антиподы и также над утверждением о том, что стержни весом в тысячу таланов не стали бы падать в центре Земли, если бы здесь было прорыто отверстие через всю Землю, и что двое мужчин, ноги которых располагаются в противоположных направлениях, в центре Земли всё равно стояли бы вверх головой, и что человек, середина тела которого находилась бы в центре Земли, смотрел бы наполовину вверх, а наполовину вниз. Тем не менее, он признаёт, что философы думают именно так. Мы видим, что отцы христианской церкви, вроде Лактанция, были не первыми, кто высмеивал идею о существовании антиподов. Очевидно, все хорошо образованные и любознательные язычники думали точно также, как и Плутарх.

7

АПУЛЕЙ ИЗ МАДАВРЫ

ЖИЗНЬ И ПРОИЗВЕДЕНИЯ АПУЛЕЯ

Магия и человек. — Стилистические доказательства того, что «Метаморфозы» были первой книгой Апулея. — Биографические причины. — Отсутствие упоминаний о «Метаморфозах» в «Апологии».

МАГИЯ В «МЕТАМОРФОЗАХ»

Власть, приписываемая магии. — Реальные действия ведьм. — Пределы власти ведьм. — Преступления ведьм. — Колдуны мужского пола. — Магия как искусство и наука. — Материалы, которые они применяли. — Заклинания и ритуалы. — Обманщики и шарлатаны. — Различные суеверия. — Вкрапления науки и религии. — Магия в других греческих романах.

МАГИЯ В «АПОЛОГИИ»

Форма «Апологии». — Философия и магия. — Определение магии. — Хорошая и плохая магия. — Магия и религия. — Магия и наука. — Медицинские и научные познания Апулея. — Апулей повторял распространенные в то время заблуждения. — Демонстрация Апулея в суде. — Незнание магии и оккультных свойств. — Несмотря на это, Апулей все знал. — Отношение к астрологии. — Теория Апулея о демонах. — Апулей в Средние века.

Жизнь и произведения Апулея

Магия и человек в его работах

Одна из самых полных и живых картин магии в древнем Средиземноморском мире дошла до наших дней в творении Апулея. Он жил во втором веке нашей эры и был не только знаменитым риториком своего времени и создателем романа, который не устает восхищать людей, но и философом-платоником. Кроме того, он участвовал во многих религиозных культах и ритуалах и был ученым, занимавшимся естествознанием и медициной. Ему приписывают латинскую версию «Асклепия», диалога, который, предположительно, принадлежал Гермесу Трисмегиту.

Ни один автор, вероятно, не писал так много о себе и не восхвалял себя так сильно, как Апулей, однако вычленить точные факты его жизни не так-то просто. Это объясняется, частично, тем, что в своем романе «Метаморфозы или Золотой осел» он перемешал факты своей

жизни с событиями из жизни своего героя Луция, введя автобиографический элемент в свое главное художественное произведение (неизвестно только, сколько там реального, а сколько — вымышленного); а частично, потому, что его «Апология» или попытка защитить самого себя после того, как ему в Озе в Африке было предъявлено обвинение в занятии магией, больше похожа на обращение к суду с целью опровергнуть и опорочить своих обвинителей.

Тем не менее, мы знаем, что он родился в Мадавре в Северной Африке, учился сначала в Риме и странствовал по всему Средиземноморскому миру, но провел больше времени в Карфагене, чем в любом другом городе.

Стилистические доказательства того, что «Метаморфозы» были первой книгой Апулея

Помимо «Метаморфоз» и «Апологии», о которых мы поговорим ниже, до нас дошли еще четыре работы Апулея: «Бог Сократа», «Догма Платона», «Флорида» и «О Вселенной». Мы не знаем точно, в какой последовательности они были написаны, но, можем быть уверены, что «Метаморфозы» были первыми. В них Апулей не только отождествляет себя с героем книги — Луцием, довольно молодым человеком, но и извиняется за свою латынь и говорит о том, с каким трудом далось ему изучение этого языка в Риме.

Но уже во «Флориде» он приводит гимн и диалог сначала на латыни и на греческом, а заканчивает его на латыни. Он также хвастался, что с одинаковой легкостью пишет стихи, сатиры, загадки, истории, научные трактаты, речи и философские диалоги на обоих языках. Теперь он уже не извиняется перед читателем, если того оскорбляет его грубая, экзотическая и неотшлифованная речь; он чувствует, что читатели, знающие его как писателя, отличающегося изысканным и утонченным языком, не простят ему ни единого солесизма, (синтаксическую неправильность) и даже слога, произнесенного с варварским акцентом.

Поэтому, мы можем предположить, что если «Метаморфозы» были его первым опубликованным произведением на латыни, то необычный стиль Апулея стал уже столь популярным, что он не считает нужным извиняться за него. А в «Аполлогии» он уже полностью уверен в своем умении писать на латыни; и даже люди, не любившие его, признавали его философом, который с одинаковой легкостью пользуется греческим и латынью.

А ведь за три года до этого в том же самом городе первое публичное выступление Апулея было встречено криками «Чепуха!», а многие из тех, кто тогда слушал его речь, могли повторить отрывок из нее, посвященный достижениям Асклепия. Кроме того, по «Апологии» заметно, что его знания значительно расширились, по сравнению с тем временем, когда он писал «Метаморфозы». К тому времени он был уже автором многих поэм и научных трактатов, а также речей. И, вправду, практически все идеи, которые он обсуждал в других философских работах, были уже кратко изложены в «Апологии».

Биографические причины

Более того, если в «Метаморфозах» Апулей заканчивает свой рассказ словами о своей сравнительно недавней инициации в мистерии Изиды в Греции и Озириса в Риме, то в «Апологии» он уже говорит о том, что в прошлом он прошел инициации во все виды священных ритуалов, хотя и не упоминает конкретно Рим или Изиду с Озирисом. Тем не менее, в «Апологии» он в нескольких местах намекает, что бывал в Риме.

Понтиан, его будущий пасынок, с которым Апулей «не очень много лет назад» познакомился в Афинах, был в «Риме уже взрослым», еще до того, как Апулей приехал в Озу. Они оба встретились снова в Озе и женились в этом городе, после чего Апулей дал Понтиану рекомендательное письмо для проконсулаОллиана Авита в Карфагене, о котором он говорил: «В течение своей жизни я был близко знаком со многими образованными людьми, носившими римские имена, но никем так не восхищался, как им». Возможно, Апулей встречался с Лоллианом в Карфагене, но во «Флориде», этом панегирике Сципиону Орфиту, который в 163-164 годах н. э. был в Африке проконсулом, Апулей вспоминает о том времени, «когда я вращался среди твоих друзей в Риме».

Все это совпадает с рассказами Апулея, включенными в последние главы «Метаморфоз» о том, как росла его слава оратора в судах Рима и о «доктрине моей учебы» в этом городе. Это помогает нам воссоздать ход событий. Встретив в Афинах Понтиана и закончив свою учебу в Греции, Апулей приехал в Рим, где прожил некоторое время, совершенствуя свой латинский язык, и произнося речи. Здесь он опубликовал свои «Метаморфозы».

Понтиан, который был младше Апулея, последовал за ним в Рим, и остался там жить, когда его друг вернулся в свой африканский город Озу, чтобы уладить дела в связи с предполагаемым вторым браком своей матери. Апулей, посетивший Карфаген и снова ухавший

на Восток, намереваясь побывать в Александрии, прибыл в Озу. Здесь его женили на вдове, которая была на много лет его старше. Именно деликатный вопрос о точном возрасте этой дамы и позволил датировать время рождения Апулея и хронологию всей его карьеры. Когда Апулея судили по обвинению в занятиях магией, его обвинитель, Эмилиан, заявил, что, когда эта женщина вышла замуж за Апулея, ей было уже 60 лет, а до этого она обещала стать женой его брата Клара, которого Апулей назвал «дряхлым стариком». С другой стороны, Апуей утверждает, что в записях, предоставленных им суду, отмечалось, что в детстве ее удочерил человек, ставший ей отцом, и согласно им, ей «не более сорока лет». Это была уловка, и поскольку этой записи у нас нет, мы не можем сказать, правда это или нет.

Отсутствие упоминаний о «Метаморфозах» в «Апологии»

Главным, но не единственным возражением против того, чтобы считать «Метаморфозы» написанными ранее «Апологии», является тот факт, что «Метаморфозы» в ней даже не упоминаются. Но, очевидно, Апулей, которого обвиняли на суде в занятиях магией, не хотел ничего говорить о «Метаморфозах», если его не спросят. Быть может, судьи об этой книге ничего не слышали, или она была впервые опубликована анонимно, хотя вряд ли за три года проживания в Озе Апулей не представил ее своим почитателям. Возможно, что обвинители знали об этой книге, но судья не принял ее в качестве доказательства того, что Аплуей занимался магией. В «Метаморфозах» ничего не говорится о личном участии Апулея в магических ритуалах, если, конечно, не отождествлять его полностью с героем этой книги Луцием. Апулей выдавал эту книгу за латинский пересказ Милетских[54] мифов, которую не принимали всерьез до тех пор, пока ее не начали цитировать отцы церкви.

А, быть может, обвинители говорили о ней, но Апулей просто не обратил на это внимания. Все это — предложения, но, с другой стороны, можно задаться вопросом: осмелился бы Апулей написать книгу «Метаморфозы» после того, как его обвинили в занятиях магией и судили за это? Скорее, можно было бы предположить, что он захочет отказаться от этой темы, чем проявлять к ней большой интерес. Однако, обратимся к анализу обеих книг и рассмотрим сначала «Метаморфозы».

---

[54] Книга начинается с таких слов: «Вот я сплету тебе на милетский манер разные басни» и начиналась с греческой истории.

Магия в «Метаморфозах»

Власть, приписываемая магии

Апулей в «Метаморфозах» приписывает магии и тем, кто ею занимается, большую власть над природой и духами. «Магические нашептывания заставляют быстрые реки бежать вспять, море лениво застывать, ветер — лишиться дыхания, Солнце — остановиться, Луну — покрыться пеной, звезды — сорваться, день — исчезнуть, ночь — продлиться!» (Апулей, «Метаморфозы», Книга 1, здесь и далее пер. М. Кузмина).

К подобным заявлениям один из слушателей отнесся с недоверием, но в ходе рассказа герои этой книги подтверждают их своим собственным опытом, а также с помощью чудес, которые совершают ведьмы. Это иногда описывается с большим юмором и в необычной манере, но, поскольку один и тот же дух творит преступления с необыкновенной жестокостью, это легкое настроение нельзя считать признанием магической нереальности. Наоборот, герой заявляет, что Фессалия единогласно прославлена во всем мире как родина магического искусства. Ведьма Мероя «власть имеет небо спустить, землю подвесить, ручьи твердыми сделать, горы расплавить, покойников вывести, богов низвести, звезды загасить, самый Тартар осветить!»

Способность гасить звезды и погружать в самые низкие глубины ада — это сила, приписываемая также ведьме Памфиле. «Своими чудесными способностями она вызывает призраки и элементы, которые слушаются её, гасит звёзды и принуждает божества».

Реальные действия ведьм

Впрочем, ни в одном из эпизодов, описанных в «Золотом Осле», ведьмы не считают необходимым или полезным доходить до таких крайностей, хотя Панфила однажды «самому Солнцу грозила ввергнуть его в облачный мрак и вечную темноту, за то, что Солнце, по её мнению, недостаточно быстро спустилось с неба и не поспешило уступить время ночи для исполнения магических обрядов».

Ведьмы удовлетворялись тем, что воспламеняли любовью к себе жителей Индии, Эфиопии и даже антиподов. Они называли это сущими пустяками, детскими игрушками. Еще они превращали своих врагов в зверей или запирали их в домах, откуда они не могли выйти, или переносили дома со всем содержимым за сотню миль отсюда, или, взломав запертые двери, врывались в дом, намереваясь убить его жильцов.

В другом случае, они обращаются в птиц, собак, мышей и даже в мух, чтобы творить свои гнусные дела. Они погружают свои жертвы в глубокий сон и перерезают им горло, вешают или разоряют их. Даже отсутствуя, они знают, что было сказано о них, и иногда они развлекаются, предсказывая будущее. Но, в какой бы области они ни творили свои черные дела, противостоять их волшебной силе невозможно. И нам дают понять, что сопротивляться им бесполезно, как бесполезно пытаться скрыться от них. Рассказчик подчеркивает тайный и оккультный характер власти ведьм, и для их описания применяются прилагательные «зловредные» и «зловещие» и существительное «оборотни».

Пределы власти ведьм

Тем не менее, у власти этих колдуний есть и свои пределы. Ведьмы могут взломать запертые двери, но после того, как они уходят, двери снова возвращаются в прежнее состояние. Так же и человек, у которого они перерезали горло, выпили кровь и вынули из груди сердце, на следующее утро просыпается живым и продолжает свой путь. Все ночные события, по-видимому, ему просто приснились. Ведьмы запихнули в рану на его горле губку, приговаривая при этом: «О, губка, рожденная в море, опасайся пересекать текущие воды»[55].

Утром спутник этого человека не увидел ни следа от раны, ни губки на шее своего друга. Но, когда тот наклонился, чтобы напиться из ручья, губка выпала, и он свалился мертвым. Вывод очевиден, хотя Апулей его и не приводит: ведьмы могут на какое-то время сделать так, что труп будет казаться живым человеком, но ненадолго. Магия исчезает при пересечении текущих вод — ручья или реки. У нас также создается впечатление, что в магии ведьм есть что-то обманчивое и ускользающее, и реальны только похоть и преступления, которые магия этих колдуний или тех, кто их нанял, позволяет вызвать или совершить. Они удаляют с неба Солнце, но на следующий день оно сияет, как ни в чем не бывало. Они превращают Луция в осла, но у него

---

[55] Аналогичные практики описал А У.Ховит в своей книге «Коренные племена Юго-Восточной Австралии»: «врачеватель из враждебного племени проник в лагерь ночью и с помощью сети особой конструкции захватил одного из жителей, оттащил его примерно на сотню ярдов от лагеря, вспорол ему живот, вытащил печень и большой сальник, а потом набил рану пригоршней травы с песком».

сохранились человеческие желания и нежность кожи — неподходящее состояние ума и тела, которое можно объяснить несовершенством магического искусства, а также чувством юмора, присущего автору.

Преступления ведьм

В Золотом осле» магией занимаются, в основном, ведьмы, а также отталкивающие старухи. Мы имеем дело с чудесами, которые творят старые жены, а не маги Персии или Вавилона. Как мы уже убедились, и увидим еще позже, их поступки считались недозволенными и преступными. Автор называет их «зловреднейшими из жен», цель которых — блуд и преступление. Они практиковали молитвы, проклятия и обряды.

Колдуны мужского пола

Мужчины, занимавшиеся магией, изображены Апулеем в более благоприятном свете. Египтянина, который за большую сумму денег вызывает дух умершего человека и возвращает его к жизни, он именует пророком и жрецом, хотя, скорее всего, это явный некромант; он сам просит о помощи: «Сжалься, служитель богов, сжалься, ради стихий природных, ради ночного безмолвия» — то есть применят выражения, которые призывают магические силы, во всем мире приписываемые ведьмам. Героя «Золотого осла», Луция вдохновляет на занятия магией простое любопытство в сочетании с жаждой познания, а совсем не криминальные мотивы. Тем не менее, после того, как он с помощью магии был превращен в осла, он боится, что может неожиданно обрести человеческий облик на публике и будет приговорен к смерти по подозрению в занятиях магией.

Магия как искусство и как наука

Апулей называет магию не только оккультным занятием, которому трудно противостоять, преступным или вредным, но и искусством и наукой. Даже практики ведьм он обозначает этими словами. Ведьма Памфила имеет лабораторию на крыше своего дома — она надежно скрыта от посторонних глаз, но открыта небесным ветрам и всем сторонам света. Здесь она занимается своим тайным искусством и хранит принадлежности своего дела: всякого рода ароматические травы, металлические таблички с непонятными надписями, сундук, наполненный маленькими коробочками с различными мазями, части человеческих тел, добытые из могил, выловленные после кораблекрушения, или вырванные из пасти диких зверей, а также полученные

после пыток и казней. Хотим напомнить читателю, что студенты-медики, по свидетельству Галена, добывали человеческие скелеты и тела для вскрытия из аналогичных источников. Вполне возможно, что из-за этого их тоже подозревали в занятиях магией.

Материалы, которые применяли ведьмы

Все понимают, что для занятия магией нужны материалы. Ведьмы, очевидно, особенно гонялись за частями человеческого тела. Памфила посылает свою служанку к брадобрею, велев ей набрать обрезков волос юноши, в которого она была влюблена; рассказывали также о ведьмах, которые, по ошибке, отрезали нос и уши не у трупа, а у человека, охранявшего его, и заменили их восковыми. Другие убили человека, собрали его кровь в мочевой пузырь и унесли с собой.

Однако в магии ведьмы использовали и части тел животных, а также камни и различные травы и ветки. Пытаясь приворожить беотийского юношу, в которого она была влюблена, Памфила использовала еще трепещущие внутренности, поливая их ключевой водой, молоком и медом, а также бросала обрезки волос — которые, как она думала, принадлежали ему — на горящие угли, добавляя разного рода благовония. Чтобы превратиться в сову, она с ног до головы обмазалась мазью, которая хранилась в одной из ее коробочек, и долго шепталась со своей лампой. Чтобы возвратить себе человеческий облик, ей надо было всего лишь выпить немного ключевой воды с укропом и лавровыми листьями, а потом искупаться в ней. «Смотри, какими простыми и ничтожными травками достигается такая важная вещь!».

Для того, чтобы сбросить с себя шкуру осла, Луцию надо было просто пожевать лепестки роз. Египетский пророк тоже использовал травы в своей некромантии — он клал одну на уста, а другую на грудь покойника; сам он носил льняные одежды и сандалии из пальмовых листьев.

Заклинания и ритуалы

Помимо трав, широко использовались и заклинания: египетский пророк повернулся к востоку и начал «молча молиться» поднимавшемуся над горизонтом Солнцу. Эта сцена свидетельствует о том, что маги строго соблюдали ритуалы и церемонии; Апулей описывает мельчайшие подробности действий Памфилы. Один раз он упоминает о помощи богов, в другом случае без этой помощи обойтись было нельзя. Нескольких ведьм он называет божественными, а магию определят, как божественную науку. О ведьмах говорили, что они заставляют богов

помогать им, а вовсе не просят об их поддержке. Их магия заключалась, в основном, в правильном использовании вещей и слов.

Обманщики и шарлатаны

Помимо ведьм (магов и мудрецов) и того, что Апулей считал магией, в «Золотом осле» упоминаются другие шарлатаны и суеверия того же рода. Одним из них был уже упомянутый египетский «пророк». Таким был и халдей, который поразил весь Коринф своими чудесными предсказаниями, но не смог предвидеть того, что сам попадет в кораблекрушение. Узнав об этом, один деловой человек, собиравшийся заплатить ему сто динариев за пророчество, забрал свои деньги и уехал.

Такими же шарлатанами были и развращенные и раскрашенные слуги сирийской богини, которые ходили по городам, отвечая на вопросы людей о том, какое будущее их ждет, одним и тем же двусмысленным стишком: «быки в запряжке пашут землю для того, чтобы посевам впредь зеленым зеленеть», трактуя его смысл применительно к вопросу. Такими же обманщиками были и жонглеры, которых Луций увидел в Афинах и которые глотали мечи или копья, а на них балансировал мальчик. Такими же шарлатанами были и врачи, которые оказались отравителями.

Различные суеверия

В других местах Апулей говорит об астрологии, сверх того, о чем мы уже рассказывали. В главе о халдее обсуждается также предсказание будущего с помощью снов. В 4-й книге старая служанка уговаривает захваченную в плен девушку не пугаться пустых призраков сна, объясняя, что они часто предвещают обратное, но в последней книге герой несколько раз руководствуется снами, которые предупреждают его об опасности. Апулей также пишет о широко распространенной вере в приметы. Если встанешь утром с левой ноги, то тебе не будет удачи в делах. Одного человека выкинули из дома за его слова, которые посчитали дурным предзнаменованием.

Насильственную смерть всех трех сыновей хозяина одного из домов предсказало следующее чудовищное нагромождение дурных примет: курица вместо яйца снесла цыпленка, из-под ножек стола забила кровь; вбегает слуга, который сообщает, что во всех кувшинах в подвале закипело вино; ласка притащила с улицы в дом мертвую змею; из пасти овчарки выскакивает лягушка, а баран один ударом рогов вспарывает этой собаке горло.

Вкрапления науки и религии

В «Метаморфозах» почти нет научной информации или дискуссий. Когда Памфила, пошептавшись со своей лампой, объявила, какой будет погода на завтра, Луций высказал предположение, что этот искусственный огонь мог впитать в себя какие-то свойства своего небесного оригинала. Трава мандрагора может вызывать сон, похожий на смерть, но он не заканчивается гибелью, а бобер, как верили в ту эпоху, сам себя кастрирует, чтобы спастись от охотников. В книге подобного рода нельзя, конечно же, обойтись без упоминаний о драконах; здесь сообщаются о чудовище, которое достаточно велико, чтобы проглотить человека.

Ради сравнения скажем (поскольку ниже мы рассмотрим книгу «Жизнь Аполлония Тианского», известного пифагорейца, а потом узнаем из «признания Климента», что апостол Павел любил на рассвете купаться в море) что Луций, будучи еще в образе осла, стремясь очиститься, вошел в море и семь раз окунулся с головой, поскольку божественный Пифагор писал, что это число особенно благоприятно для религиозных ритуалов. «Говорили, что «Золотой осел» — первая книга в европейской литературе, где показана набожность в современном понимании этого слова, и самые позорные приключения Луция заканчиваются, в конце концов, религиозной кульминацией».

Но, добавляет профессор Дункан Б. Макдональд, «мало есть книг, сюжет которых, несмотря на фантастическое сияние цвета и света, развивался бы под такими тяжёлыми как свинец небесами, как в «Золотом осле». В этом мире нет реального бога; все находится в руках чародеев; человек лишён надежды и в этой, и в последующей жизни; полный тоски, он борется и находит убежище в странных культах».

Магия в других греческих романах

Магия в «Золотом осле» играет гораздо большую роль, чем в любом другом дошедшем до нас греческом произведении, поэтому нет ничего удивительного в том, что в них мы видим героя и героиню, которые страдают от козней и волшебников или их самих ложно обвиняют в занятиях магией, как это было в «Эфиопике» Гелиодора, где Харикла приговаривают к сожжению по обвинению в отравлении. В христианских романах, как мы позже узнаем из «признаний», демоны и маги упоминаются неоднократно, а, между тем, не стоит забывать, что в римской империи обвинения в занятии магии встречались не только в романах, но и в реальной жизни. Самого автора «Метаморфоз» судили за это, и мы обратимся теперь к «Апологии», которая посвящена этому событию.

Магия в «Апологии»

Форма «Апологии»

«Апология», по-видимому, дошла до нас в том виде, каком она была написана. Ее вероятно, записывали стенографисты, а потом она, очевидно, подвергалась переработке, вроде той, которой Цицерон подверг свои речи. «Апология», скорее всего, была написана в большой спешке, поскольку Апулей утверждает, что обвинения в магии ему были предъявлены неожиданно — всего за пять-шесть дней до суда, а он в это время был занят подготовкой к другому судебному процессу, на котором должен был защищать свою жену.

В книге также имеется много импровизированных вставок, где Апулей рассказывает, какое впечатления произвели его утверждения на обвинителей и на проконсула, выполнявшего роль судьи. По книге «Флорида» мы знаем, что Апулей любил импровизировать, более того, в «Апологии» мы находим некоторые аргументы, которые могли были быть обращены ему во вред, и которые он, вероятно, убрал бы, если у него было время тщательно отредактировать свою речь до суда. Например, отрицая обвинения в том, что он тайно велел изготовить для себя из прекрасного дерева ужасную магическую фигурку в форме скелета и привидения, он заявил, что это — всего лишь небольшая статуэтка Меркурия, выполненная совершенно открыто хорошо известным в городе художником.

Однако ранее Апулей заявлял, что «Меркурий — носитель заклинаний — это одно из божеств, к которым обращаются во время магических ритуалов. А в другом месте он вспоминает о том, как Траллес с помощью магии предсказал исход войны с Митридатом, и как один мальчик, глядя на отражение Меркурия в воде, в 160 стихах предсказал будущее. А в третьем отрывке Апулей приводит слова Пифагора о том, что фигурку Меркурия нельзя вырезать ни из каких пород дерева.

Философия и магия

Если в «Метаморфозах» магией занимались, в основном, старухи, то в «Апологии» главной задачей Апулея является защита философов в целом и защита себя в частности от «клеветы магии». В занятиях магией подозревали Эпименида, Орфея, Пифагора, Остана, Эмпедокла, Сократа и Платона, и Апулей утешает себя тем, что ему пришлось разделить незаслуженную судьбу столь многих великих людей. В этой связи он заявляет, что тех философов, которые проявляли особый

интерес к теологии и слишком активно изучали провидение вселенной и при этом с чрезмерным энтузиазмом восхваляли богов», подозревали в занятиях магией, а тех, кто посвящал себя чистым естествознанию, объявляли атеистами, которые отрицали религию вообще.

Определение магии

«А что значит быть магом?» — спрашивает Апулей своих обвинителей, и здесь мы снова встречаемся с вопросом определения, что такое магия. Апулей в своей речи отвечает на этот вопрос. Магия, в обычном понимании этого слова — это то, что было описано в «Метаморфозах». Её описание включали в Римские законы со времён «12 таблиц»: она ужасна и темна, она таинственна и требует одиночества; она шепчет свои заклинания во тьме ночи. Это искусство запрещённых тайных злых дел, преступлений и разных мерзостей. Вместо того, чтобы называть это искусство просто магией, Апулей часто применяет выражение «колдовская магия».

Вероятно, он делал это намеренно. В одном месте он заявляет, что может опровергнуть ряд обвинений, которые выдвинули против него обвинители: во-первых, показав, что те вещи, «в которых его обвиняют, не имеют к магии никакого отношения; во-вторых, доказав, что если он и занимался магией, то нет причин утверждать, что он причинил кому-нибудь *malificium*. А *malificium* буквально переводится как «злое дело», и означает нанесение кому-нибудь вреда при помощи магического искусства.

Проконсул, выполнявший роль судьи, разделял взгляды Апулея, и спросил обвинителей, заявивших, что в присутствии Апулея у одной женщины случился припадок эпилепсии, который был вызван тем, что он ее околдовал, умерла ли эта женщина, и какую пользу мог бы принести Апулею ее припадок? Это говорит о том, что римский закон не осуждал человека за магию, если не было доказано, что он совершил с ее помощью преступление или приобрел то, что ему не полагалось.

Хорошая и плохая магия

Означает ли это, что Апулей различал просто магию и магию дурных дел, намекая, чего он не делал в «Метаморфозах», что есть плохая и хорошая магия? Однако нельзя сказать, чтобы он постоянно указывал на это различие; очень часто в «Апологии» слова «магия» и «магия дурных дел» обозначают плохую магию. Но он высказывает такую идею, и в одном случае выражает ее открыто. «Я читал у многих

авторов, что магия в персидском языке соответствует значению нашего слова *sacerdos* (жрец, священник), то разве быть жрецом и знать, понимать и ценить правила церемониала, священных обычаев и законов религии — это преступление?»

Платон описывал магию как часть образовательной программы юного персидского царевича. Его обучали магии четыре самых мудрых и самых достойных мужа во всем царстве; один их них учил его магии Заратустры или поклонению богам. «Слышат ли меня те, кто поспешно обвиняют меня в магии, что это искусство приемлемо для бессмертных богов, ибо оно состоит в прославлении и поклонении им, что оно является благочестивым и пророческим и Заратустра и Ороманзес, его создатели, считали его благородным и божественным?»

В обычной речи, однако, Апулей признает, что маг или колдун — это человек, «который, пользуясь своим умением обращаться к бессмертным богам, способен совершить все, что ему захочется, с помощью почти невероятной силы заклинаний». Но всякий, кто верит, что какой-нибудь другой человек обладает такой же силой, не должен обвинять того, кто надеется с помощью этой хитрой дилеммы доказать неискренность своих обвинителей. Тем не менее, раньше он утверждал, что Меркурий, Венера, Луна и Тривия — это божества, которых обычно вызывают во время своих церемоний колдуны.

Магия и религия

Следует отметить, что в «Апологии» Апулей ставит магию к религии и богам гораздо ближе, чем в «Метаморфозах». Здесь он уделял все свое внимание природным материалам, которые используют ведьмы и описанию их почти научных лабораторий. Но в «Апологии» персидские маги и обычные колдуны ассоциируются с поклонением богам и заклинаниям. И в магии, в основном, подозревают теологов, а не натурфилософов.

Магия и наука

Но причина, по которой Апулей решил воздержаться в «Апологии» от разговоров о том, что магия и естествознание иногда соприкасаются и что их даже иногда путают, возможно, заключается в том, что обвинители постоянно подчеркивали его пристрастие к познанию природы. Апулея обвиняли, что он изобрел состав порошка для чистки зубов, часто пользуется зеркалом, купил морского зайца, ядовитого моллюска и двух других рыб, которые, из-за их непристойной формы и названий, могут быть использованы как любовные привороты.

О нем говорили, что он хранит у себя дома ужасную деревянную фигурку или печать, изготовленную специально для занятий магией, что в его доме имеются и другие инструменты этого искусства, завернутые в носовой платок, и что он оставил в прихожей дома, где жил до этого, «много птичьих перьев» и «закопченные стены».

Все эти обвинения говорят о том, что природные и искусственные объекты, как и в «Метаморфозах», считались необходимыми или, по крайней мере, привычными предметами для занятий магией. Более того, обвинители Апулея с такой готовностью интерпретировали его интерес к естествознанию в качестве доказательства его занятий магией, что Апулей саркастически заметил: «Как хорошо, что они не знают, что я читал трактаты Теофраста « О тварях, которые кусают и жалят» и Никандра «Об укусах диких зверей» (который обычно называли «Териака»[56].

Познания Апулея в медицине и науке

Апулей демонстрирует, что он действительно хорошо знал медицину и естествознание, а возможно, был даже авторитетом в этих областях. Создание зубного порошка и купирование эпилептического приступа у женщины свидетельствовали о его занятиях медициной; он также не видел ничего плохого в поисках лекарственных веществ у рыб. Он повторяет Платонову теорию о возникновении болезней, которую тот изложил в «Тимее», и цитирует замечательную работу Теофраста «Об эпилепсии».

Упоминания о зеркале свидетельствуют о его интересе к оптике. Он оставил заметки по теории зрения и отражения, о жидких, твердых, плоских, вогнутых и выпуклых зеркалах и цитировал «Катоприку» Архимеда. Он считал себя специалистом в экспериментальной зоологии и проводил все свои исследования на публике. Он покупал разные виды рыб, чтобы изучать их, как делали Аристотель, Теофраст,

---

[56] Никандр жил в Пергаме во втором веке до нашей эры при Аттале III. Из его работ до нас дошли поэма «Териака», содержащая 958 гекзаметров, и другая поэма «Алексифармака» — в 630 строк. В Национальной библиотеке Парижа хранится иллюстрированный манускрипт «Териаки», созданный в 11 веке, о котором О.М. Дэлтон в своей книге «Византийское искусство и археология» пишет, что это «очевидно, тщательно выполненная копия очень древнего оригинала, созданного, вероятно, в те времена, когда жил сам Никандр.

Эвдем, Ликон и другие ученики Платона. Он прочитал огромное количество научных книг и не видел ничего плохого в том, чтобы проверять то, что в них написано, на своем собственном опыте.

Он и сам написал на греческом и латинском языках трактат «Вопросы природы»; в котором изложил то, что опустил в предыдущих книгах, а также исправил кое-какие ошибки, и организовал все в удобном и систематическом порядке. Отдельные куски раздела о рыбах из этой работы были зачитаны в суде.

Апулей повторял распространенные в то время заблуждения

В «Апологии» Апулей, время от времени, иллюстрирует свои научные открытия конкретными примерами из области зоологии и других наук. Именно этими примерами и отличается «Апология» от «Метаморфоз». Но они показывают, что его знания превышали его благоразумие, поскольку, большей частью, это повторение привычных заблуждений тогдашней науки.

Апулей рассказывает нам о том, что крокодил открывает рот, чтобы птички почистили ему зубы (на самом деле, это реальный факт — прим. переводчика), что молодые гадюки прогрызают себе путь из тела матери, что рыбы самопроизвольно зарождаются в иле, что горящий минерал гагат вызывает у больных эпилепсией приступ болезни (все это нам уже рассказывали Аристотель, Плиний и Элиан). С другой стороны, кожа, которую сбрасывает ящерица, если ее схватить, излечивает от той же эпилепсии, но вы должны схватить эту кожу очень быстро, иначе ящерица повернется и съест ее — либо потому, что голодна, либо потому, что не хочет отдавать ее вам.

Эта сказка, столь характерная для тех, кто верил в лечебные свойства частей животных, и любил приписывать животным человеческие побуждения, была взята Апулеем из трактата Теофраста «Завистливые животные».

Демонстрация Апулеем незнания магии и оккультных свойств

Утверждая, что в своих научных исследованиях он не обращался к магии, Апулей время от времени хитрит, или пытается сыграть на невежестве своих судей и обвинителей. Может быть, он был не так уж хорошо информирован, как пытается показать, в вопросах естествознания и оккультных наук.

Заявляя, что рыбы не используются в магических искусствах, он, насмехаясь над обвинителями, спрашивает, может быть, рыбы

имеют какие-то свойства, о которых простые люди ничего не знают, но известны колдунам, и заявляет, что, если обвинитель знает о таких свойствах, то в магии надо обвинять не Апулея, а его самого.

Он настаивает, что никогда не использовал морского зайца, но при этом описывает эту «рыбу» с большими подробностями, и это описание, как отмечают Батлер и Оуэн в своем издании «Апологии», убеждает нас в том, что это действительно — морской заяц. Говоря о двух рыбах с непристойными названиями, он высмеивает идею о том, что сходство имен говорит о сходстве свойств этих существ, а ведь именно это и утверждали колдуны и астрологи, а также те, кто верил в антипатию и симпатию среди животных.

С таким же успехом можно утверждать, что галька хороша для лечения камней, а краб — для лечения язвы, а ведь именно такие средства для этих болезней и приводятся в трудах Псевдо-Диоскура и в «Естественной истории Плиния».

Несмотря на это, Апулей всё знал

Трудно поверить, что в процитированных выше отрывках Апулей притворялся совершенным невеждой в вопросах, которые, на самом деле, были ему хорошо известны. Он, как правило, всегда был готов продемонстрировать свои знания, даже в области магии. Так, его обвинители утверждали, что один раз он околдовал заклинаниями мальчика в потайном месте, где стояли алтарь и лампа. Апулей ответил, что они забыли сказать, что он нанял мальчика ради того, чтобы он предсказал ему будущее, цитируя сказки, которые вычитал у Варрона и многих других авторов.

А сам он был готов поверить в то, что человеческая душа, особенно у тех людей, которые еще молоды и невинны, способна, если ее успокоить и отвлечь заклинаниями и ароматами, позабыть о настоящем, вновь обрести свою божественную, бессмертную природу и предсказать будущее. Зачитывая греческие термины, которые применяли греки в своих трактатах о рыбах, он высказал опасение, что обвинитель будет утверждать, что все это — магические имена, которые использовались в каком-то Египетском и Вавилонском ритуале.

После того, как Апулей упомянул имена нескольких знаменитых колдунов, обвинители подняли такой шум, что Апулей посчитал нужным уверить судью, что вычитал эти имена в благопристойных книгах, которые выдавали ему в публичных библиотеках, и что знать такие имена — это одно, а заниматься магией — совсем другое.

Отношение Апулея к астрологии

Апулей заявил на суде, что один из его обвинителей обращался к халдеям за советом, как бы ему повыгоднее выдать замуж свою дочь, и они предсказали ему, что ее первый муж умрет через несколько месяцев после свадьбы. «Что касается того, что она унаследует, то они назвали [сумму], как это они обычно делают, которая устраивала обратившегося к ним человека». Но в этом конкретном случае их предсказание не сбылось. Тем не менее, у нас возникли сомнения, стоит ли считать их ошибку во втором случае следствием простого мошенничества, а их первое удачное предсказание — следствием воздействия звезд.

Впрочем, в самых разных местах Апулей заявлял, что вера в судьбу и вера в магию — совершенно несовместимые вещи, поскольку, если всем управляет судьба, то для чар и заклинаний не остается никакого места. Но в других дошедших до нас работах Апулей говорит о небесных телах как о видимых богах, а Лаврентий Лидус даже приписывал ему астрологические трактаты.

Теория Апулея о демонах

В одном месте в «Апологии» Апулей говорит о том, что он, вслед за Платоном, верит в существование существ или сил, которые являются посредниками между богами и людьми. Они руководят всеми предсказаниями и чудесами колдунов. В трактате о боге или демоне Сократа он повторяет эту мысль и рассказывает нам поподробнее об этих посредниках или демонах. Их природный элемент — воздух, который, по мнению Апулея, распространяется до самой Луны, точно так же, как, по мнению Аристотеля, существуют животные, которые живут в огне и уничтожаются им.

Аналогичным образом, пятый элемент, этот «божественный и нерушимый» эфир, содержит в себе божественные тела звезд. У демонов и высших богов есть общее — они бессмертны, но, подобно смертным, способны поддаваться страстям и чувствам и умеют рассуждать. Но их тела очень легки и похожи на облака, что их самих удивляет.

Поскольку Плутарх и Апулей создали эссе о демонах Сократа и оба выводили, или думали, что выводят, свои идеи о демонах из теории Платона, то интересно отметить различия в этих идеях. Апулей считал, что они живут в атмосфере ниже Луны; в отличие от Плутарха, он называл их бессмертными, а не просто долгожителями; Апулей больше говорил о субстанции, из которой состоят их тела, и меньше — об их взаимоотношениях с душами, покинувшими свои тела.

Апулей в Средние века

Апулея хорошо знали в Средние века, поскольку Августин в своем «Божьем граде» использовал приведенные в «Метаморфозах» описания магии, а в «Демонах Сократа» — рассказы о демонах. Он также обсуждал Апулея в трех своих письмах, утверждая, что, несмотря на все свое магическое искусство, Апулей не добился ни верховной, ни судебной власти.

Августин сомневался, был ли Апулей действительно превращен в осла. За сто лет до этого Лактаний говорил о многих чудесах, описанных Апулеем. Однако, рукописи «Метаморфоз», «Апологии» и «Флориды» до 12-13 веков были весьма немногочисленными; об этом говорит тот факт, что все дошедшие до нас копии, по-видимому, были сделаны с одного манускрипта конца 11 века, который был написан, по-видимому, в Монте-Касино ломбардским почерком.

В статье об Апулее Паула-Виссова утверждается, что лучшие рукописные копии других его работ составляют свод, созданный в 11 веке в Брюсселе. К числу лучших относится также рукопись 12 века, хранящаяся в Мюнхене, однако, в статье ничего не говорится о манускрипте «Демона Сократа» 12 века из Британского музея. Другим свидетельством того, что в 12 веке в Англии, в Шартре и Париже имелись рукописные копии Апулея является то, что Джон из Солсбери в своем *De nugis curialium* заимствовал из *De dogmate Platonis* («Об идеях Платона»). В эпоху раннего средневековья Апулею приписывали работу о травах, о которой мы поговорим ниже.

8

«ЖИЗНЬ АПОЛЛОНИЯ ТИАНСКОГО» ФИЛОСТРАТА

Сравнение Филострата и Аполлония с Апулеем. — Источники, которые использовал Филострат. — Описываемое время и место. — На кого была рассчитана книга Филострата. Задача книги. — Обвинение Аполлония в магии. — Путаница в терминах. — Маги и магия. — Аполлоний и маги. — Филострат о колдунах. — Аполлоний и колдуны. — Мошенники и старухи. — Брамины. — Чудеса браминов. — Магические методы браминов. — Медицина браминов. — Некоторые знаки астрологии. — Интерес к естествознанию. — Природный закон или провидение? — Примеры скептицизма. — Анекдоты о животных. — Драконы Индии. — Оккультные свойства драгоценных камней. — Отсутствие числового мистицизма. — Мантика или искусство прорицания. — Способность Аполлония к прорицанию. — Сны. — Толкование предзнаменований. — Животные и прорицания. — Прорицание с помощью огня. — Другие так называемые предсказания. — Аполлоний и демоны. — Не все демоны злые. — Вера Филострата в демонов. — Призрак Ахилла. — Излечение больных и излечение мертвых. — Другие чудеса. — Почему эта птица была названа иунксом? — Аполлоний в Средние века.

Сравнение Филострата с Апулеем

Филострат был моложе Апулея лет на пятьдесят; их жизненный путь и интересы были схожи, хотя Филострат родился на острове Лемнос в Эгейском море, а не в окрестностях Карфагена, и писал на греческом, а не на латыни. Но, как и Апулей, он изучал риторику, сначала в Афинах, а потом — в Риме. Однако, у Апулея больше сходства с Аполлонием Тианским, чью жизнь описал Филострат. Интересно, что о самом Аполлонии мы знаем больше, чем об авторе его биографии.

Подобно Апулею, Аполлонию пришлось защищать самого себя в суде от обвинений в магии, и Филострат приводит тезисы его апологии. Два столетия спустя Августин в одном из своих писем называл Аполлония и Апулея примером людей, которые увлекались магическим искусством, и которые, по словам язычников, совершали более впечатляющие чудеса, чем Христос. За сто лет до Августина Лактанций заявлял, что один философ, «который изрыгнул из себя три книги против христианской религии и самого Христа»; писал, что чудеса Аполлония превосходят чудеса Христа. И Лактанций удивлялся, почему он не упомянул при этом Апулея.

Подобно Апулею, Аполлоний был широко образованным человеком, который много путешествовал и был инициирован в разные мистерии и культы. Апулей был платоником; Аполлоний — пифагорейцем. Следует также отметить черты сходства «Метаморфоз» и «Жизни Аполлония». Обе эти книги, по-видимому, были написаны на основе более ранних произведений и подробно рассказывают о трансформациях и об оккультном. Тем не менее, к «Жизни Аполлония Тианского» следует относиться гораздо серьезнее, чем к «Золотому ослу». Если книга карфагенянина является риторическим романом, включающим в себя автобиографический элемент, милетской сказкой в соединении с личным религиозным опытом, то работа Филострата — это риторическая биография с оттенком романа и большим количеством поучений.

Источники, которые использовал Филострат

Филострат написал «Жизнь Аполлония Тианского» около 217 года нашей эры, по просьбе просвещенной жены императора Септимия Севера, к литературному кругу которой он принадлежал. В руки императрицы попали неизвестные до того биографические записки Аполлония, сделанные неким Дамисом из Ниневии, который был учеником Аполлония и сопровождал его во многих путешествиях. Члены семьи Дамиса привлекли внимание императрицы к этим документам. Кое-кто из ученых склонен думать, что императрица была обманута самозванцем, однако, вряд ли кто выиграл от написания подложных мемуаров. Я также не вижу причины, почему современник Аполлония не мог высказать в слова, которые Филострат вложил в уста Дамиса и верить в их истинность; наоборот, мне кажется, что наивный, доверчивый и преданный ученик, склонный преувеличивать способности и достижения своего учителя и принимавший за истину практически все, что Аполлоний произносил ироническим тоном, или когда он выражался фигурально, как раз изобразил философа очень точно.

К этому времени были уже написаны книги об Аполлонии: одна — Максимусом из Эгеи, где философ провел часть своей жизни, а другая — Морегеном, но мемуары Дамиса содержат больше нового материала. Поэтому Филострат написал биографию, опираясь, в основном, на книгу Дамиса, используя также завещание и письма Аполлония, многие из которых собрал еще император Адриан. Он опирался также на легенды, которые рассказывали в городах и храмах. Их часто посещал Аполлоний, и Филострат не поленился их объехать.

Иногда высказывались предположения, в основном, христианскими писателями, которые стремились дискредитировать Аполлония, что Филострат, на самом деле, выдумал Дамиса и его мемуары. Но Филострат искренне описывает, какие усилия ему пришлось приложить, чтобы собрать материал для «Жизни»; он, несомненно, гораздо лучше систематизировал свои источники, чем другие древние биографы Аполлония, вроде Плутарха и Светония.

Он строго следовал своим источникам и ничего не придумывал, хотя мог, как Фукидид и другие древние историки, свободно обходиться с речами и документами, которые вкладывались в уста персонажей. И во всей своей работе, несмотря на веру в демонов и чудеса, он, время от времени, демонстрировал, что обладал умеренным и скептическим умом, по крайней мере, для своего времени.

Описываемое время и место

Аполлоний жил в первом веке нашей эры и скончался во времена правления императора Первы в очень преклонном возрасте. Таким образом, он жил на сто с лишним лет раньше, чем Филострат. Говорят, что Филострат допустил несколько ошибок в истории и географии, но не следует забывать, что ошибки в географии делали и самые прославленные историки древности, вроде Полибия, а общая картина политики императоров и их личности времен Аполлония, в целом, верна.

Это правда, что Филострат использовал такие легенды, которые стали появляться после смерти Аполлония, а также вводил свои собственные объяснения и комментарии по различным вопросам. Впрочем, нас интересуют не факты из жизни Аполлония, не события того времени, в котором он жил, а верования и суеверия, содержащиеся в книге «Жизнь Аполлония Тианского». Относились ли они к первому, второму или началу третьего века нашей эры, не суть важно. Если Дамис их записал, то Филострат принял их на веру, и существует вероятность того, что они господствовали не только в течение этих трех веков, он и задолго до них и после них. Территория, которая описана в «Жизни», столь же обширна; она охватывает всю Римскую империю, заходит временами на область кельтов и скифов и открывает для нас Эфиопию и Индию[57].

---

[57] Впрочем, историк Приол считал, что все сведения об Индии Филострат, скорее всего, получил «на этом великом рынке индийских товаров, каким была Александрия», или взял их у более древних авторов.

Аполлоний был великим путешественником, и в книге о нем имеется много интересных и познавательных мест, где описываются суда, плавания, лоцманы, купцы и морская торговля.

На кого была рассчитана книга Филострата

Если мы спросим, на кого была рассчитана «Жизнь», то ответ будет такой: на интеллектуалов и образованных людей. Сам Аполлоний был явным эллинистом. Филострат пишет, что он часто цитировал Гомера и других древних греческих авторов, а также упоминал героев древней греческой истории вроде Ликурга и Аристида. Он мечтал о возрождении и о том, чтобы погрязшие в пороках греческие города его времени вернулись к морали древних. Аполлонию было безразлично, сколько у него учеников; он не требовал от тех, что были, соблюдения всех нравственных правил, которыми руководствовался сам. Не приглашал он их и на свои беседы с мудрецами и на свои инициации в сакральные мистерии. Эта отстраненность мудреца отражена и в его биографии. Филострат в «Жизни Аполлония Тианского» вовсе не ставил перед собой задачу популяризировать его учение, а стремился оправдать его перед ученым миром.

Задача книги

Против Аполлония часто выдвигали обвинение, что он, якобы, присвоил себе мудрость незаконным путем — с помощью напряженных занятий магией. Филострат поставил задачу — вернуть его в ряды истинных философов, которые получили знания законными и достойными способами. Он утверждает, что Аполлоний был не колдуном, а выдающимся пифагорейцем, человеком широкой культуры, интеллектуалом и моральным учителем, религиозным аскетом и реформатором, вероятно, даже пророком божественной и сверхчеловеческой природы.

Сейчас христианские писатели не особенно верят в то, что Филострат писал свою «Жизнь», зная о судьбе Христа, ибо Евангелие он читал, и что его целью было создать пародию или такую книгу, которая соперничала бы с историей Христа и его учением. Во времена же Филострата эта точка зрения была распространена очень сильно. Нигде в «Жизни» Филострат не намекает даже на поверхностное знакомство с Евангелиями и еще меньше демонстрирует враждебность к ним.

Более того, христианский историк и апологет Евсевий, живший в следующем веке и читавший «Жизнь Аполлония Тианского», написал ответ на трактат, в котором Иерокл, губернатор провинции в эпоху

императора Диоклетиана, сравнил Аполлония с Христом. Евсений совершенно недвусмысленно заявлял, что Иерокл был первым, кто высказал такую идею[58].

Обвинения Аполлония в магии

Еще во время своей жизни, Аполлоний был обвинен своим соперником, философом Евстратом, в занятиях магией. Четыре книги об Аполлонии, написанные Морагеном, тоже изображают его колдуном, а Евсевий в своем ответе Иероклу, приписывает чудеса, которые совершал Аполлоний, колдовству и помощи демонов. Ранее сатирик Лукиан писал, что лже-пророк Александр в своей юности был учеником «одного из шарлатанов, которые занимались мистическими заклинаниями и магией..., уроженцем Тианы, другом великого Аполлония и знакомым со всеми его рискованными занятиями».

Путаница в терминах

Защищая своего героя от этих обвинений, Филострат сам не сумел остаться чистым. Он использовал двусмысленные определения и кое-что добавил от себя. Впрочем, такие же двусмысленные термины можно найти и в других книгах, посвященных магии. В нескольких местах Филострат отрицает причастность Аполлония к магам, но гораздо чаще оправдывает его в том, что он был гонсом. Этим словом греки называли колдуна, чародея или волшебника, и оно всегда употреблялось в осуждающем смысле. Со словом «магос» дело обстоит по-другому, как и с латинским «магус». Им могли обозначать как людей, занимавшихся черной магией, так и Магов Востока, которых греки обычно считали мудрыми и достойными людьми.

Однако, различие здесь очень тонкое, и Филострат часто путал эти понятия, а Конибер в своем английском переводе «Жизни Аполлония Тианского» допустил грубую ошибку, переведя греческое слово «магос» как *magician* (колдун) а не как «тот, кто занимается магией». Порой Конибер применял слово «колдун» к тому, кого, на самом деле, надо было бы назвать Магом. Следует также отметить, что Филострат поселил Магов в Вавилонии и Персии.

---

[58] См. Евсевий «Против Аполлония». Лактанций, вероятно, имел в виду Иерокла, когда писал о философе, который написал три книги против Христианства и заявлял, что чудеса, которые творил Аполлоний, ни в чем не уступают чудесам Христа.

Маги и магия

Начнем со слов Филострата о том, что некоторые считали Аполлония колдуном, «потому что он дружил с Магами Вавилона и браминами Индии, а также с гимнософистами Египта». Но эти люди ошибались. Ибо «Эмпедокл, Пифагор и Демокрит, хотя и поддерживали связи с магами и изрекали много своих собственных истин, все-таки не опускались до этого искусства» (то есть магии). Да и Платона, продолжает Филострат, несмотря на то, что он посещал Египет, и общался с его жрецами и пророками, никто колдуном не считал.

В этом отрывке, как мы видим, Филострат отождествляет Магов с магическим искусством, и я не уверен, что здесь слово «Маги» не должно было быть переведено как «колдун». С другой стороны то, что он считал несостоятельными обвинения Демокрита и Пифагора в магии, не согласуется с мнением Плиния, который приписывал обоим философам сильное увлечение магией.

Аполлоний и Маги

Сам Аполлоний, очевидно, не считал Магов, с которыми он встречался в Вавилоне и Сусе, колдунами. Одной из главных целей, которые он ставил перед собой, отправляясь на Восток, «было тщательное изучение их творений». Он хотел понять, действительно ли они столь мудры в божественных вещах, какими их считают. Под их руководством проводились религиозные обряды и приносились жертвы. Аполлоний не позволил Дамису сопровождать его, когда он посетил Магов в полдень, а потом — в полночь, чтобы побеседовать с ними. Аполлоний сам признавался, что узнал от них много нового, а кое-чему и сам их научил. Он сказал Дамису, что «они мудрые люди, но не во всем». Уезжая из их страны, он попросил царя отдать им те подарки, которые намеревался подарить ему. Он назвал Магов мудрыми людьми, которые преданы царю без остатка.

Филострат о колдунах

Отношение Аполлония к колдунам и колдовству было совсем иным, чем у его биографа. По мнению Филострата, колдуны — самые гнусные из людей. Они совершают насилие над природой и пытаются подчинить себе судьбу таким методами, как заклинание духов, варварские жертвоприношения, наведение порчи на других людей. Простодушные люди приписывают им большую власть, а атлеты, желающие

одержать победу в соревнованиях, владельцы лавок, мечтающие получить с покупателей побольше денег и, в особенности, любовники постоянно обращаются к ним за помощью.

Очевидно, эти люди никогда не теряют веры в них, несмотря на то, что колдунам часто не удается достичь того, о чем их просят; несмотря на то, что их методы описываются и высмеиваются в книгах, и несмотря на то, что закон и природа осуждают колдовство. Аполлоний, разумеется, не был колдуном, утверждает Филострат, потому что он никогда не противился Богиням Судьбы, а только предсказывал, что они приготовили для того или иного человека. Он получил дар пророчества не благодаря колдовству, а по божественному откровению.

Аполлоний и колдуны

Тем не менее, Филострат пишет, что другие люди часто обвиняли Аполлония в колдовстве. По этой причине в Афинах ему было запрещено участвовать в мистериях, а в Лебадее жрецы хотели изгнать его из пещеры оракула Трофония. После того, как собаки, охранявшие храм Диктинна на Крите, вместо того, чтобы облаять приближавшегося Аполлония, радостно завиляли хвостами, охранники святилища арестовали его как колдуна и человека, явившегося ограбить храм, ибо он околдовал псов, бросив им какую-то еду. Аполлонию пришлось защищаться от обвинений в колдовстве перед судом, который возглавил сам император Домициан.

Он заявил, что человека нельзя называть колдуном только потому, что он обладает даром предвидения, а ношение льняной одежды еще не доказывает, что он чародей. Колдуны остерегаются заходить в храмы и святилища; они используют ямы, вырытые в земле, чтобы вызывать богов подземного мира. Они очень жадные до денег и являются псевдофилософами. Они не обладают настоящим научным знанием, и успех их искусства зависит от глупости тех, кто к ним обращается. Они верят в то, чего не существует на свете, а в истину не верят. Они занимаются своим колдовством во тьме ночи, когда те, кто их нанял, ничего не видят и не слышат.

Домициан обвинял Аполлония в том, что он ночью принес в жертву мальчика из Аркадии, и по его внутренностям, совместно с Нервой, пытался определить, суждено ли последнему стать императором. Когда, еще до суда, Домициан собирался связать Аполлония, тот предложил ему дилемму: если он колдун, то путы с него спадут,

если же нет, то это будет подтверждением того, что он не колдун. Впрочем, это вовсе не говорит о том, что Аполлоний верил, что колдуны могут освободиться от любых пут, просто он хорошо знал, каким сильным оружием может быть ирония. «Если это так, — ответил ему Домициан, — то я прикажу держать тебя в путах до тех пор, пока ты не превратишься в дикого зверя, в воду или в дерево».

Мошенники и старухи

Очень похожими на колдунов были старухи и мошенники-врачи, которые предлагали людям индийские специи или коробочки, в которых, по их словам, находились кусочки камня, взятого с Луны или из глубины Земли. Похожи на них и прорицательницы-старухи, которые ходили с решетом в руках и обещали пастухам исцелить больную скотину. Мы также читаем о том, как Аполлоний изгнал из городов, стоявших на побережье Геллеспонта, египтян и халдеев, которые собирали деньги на жертвоприношения, заявляя, что они помогут местным жителям спастись от землетрясений, случавшихся в этих местах очень часто.

Брамины

Мы знаем, что Филострат упоминал об индийских браминах одновременно с магами Персии, подразумевая, что Аполлоний был связан с ними, и это тоже способствовало тому, что его стали считать колдуном. В другом месте Филострат противопоставляет колдунов браминам, и сразу же после осуждения чародеев и защиты Аполлония от обвинений в колдовстве, говорит, что, увидев автоматические треножники и виночерпиев, которые были созданы индусами, он не стал спрашивать, как они работают. «Это правда, что он им аплодировал, но он вовсе не думал, что сможет это повторить», но, если бы эти автоматы, подававшие людям еду или разливавшие вино, действительно появились бы в результате колдовства, то Аполлоний не стал бы им аплодировать.

Но в другом месте Аполлоний защищает знаки и чудеса, совершаемые браминами, от обвинений, которые предъявляли им гимнософисты Эфиопии, называя браминскую практику левитации актом поклонения и общения с богом Солнца. Но он говорил, что они совсем не похожи на те ритуалы, которые совершаются в глубоких рвах и ямах в честь богов поземного мира. По его мнению, эти практики характерны именно для колдунов.

Чудеса, совершаемые браминами

Тем не менее, чудеса, которые совершали брамины, так сильно напоминали магию, что становится понятно, почему Филострат упоминал их одновременно с магами и колдунами, и это оправдывает наш интерес к ним. Современная наука утверждает, что в ведических текстах средний род слова «брамин» означает «ритуал, чары, формулу, молитву» и что «каста браминов — это группа людей, которая обладает «браминой» или магической силой[59].

Молчание Аполлония о разговорах с магами Вавилона и Сусы разительно контрастирует с длинным повествованием о том, что говорили и делали индийские мудрецы, который Филострат позаимствовал у Дамиса и включил в свою книгу. Что касается самого Аполлония, то он постоянно рассказывал об этом всем. Индийские мудрецы узнали о том, что к ним едет Аполлоний, задолго до его прибытия и послали гонца, который назвал его по имени. Их вождь Иархас знал также, что Аполлоний привез для него письмо, в котором отсутствует буква дельта. Он рассказал Аполлонию о многих событиях своей жизни. «Мы видим, о Аполлоний, — говорил он, — знаки души, которые можно проследить с помощью мириада символов».

Брамины жили в крепости, скрытой от людских глаз облаками, в которой могли по своему желанию превращаться в невидимок. Скалы вдоль тропы, которая вела в их жилище, были отмечены следами ступней, лиц и спин язычников, которые пытались подняться на эту гору под руководством Диониса и Геракла, но были низвергнуты в пропасть. Здесь находился и колодец, который помогал проверить истинность клятв, а также очистительный огонь и запечатанные кувшины, в которых томились ветра и дожди.

Магические методы браминов

Когда посланец браминов приветствовал Аполлония, назвав его по имени, последний сказал изумленному Дамису: «Мы пришли к людям, которые мудры безо всякого искусства, ибо они, по-видимому,

---

[59] Дж. Э. Харрисон в своей книге «Фемида» пишет: «сам Будда считал ненужной всю систему ведических ритуалов, которая включала в себя астрологию, прорицание, наведение чар, толкование примет и ведовство, однако, в самых древних из дошедших до нас ступ, весь символизм был заимствован из жертвенного фольклора Вед». Сам Будда родился под знаком Тельца.

обладают даром предвидения». Тем не менее, многие из чудес, совершенных браминами, не обошлись без предметов и ритуалов, столь привычных для магии.

У каждого брамина был посох — или магический жезл — а также кольцо. Оба этих предмета обладали оккультными свойствами, с помощью которых брамины могли сделать все, что им было нужно. На них были священные одежды, сделанные из «шерсти, которая растет из земли (хлопок?) и которую земля не позволяет рвать никому, за исключением браминов».

Иархас также показал Аполлонию и Дамису чудесный камень под названием Пантарбе, который обладал способностью притягивать к себе другие камни. Этот камень, размером с ноготь, родившийся в земле на глубине примерно 26 футов, мог расколоть всю землю. Однако, для добычи этого камня требовалось большое умение. «Мы можем извлечь пантарбе, частично, с помощью своих дел, а частично, с помощью слов», то есть заклинаний и магических действий.

Перед тем, как исполнить обряд левитации, брамины моются и смазывают тело каким-то лекарственным средством. «Потом они выстраиваются подобно хору, с Иархом вместо дирижера и, подняв свои посохи, ударяют ими о землю, которая вздымается, подобно волне в море и возносит их в воздух на два локтя вверх». Металлические треножники и виночерпии, которые обслуживали царя страны, когда Аполлоний был в гостях у браминов, появились ниоткуда, нагруженные вином и едой, словно по волшебству.

Медицина браминов

Медицинская практика браминов была, если можно так выразиться, слегка окрашена магией. Вывихнутое бедро они исцеляли массажем, а слепых и паралитиков лечили какими-то неопределенными методами. Но один мальчик избавился от наследственного алкоголизма, жуя вареные совиные яйца; женщина, которая жаловалась на то, что ее шестнадцатилетний сын вот уже два года одержим бесом, ушла с письмом, которое содержало многочисленные угрозы и заклинания против этого демона; а другую женщину избавили от родовых мук следующим образом. Ее муж вошел в комнату, где она рожала, с живым зайцем за пазухой и, обойдя вокруг жены, выпустил его на волю.

Иархус вообще считал, что медицина появилась благодаря прорицанию и божественному откровению. Согласно его теории, Асклепий, сын Аполлона, узнал от оракулов, какие средства надо применять

для лечения той или иной болезни, в каких пропорциях надо смешивать лекарственные вещества, какие противоядия помогают при отравлениях и как использовать яды для лечения. Иначе, особенно подчеркивал он, никто не решился бы применять яды, не обладая предварительным знанием.

Некоторые знаки астрологии

В своих занятиях магией брамины, по-видимому, прибегали к астрологии. По крайней мере, Дамис утверждал, что когда Аполлоний прощался с мудрецами, Иархус подарил ему семь колец, названных в честь семи планет, которые он надевал в соответствующие дни недели. Возможно, что семь алмазных мечей, которые Иархус обнаружил еще ребенком, тоже имели какое-то отношение к планетам. Морагенес приписывал Аполлонию четыре книги, посвященные прорицанию по звездам, но Филострату не удалось найти ни одной работы Аполлония на эту тему. За исключением одной ссылки на халдеев, о которой мы уже говорили, никаких упоминаний об астрологии в Филостратовой «Жизни Аполлония Тианского» нет — и это очень удивительно, если учесть, что он писал эту книгу для двора императора Септимия Севера, создавшего Септизоний.

Интерес к естествознанию

Философ Евфрат, который, по словам Филострата, очень сильно завидовал Аполлонию, однажды посоветовал Веспасиану, в присутствии Аполлония, заняться философией природы или философией, соответствующей законам природы, но при этом держаться подальше от философов, которые тайно общаются с богами. Подобное обвинение выдвигалось против Аполлония, но не следует думать, что его мистицизм помешал ему заниматься естествознанием.

Наоборот, как пишет Филострат, он любил ходить с Дамисом по дороге, обсуждая такие природные явления как дельта Нила или приливы в устье реки Гвадалквивир. Его особенно интересовало поведение животных и свойства драгоценных камней. Веспасиан любил слушать его красочные рассказы о реках Индии и животных этой страны, а также «рассказы о том, что сообщили ему боги касательно империи». Ряд вопросов, заданных Аполлонием браминам, был посвящен природе. Он спросил их, из чего состоит мир, а когда они ответили: «Из элементов», он поинтересовался, сколько их — четыре? Брамины верили в существование пятого элемента — эфира,

из которого были сотворены боги и которым они дышат — совсем как люди воздухом.

Они также считали Вселенную живым существом. Аполлоний спросил их: «чего на Земле больше — суши или воды?» В «Жизни Аполлония Тианского» мы часто встречаемся с тем же самым отношением к научному познанию и любопытством по поводу природных сил и объектов.

Закон природы или Божье провидение?

Как мы уже говорили, Аполлоний верил в приметы и предзнаменования, и считал землетрясение в Антиохии предупреждением, которое боги посылают людям. Более того, брамины называли длительную засуху наказанием, которое боги посылали людям за их грехи. С другой стороны, Аполлллоний объяснял возникновение вулканов естественными причинами, и не верил в то, что под горой Этной находится заключенный в темницу Энцелад.

Он также не верил в миф о битве богов и титанов. А когда люди восприняли землетрясение как божье предупреждение и в ужасе молились о спасении, Аполлоний воспользовался этой возможностью, чтобы посоветовать им прекратить свои склоки. И Аполлоний, и Филострат считали предзнаменования необычными природными явлениями. Знания законов природы помогает их правильно распознавать и интерпретировать.

Когда охотники убили огромную львицу с восемью львятами в матке, Аполлоний сразу же заявил, что это — предупреждение людям, поскольку львицы приносят львят всего лишь три раза в жизни: в первый раз они рождают трех, во второй — двух и в третий — одного, но «самого крупного и наделенного сверхъестественной силой». В этом вопросе мнение Аполлония не совпадало с мнением Плиния и Аристотеля, которые считали, что львица рождает в первый раз пять львят, а каждый последующий год — на одного меньше.

Случаи проявления скептицизма

Неверие Аполлония в миф об Этне является не единственным примером его скептицизма. В Сардисе он высмеивал утверждение о том, что деревья могут быть старше земли. Он был одним из немногих ученых, которые утверждали, что лебеди петь не умеют. Он не верил в «глупую историю о том, что молодые гадючата могут родиться без матери», заявляя, что это не подтверждается ни природой, ни опытом»,

а также в сказку о том, что львята прокладывают себе путь наружу с помощью своих когтей[60].

В Индии Аполлоний видел дикого осла или единорога, из рога которого изготовляют магический сосуд для питья. Считалось, что человек, испивший из этого рога, будет на весь день защищен от болезни, ран, огня или отравы, поэтому охотиться на это животное и пить из его рога разрешалось только царю. Когда же Дамис спросил учителя, верит ли он в эту историю, мудрец с иронией ответил, что поверил бы, если бы узнал, что царь этой страны бессмертен.

Тем не менее, скептицизм Аполлония, как и других древних и средневековых мудрецов, проявлялся лишь в единичных случаях. А, быть может, его заглушила чрезмерная доверчивость Дамиса и Филострата, о чем говорит следующий пример. Иархас без обиняков заявлял Дамису и Аполлонию, что людей с вытянутыми головами и огромными ступнями, в тени которых они прячутся от Солнца, описанных Скилаксом, в Индии нет, да и во всем мире тоже. Однако в более поздней книге Филострат утверждал, что люди, прячущиеся в тени своих ступней, живут в Эфиопии[61].

Рассказы о животных

В любом случае, Филострат в своем труде чаще демонстрирует свою веру в чудеса, чем опровергает их. То же самое справедливо и для рассказов о необычном поведении животных и об интеллекте, который им приписывался. Особенно интересно читать шесть глав, посвященных замечательной мудрости слонов и их любви к людям. В этом случае Филострат, как и Плиний, воспользовался работой Юбы.

Мы снова встречаемся с рассказами о том, как больные львы поедают обезьян, о романе львицы с пантерой, о том, как сильно

---

[60] Плиний приводит в «Естественной истории» несколько отличающееся от этого народное поверье о том, что львица, будто бы, разрывает себе когтями матку и поэтому рожает всего лишь один раз. Опровергая это мнение, Плиний ссылается на Аристотеля, который писал, что львица приносит детенышей пять раз, как мы уже указывали выше.

[61] Скилакс был персидским адмиралом во времена царя Дария. Он побывал в Индии и написал о своем путешествии книгу. Однако ученые сомневаются, что дошедшая до нас книга под его именем была создана им самим, а некоторые датируют ее 4-м веком до нашей эры.

любят леопарды душистую смолу определенного дерева, а козы — коричное дерево, об обезьянах, которых люди научили собирать перец, используя их страсть к мимикрии, и о тигре, чьи чресла очень любят индийцы. «Ибо они отказываются есть другие части тела этого животного, поскольку, по их словам, сразу же после своего рождения он тянет свои передние лапы к восходящему Солнцу».

В реке Гифасис живет существо, похожее на белого червяка. Он становится мягким, если полить его жиром или маслом, которое, будучи подожженным, никогда не гаснет, и которое царь использует для поджигания стен и захвата городов[62]. В Индии живут грифоны, которые добывают золото своими мощными клювами, а также светящийся феникс, который строит свое гнездо из пряностей, а перед смертью поет, как лебедь.

Драконы Индии

Но особенно замечательны змеи или драконы, которых в Индии великое множество и которые часто достигают огромных размеров — тридцать или даже семьдесят локтей в длину. Те, которые живут на болотах, очень вялые и лишены гребней, зато те, которые обитают на холмах и в горах, движутся быстрее, чем самые стремительные реки, и имеют длинные бороды и гребни.

Драконы, живущие в долинах, вступают в схватки со слонами, которые заканчиваются смертью обоих противников, как нам сообщал Плиний. Горные драконы имеют густые бороды, крупные гребни, золотую чешую и горящий взгляд. Они зарываются в землю, производя при этом оглушительный грохот, как будто медь падает на землю, или, шипя, спускаются на берег моря и уплывают очень далеко. Они внушают ужас, но индусы укрощают их, показывая им золотые знаки, вышитые на алой ткани, или заклиная тайной мудростью. Они едят драконьи сердца и печень, чтобы научиться понимать язык и мысли животных.

Оккультные свойства драгоценных камней

Впрочем, драконов ценят, в первую очередь, за драгоценные камни, которые находят у них в головах. Чтобы добыть эти камни, индусы наводят на драконов чары, а потом быстро отрубают им головы. Зрачки глаз драконов, живущих на холмах, представляют

[62] Быть может, это греческий огонь?

собой камни, которые обладают неотразимым свойством, которое используется во многих оккультных ритуалах, а в головах горных драконов много бриллиантов ярких расцветок, которые приобретают оккультные свойства, если их расположить в виде кольца. «Говорят, что такое кольцо имели Гиги». Но много чудесных камней встречается и за пределами драконьих голов.

«Кто не знает о привычках птиц, — говорил Аполлоний Дамису во время одной из своих бесед, посвященных природным явлениям, — и о том, что орлы и аисты не строят гнезд, не положив в них камень: орел — камень под названием аэтитес, а аист — лихнитес, которые помогают им высиживать птенцов и отпугивают змей?» Расставаясь с индийским царем Фраотом, Аполлоний, как обычно, отказался принять в подарок деньги, но взял драгоценный камень, предложенный ему царем. При этом он воскликнул: «О, редкий камень, какая удача, что я тебя нашел!» Филострат высказал предположение, что он заметил какую-то оккультную и божественную силу у этого конкретного камня.

У браминов были такие огромные драгоценные камни, что из одного из них можно было вырезать кубок, достаточно вместительный, чтобы налитой в них водой могли утолить жажду четверо мужчин в самое жаркое время года. Однако об оккультных свойствах этого камня ничего не говорится. Брамин Иархас считал, что в него вселилась душа героя Ганга, сына реки Ганг, поскольку, еще будучи ребенком, знал, где надо копать землю, чтобы обнаружить семь алмазных мечей, спрятанные этим героем под землей. Вероятно, это были волшебные мечи, свойства которых, частично, проистекали из свойств алмаза — камня, из которого они были сделаны.

В «Жизни Аполлония Тианского» меньше говорится о свойствах трав, чем о свойствах камней, но индусы изготовляли любовную мазь или мазь для приворота из смолы деревьев. Неоднократно упоминаются в книге и различные лекарства и яды. Мандрагору Филострат называет снотворным средством, а вовсе не смертельно опасным ядом.

Отсутствие числового мистицизма

Несмотря на то, что Аполлоний был пифагорейцем, в его трудах на удивление мало места отводится совершенным числам и их мистическому значению. Помимо семи колец и семи мечей, о которых мы уже упоминали, пожалуй, единственным примером числового мистицизма является вопрос, заданный Аполлонием браминам. Он спросил,

имеет ли число 18 (таково было количество браминских мудрецов во время его приезда в Индию) какое-нибудь значение? Ведь это число не является квадратом и не считается особо почитаемым, как, например, десять, двенадцать или шестнадцать. Брамины ответили, что никакого особого значения это число не имеет, что количество браминов строго не фиксировано, их может быть от одного до семидесяти, в зависимости от наличия достойных этого звания людей.

Мантика или искусство прорицания

Поскольку Филострат не верил в то, что Аполлоний был колдуном, он не наделял его в своей книге даром прорицания, властью над демонами и тайной мудростью. Он представил его как мудреца, который обладает врожденным даром пророчества или божественного откровения, поскольку мантика или искусство прорицания в Индии не подвергалось проклятию, как, например, ведовство. Брамин Иархус говорил, что те люди, которые занимаются прорицанием, становятся, благодаря этому, божественными людьми и делают жизнь других людей более безопасной.

Сам Аполлоний, называя колдунов псевдо-мудрецами, делал исключение для прорицателей, заявляя, что если их предсказания сбываются, то это уже не лже-наука, хотя и не мог сказать, является ли это искусством или нет. Когда его допрашивал Тигеллин, любимец Нерона, Аполлоний заявил, что прорицанием не занимается. Тигеллин преследовал философов на том основании, что они, якобы увлекаются прорицанием. Судьи, обвинившие Аполлония от имени Домициана, снова вменили ему в вину занятия прорицанием — они считали это доказательством того, что он был колдуном.

Способность Аполлония предсказывать будущее

Если Аполлоний не занимался колдовством или мантике, то возникает вопрос — как же ему удавалось предсказывать будущее? Во время суда, стоя перед Домицианом, он не отрицал, что сумел предсказать эпидемию чумы в Эфесе, но объяснял свое «ощущение надвигающейся опасности» тем, что в ту пору очень скудно питался. Это обострило все его чувства и позволило, словно в чистом зеркале, увидеть «все, что происходило или должно было произойти». Ибо он был наделен способностью узнавать о далеких событиях в тот момент, когда они происходили, а также знанием будущих событий.

Так, в Эфесе, он сразу же узнал об убийстве Домициана в Риме[63], а в Тарсусе, хотя и приехал в этот город уже после того, как бешеная собака покусала мальчика, он смог описать и найти эту собаку.

Иархус сказал Аполлонию, что для прорицания необходимы здоровье и чистота. Сам Аполлоний, рассказывая о своей жизни мудрецам Египта, сообщил им, что как-то раз перед ним появилась пифагорейская философия и сказала: «А когда ты очистишься, я подарю тебе способность предсказывать будущее».

Сны

Аполлоний часто получал предупреждения во сне. Когда ему приснилась рыба, выброшенная на берег и обратившаяся к проплывавшему мимо дельфину с просьбой о помощи, он понял, что должен посетить и восстановить могилы эритрейцев, которых Дарий взял в плен и привез в персидское царство более пяти столетий назад, и оказать помощь их потомкам. Другой сон он истолковал, как приказ посетить Крит. Когда Домиицан обвинил его в том, что он ходит в льняной одежде, Аполлоний сказал: «Это — чистая ткань, в которой надо спать ночью, поскольку тем, кто живет также как и я, сны приносят самые истинные откровения». Впрочем, не одному ему снились вещие сны, и когда некоторые из его последователей, испугавшись гнева Нерона, отказались ехать вместе с Аполлонием в Рим, они сослались на то, что получили предупреждение во сне.

Толкование предзнаменований

Люди знали, что Аполлоний не только видит вещие сны, но и умеет их правильно истолковать. Он также умело объяснял и значение предзнаменований. Узнав о мертвой львице с восемью нерожденными львятами, он объявил, что это знак того, что им надо прожить в этих краях еще год и восемь месяцев. Когда же Дамис возразил, что Гомер интерпретировал весть о том, что змея утащила из гнезда воробья

[63] Историк Дио Кассий, современник Филострата, тоже утверждает, что Аполлоний в Эфесе объявил об убийстве Домициана и даже назвал имя его убийцы в тот самый момент, как все это случилось. Его рассказ очень сильно отличается от рассказа Филострата, поэтому мы можем быть уверены, что Кассий не списал его у философа. Он заканчивает свою историю такими словами: «Так это все и было, появись хоть десять тысяч сомневающихся.

и восемь его птенцов как знак того, что Троянская война продлится 9 лет, Аполлоний ответил, что те птенцы уже вылупились, а нерожденные львята не могут олицетворять полные года. В другой раз он истолковал рождение ребенка с тремя головами, как знак того, что в этом году сменятся три императора.

Животные и прорицание

Подобные толкования снов и предзнаменований означают, что Аполлоний обладал, скорее, искусством прорицания, чем познанием будущего с помощью прямого божественного откровения. Это подтверждается рассказом о том, как Аполлоний защитил себя перед Домицианом, который обвинил его в том, что он, ради предсказания будущего, принес в жертву мальчика. Он заявил, что для прорицания человеческие внутренности не годятся, лучше брать внутренности животных, поскольку животные испытывают меньший ужас перед надвигающейся смертью. Сам Аполлоний не приносил в жертву животных, он развил свою способность предсказывать будущее, когда жил среди арабских племен. Здесь он научился понимать язык животных и слушать птиц, которые предсказывают будущее. Арабы получили эту способность благодаря тому, что они едят — одни говорят — сердца, а другие — печень драконов. Этот факт дал возможность историку церкви Евсевию обвинить Аполлония в нарушении своего обета не есть плоть животных.

Предсказание будущего с помощью огня

Хотя Аполлоний не приносил в жертву животных, и рассматривая их внутренности, не делал прогнозов на будущее, он занимался практиками, сходными с искусством огнепоклонников. Он бросал в жертвенный огонь горсть ладана, произнося при этом молитву Солнцу, и смотрел, как завивается дым, как он рассеивается и во скольких местах поднимается. С помощью этого он постигал смысл огня и делал вывод, предвещает ли он что-то хорошее и чистое или наоборот. Он снова посетил египетский храм и принес в жертву фигурку, сделанную из ладана. Кроме того, он сказал жрецу, что если тот действительно разбирается в науке прорицания с помощью огня, то может увидеть много вещей в круге восходящего Солнца.

Другие, так называемые предсказания

Следует отметить, что только очень горячий почитатель Аполлония или человек, столь же искренне верящий в предсказания, может

увидеть нечто пророческое в ряде случайных замечаний мудреца, которые выдавались за прорицание. В Эфесе Аполллоний, на самом деле, не предсказал чуму, поскольку она пришла в город еще до его появления, если верить рассказу Филострата. Аполлоний, скорее, посоветовал людям, какие меры надо предпринять, чтобы отдельные случаи не переросли в настоящую эпидемию.

Приехав на Коринфский перешеек, он заявил, что через него попытаются прорыть канал, однако, эта мысль уже приходила в голову многим людям. Потом Аполлоний произнес, что построить канал не удастся. Эта трезвая, но, в некотором роде, противоречивая оценка положения вещей вскоре подтвердилась. Император Нерон действительно приказал прорыть канал, но он так и остался незаконченным.

Другое, столь же двусмысленное, предсказание Аполлоний изрек во время затмения Солнца, которое сопровождалось ударом грома. «Это предвещает великое событие, — произнес философ, — которого, на самом деле, не будет». Считают, что это пророчество сбылось через три дня, когда ударом грома из рук Нерона выбило чашу с вином, но сам император не пострадал. Однажды Аполлоний спас свою жизнь, пересев с одного судна на другое. Вскоре пришло известие, что этот корабль утонул.

Более конкретным было предсказание, связанное с консулом Элианом. Когда он служил трибуном при Веспасиане, Аполлоний отвел его в сторону и, назвав по имени и сообщив, откуда он родом и кем были его родители, произнес, что Элиан займет должность, которую многие считают самой почетной в государстве. Однако, Элиан мог преувеличить, рассказывая об этом прорицании, или Аполлоний уже понимал, что тот вскоре займет должность консула.

Аполлоний и демоны

Способность к прорицанию помогала Аполлонию ощущать присутствие и влияние демонов и фантомов, привычки которых он изучил столь же хорошо, как и язык птиц. Будучи в Эфесе, он заявил, что чуму в город занес нищий старик в лохмотьях, которого он велел забить камнями. Услышав этот приказ, нищий так яростно сверкнул глазами, что Аполлоний сразу понял, что это демон. После того, как были убраны камни, которыми его убили, люди увидели размочаленное тело огромного пса, из пасти которого продолжала идти пена, как у бешеных собак.

Позже, когда Домициан обвинил его в занятиях магией, Аполлоний предложил императору наедине расспросить его о причинах

эпидемии в Эфесе, которые были слишком сложными, чтобы обсуждать их при людях. А еще раньше, во время правления Нерона, когда Тигеллин спросил философа, каким образом он прогоняет демонов и привидения, тот уклонился от ответа, бросив ядовитое замечание по адресу Тигеллина.

Однако, один раз он все-таки рассказал, что ему удалось избавиться от привидения, обругав его последними словами. Сатира, которого никто не видел, но который носился, буйствуя, по всему лагерю и мешал людям спать, Аполлон прогнал таким способом. Он приказал наполнить лохань вином и заставил демона выпить это вино. Когда лохань опустела, Аполлоний отвел своих товарищей в пещеру, где обитали нимфы, и они увидели пьяного сатира, спавшего беспробудным сном.

Он также исправил характер распущенного юноши, изгнав из него демона, а в Коринфе разоблачил вампиршу в образе прекрасной богатой дамы, которая откармливала красивого юношу, чтобы потом полакомиться его кровью. Возвращаясь домой из Индии, Аполлоний миновал священный остров, где жила морская нимфа или демон в женском обличье, которая губила моряков не хуже Сциллы или сирен.

Не все демоны злые

Но не всегда словом «демон» Филострат обозначал злого духа. Мать Аполлония была извещена о том, что у нее родится сын, Протеем в виде египетского Демона. Дамис начал считать самого Аполлония демоном и поклоняться ему как демону после того, как философ признался ему в том, что понимает не только все человеческие языки, но и те вещи, о которых люди предпочитают молчать. В письме к Евфрату Аполлоний утверждал, что премудрых пифагорейцев надо относить к разряду демонов. Когда Домициан впервые увидел Аполлония, он сказал, что философ очень похож на демона, на что тот ответил, что император не умеет отличать людей от демонов.

Вера Филострата в демонов

Филострат привел свое доказательство существования демонов, хотя его нельзя назвать очень убедительным. Рассказав историю о сатире, он пишет, что не надо проявлять неверие в существование демонов и сомневаться в том, что они могут заниматься любовью. Читатели должны верить в то, что подтверждено опытом и словами Филострата. Он знавал в Лемносе юношу, одного с ним возраста, о

матери которого ходили слухи, будто бы ее посещает сатир; так оно, вероятно, и было, поскольку он надевал на себя шкуру фавна, обвязывая его передними лапами свою шею.

Призрак Ахилла

Аполлоний беседовал с призраком Ахилла, а это свидетельствует о том, что он занимался еще и некромантией. Он отослал своих спутников на корабль, а сам провел ночь на могиле героя. Но он никому не рассказывал, что он там видел, пока любопытный Дамис не начал задавать ему вопросы. Тогда Аполлоний признался, что его способ вызывать мертвых не был похож на метод Одиссея. Он молился на могиле героя точно также, как молятся своим героям индусы. В ответ на его молитвы земля затряслась, и пред ним появился Ахилл. Сначала его рост был равен пяти локтям, но потом постепенно увеличился до 12 локтей. Когда утром прокричал петух, Ахилл мгновенно исчез.

Излечение больных и воскрешение мертвых

Аполлоний, как и брамины, умел лечить некоторые болезни. Один раз ему попался мальчик, которого укусила бешеная собака, и который стал вести себя так, будто сам превратился в собаку: лаял, рычал и ходил на четвереньках. Аполлоний сначала отыскал и успокоил покусавшего мальчика пса, а потом дал ему полизать рану. Это гомеопатическое лечение помогло мальчику выздороветь. Оставалось теперь вылечить собаку, и философ добился этого, помолившись у ближайшей реки и заставив пса ее переплыть. «Ибо, — заключает Филострат, — глоток воды излечивает бешеную собаку, если вам, конечно, удастся заставить ее пить».

Современный читатель, конечно, уже догадался, что собака не была бешеной и что Аполлоний вылечил мальчика с помощью той же силы, которая и вызвала его болезнь — силы самовнушения. Аполлонию однажды удалось оживить девушку, которую уже принесли на кладбище. Он дотронулся до нее и что-то сказал, но Филострат честно признается, что не знает, действительно ли эта девушка была мертва. Скорее всего, Аполлоний заметил в ней признаки жизни, которые укрылись от глаз других.

Другие чудеса

Когда Аполлоний предстал перед Тигеллином, свиток, на котором были записаны пункты выдвинутых против него обвинений, вдруг

сделался совершенно чистым. Развернув его, Тигеллин был поражен. В тот и в другой раз, когда Аполлоний представал перед Домицианом, он признался, что его невозможно связать или убить против его воли. Первое он продемонстрировал Дамису, когда тот навестил его в тюрьме — Аполлоний неожиданно высвободил ногу из пут, а потом снова вернул ее туда. Дамис приписал это божественному чуду, поскольку учитель продемонстрировал этот трюк без каких-либо магических ритуалов или заклинаний.

Позже, когда философа заточили в тюрьму на Крите, он бежал оттуда около полуночи, сбросив с себя оковы. Филострат утверждал, что он сумел чудесным образом исчезнуть из комнаты Домициана, а иногда перемещался из одного места в другое за невероятно короткое время.

Когда Аполлоний умер, Дамис стал сомневаться, а действительно ли он скончался? Однако мы видели, что, по свидетельству Дамиса и Филострата, многие из чудес и предсказаний Аполлония не были «безыскусными», а строились на достижениях тогдашней медицины и естествознания, на искусстве прорицания, на применении приемов, очень похожих на магические, а также на использовании сил и материалов, которые были ему недоступны: оккультных свойств природы, а также заклинаний, ритуалов и церемоний.

Золотые вертишейки или иунксы

Но достаточно об Аполлонии и его магии. В «Жизни» содержатся интересные сведения об иунксе или вертишейке, которые проливают свет, как эта птица использовалась в греческой магии. О ней упоминали слишком редко и не всегда правильно толковали ее роль[64].

Вертишейка пользовалась у греческих магов такой большой популярностью, о чем свидетельствуют упоминания о ней в книгах Пиндара и Теокрита, что слово «иункс» иногда употребляли как синоним заклинаний или наведения чар в целом, или же применяли его в переносном смысле, говоря об этих процедурах. Филострат тоже применяет его в этом смысле, утверждая, что гимнософисты обвиняли браминов «в воздействии на толпу с помощью различных чар (или иунксов)».

---

[64] Например, А. Б. Кук в своей книге «Зевс» утверждает, что иункс — это солнечное колесо, а вовсе не птица. Но изображения птицы иункса встречается на нескольких поздних греческих вазах; магические колеса тоже там присутствуют, но их никто не называл иунксами.

Однако, в другом месте он давал понять, что вертишейку до сих пор используют как магическую птицу. Описывая царский дворец в Вавилоне, он говорит, что маги развесили под потолком судебного зала фигурки четырех золотых вертишеек. Они сами настроили их и назвали языками богов. Эти птицы должны были напоминать царю о том, что существует божественный суд, и о том, чтобы он не ставил себя выше других людей.

Золотые вертишейки висели также в храме Пифии в Дельфах, поскольку, по мнению некоторых, они обладали некоторыми свойствами Сирен или, как перевел эту фразу А. Б. Кук, «должны были стать эхом убедительных ноток в голосах Сирен». Эти два отрывка свидетельствуют о том, что маги применяли механических птиц из золота, которые пели и двигались, словно по волшебству. Греческий математик Герон, в разделе, посвященном механическим устройствам, которые применялись в храмах, рассказывает, как, с помощью колеса, заставить птицу поворачиваться вокруг своей оси и свистеть.

Почему эту птицу назвали иунксом?

Именно это и делает вертишейка — «чудесным образом поворачивает голову и шею» и издает шипящие звуки. Песенка этой птицы «кью, кью, кью» повторяется много раз, сначала быстро, а потом все медленней и медленней, пока, наконец, совсем не умолкнет. Поэтому предполагается, что английское и русское название этой птички произошло от ее умения поворачивать голову назад, а греческое (по мнению автора этой книги) — от звуков, которые она издает. Звуки «кью» и «инкс», повторенные много раз очень быстро, могут звучать одинаково.

Аполлоний в Средние века

Имя Аполлония в Средние века продолжали ассоциировать с магией. Во многих манускриптах того времени находим трактат Аполлония «Золотые цветы», который был посвящен искусству волшебства. В начале 14 века Чекко д'Асколи цитировал «Книгу магического искусства» Аполлония, а также его трактат о духах «De angelica factione». В 1412 году Амплоний включил в каталог своих манускриптов «книгу Аполлония, колдуна и философа, которая называется «Элизинус». В средневековых манускриптах Аполлонию также приписывали работы о причинах и свойствах вещей. Называли также некоего Баленуса или Беленуса, которому приписывали труды по астрологическим изображениям и печатям, но это, вероятно, искаженное написание имени «Аполлоний».

9

ЛИТЕРАТУРНАЯ И ФИЛОСОФСКАЯ КРИТИКА СУЕВЕРИЙ

Авторы, которым посвящена эта глава. — Их точка зрения. — «О прорицании»: аргумент Квинтия. — Критика древних авторов Цицероном. — Отличие прорицания от естествознания. — Ложный метод. — Он требует нарушения законов природы. — Цицерон и астрология. — Жестокий исторический критицизм Цицерона. — Фаворин против астрологов. — Секст Эмпирик. — «Луций или Осел»: был ли автором этой книги Лукиан? — Жизнь Лукиана. — «Лжепророк Александр». — Высмеивание магических методов лечения. — Заклинание змей. — Гиперборейский волшебник. — Истории о приведениях. — Колдун Панкрат. — Легковерие и скептицизм. — «Менипп или некромантия». — Астрологическое толкование греческого мифа. — История и защита астрологии. — Лукиан не всегда был настроен скептически. — Лукиан и медицина. — Неизбежное переплетение скептицизма и суеверия. — Лукиан о том, как надо писать исторические книги.

Авторы, которым посвящена эта глава

Отметив большую долю магии, которая присутствовала в ведущих работах по естествознанию в начале существования Римской империи и в общей литературе этого периода, будет справедливо отметить и существовавшую в ту пору резкую критику суеверий. Начнем с последних лет Республики. Самым лучшим примером этой критики служит трактат Цицерона «О прорицании».

Подобно тому, как Плиний в «Естествознании», в основном, опирался на работы более древних греческих ученых, не все аргументы Цицерона против прорицания были придуманы им самим. Также, как его ранние философские работы, в основном, покоятся на трудах греков, так и нападки на прорицателей, по-видимому, строились на трудах Клитомаха и Панаэтия, философов Новой Академии и Стоической школы, процветавших во втором веке до н.э. в Карфагене, на острове Родос и Риме, соответственно.

Далее мы кратко остановимся на критике Фаворином астрологов и астрологии. Фаворин был риториком из Галлии, который жил в Риме при императоре Адриане. Он был другом Плутарха; его аргументы против астрологов дошли до нас в «Аттических ночах» Аула Гелия и в трудах Секста Эмпирика, философа-скептика, создававшего свои

произведения около 200 года. И, наконец, рассмотрим сатирическое изображения различных суеверий своего времени у Лукиана.

Их точка зрения

Следует отметить, что ни один из названных критиков магии, если можно считать их таковыми, не занимался одним только естествознанием. Цицерон, Лукиан и Фаворин были, в первую очередь, писателями и риториками. Все четверо рассматривали магию с более или менее профессиональной точки зрения, в которой господствовал скептицизм по отношению ко всем вопросам философии, а не только к одним суевериям.

Так, атака Секста Эмпирика на астрологию содержится в работе, направленной против процесса познания в целом. В ней он нападет на грамматиков, риториков, геометров, арифметиков, студентов, изучающих музыку, логику, физику, этику, а не только на составителей гороскопов.

Аул Геллий сомневался, стоит ли принимать аргументы Фаворина против астрологов всерьез. Он пишет, что слышал речь Фаворина, основные положения которой приводит в своей работе, но не может определить, действительно ли философ именно так и думает, или спорит просто из желании потренироваться в произнесении речей или продемонстрировать, какой он умный. И для этого у Аула Геллия была весомая причина, поскольку Фаворин очень любил произносить речи о Терсите или четырехдневной малярии.

«О прорицании»: аргумент Квинтия

Трактат «О прорицании» написан в форме воображаемого разговора или, скорее, неформальной беседы, которую вели между собой автор и его брат Квинтий. В первой книге Квинтий, довольно небрежно, изредка повторяясь, изо всех сил восхваляет искусство прорицания, приводя много примеров предсказаний в древние времена. Во второй книге Туллий, снисходительным тоном разбивает в пух и прах аргументы своего брата, который с радостной готовностью соглашается с его доводами.

В целом, главным аргументом Квинтия было обращение к прошлому. Какой народ и какое государство не верит в ту или иную форму прорицания? «Ибо, до откровений философии, которая появилась совсем недавно, общественное мнение не сомневалось в истинности этого искусства; а после возникновения философии, ни один уважающий себя философ не думал иначе. Я упоминал о Пифагоре,

Демокрите и Сократе. Я не исключил ни одного древнего философа, кроме Ксенофанта. Я добавил Старую Академию, перипатетиков, стоиков. Один Эпикур придерживался иной точки зрения».

Квинтий завершает свои аргументы, доказывающие истинность прорицания, искренним признанием в том, что он против колдунов или тех, кто предсказывает будущее ради обогащения, а также практику опроса душ умерших — чем, пишет он, любил заниматься друг его брата Аппий.

Критика древних авторов Цицероном

Когда пришел черед говорить Туллию, он грубо высмеял аргументы брата, основанные на традиционных верованиях. «Я думаю, что философу не подобает полагаться на свидетелей, которые правы лишь частично, и часто намерено говорят неправду или обманывают. Он должен показать, почему вещь такова, как она есть, с помощью аргументов и рассуждения, а не с помощью (ссылки) на события, особенно те, в которые я не верю». «Древние, — позже заявляет Цицерон, — очень часто ошибались». То, что искусство прорицания существовало во все времена у всех народов, для него не аргумент. Самая распространенная вещь на земле — это невежество.

Отличие прорицания от естествознания

Оба брата согласны в том, что прорицание — это отдельная дисциплина, отличающаяся от естествознания и даже прикладных наук. Квинтий утверждал, что врачи, лоцманы и крестьяне умеют предсказывать многие события, но это не является прорицанием. «Даже Фересида, этого знаменитого пифагорейца, который предсказал землетрясение, увидев что колодец, в котором всегда было много воды, стал сухим, нельзя назвать пророком. Он, скорее, физик».

Туллий идет еще дальше — он заявляет, что больной ищет врача, а не ясновидящего; что прорицатели не могут научить нас астрономии; что никто не обращается к ним с философскими проблемами или с этическими вопросами; что они не могут просветить нас по естественным вопросам вселенной, и что они не знают логики, диалектики или политической науки». Как точно он подметил независимость естествознания и медицины, а также других искусств и конструктивных форм познания от методов прорицания!

Но, как нам уже показали Плиний, Гален и Птолемей, людям легче высказаться по общим вопросам теории, чем привести доказательства,

основанные на практическом опыте. Тем не менее, область прорицания сильно сужается, когда Цицерон говорит своему брату: «Ибо те вещи, которые можно предвидеть заранее, опираясь на искусство, рассуждения, опыт, или догадку, мы считаем делом не пророков, а ученых». Однако, остается открытым вопрос: может ли «наука» предсказывать крупные события?

Ложный метод

Цицерон называет методы и допущения пророков ненаучными и противоречащими разуму. Почему, спрашивает он, Калхас, рассмотрев внутренности воробьев, сделал вывод о том, что Троянская война продлится десять лет, а не десять недель или десять месяцев? Он указывает, что ритуал прорицания в разных местах совершается по-разному; дело доходит до того, что в одном месте одна примета считается дурной, а в другом — наоборот, хорошей. Цицерон отказывается верить в то, что между вещами существуют какие-то сверхъестественные узы симпатии, которые наш повседневный опыт и наши знания о законах природы совсем не подтверждают.

Что общего, спрашивает он, какие причинные связи существуют между печенью, сердцем и легкими жирного быка и вечной, божественной первопричиной, которая управляет вселенной?» «То, что нечто определенное может проявляться в неопределенном — разве это не то, с чем ученые согласятся лишь в самую последнюю очередь?»

Цицерон отказывается признавать сны каналом для природного прорицания и божественного откровения. Сивиллины книги, как и предсказания большей части оракулов — весьма туманны, и являются очевидным продуктом человеческой изобретательности.

Он требует нарушения законов природы

Более того, прорицание подразумевает существование явлений, которые отрицает наука. В такую ерунду, с пренебрежением заявляет Цицерон, как утверждение, будто сердце исчезает из тела жертвы, не верят в наши дни даже старухи. Как может сердце исчезнуть из тела? Оно, несомненно, находится там в течение всей жизни, как же оно может испариться оттуда в считанные мгновения? «Поверьте мне, защищая подходы к крепости, философии, вы теряете ее саму. Ибо в своей попытке доказать, что ясновидение существует, вы переворачиваете всю философию с ног на голову... Ибо должно быть нечто, что-либо появляется ниоткуда, либо неожиданно исчезает не известно куда.

Какой ученый согласится с этим? Так говорят ясновидящие? Неужели вы думаете, что их словам может быть больше веры, чем словам ученых?» Цицерон приводит и другие аргументы против прорицания. Какой смысл узнавать о том, что произойдет в будущем, если этого никак нельзя будет избежать? И станем ли мы счастливее, если узнаем что ждет нас впереди? Наверное, лучше об этом не знать. Но самый главный аргумент Цицерона заключается в том, что прорицание — не научно.

Цицерон и астрология

Критика Цицерона была направлена, в основном, на предсказание будущего по печени убитых животных и аналогичные методы, но он посвящает несколько глав и доктринам халдеев. Они утверждают, что созвездия, образующие Зодиак, обладают определенной силой; что между человеком и положением звезд и планет в момент его рождения существует симпатическая связь, которая определяет его характер и все события его жизни.

Стоик Диоген ограничивал влияние звезд лишь склонностями и призванием человека, но Цицерон полагал, что даже в этом он зашел слишком далеко. Он полагал, что идеи халдеев неверны из-за гигантского расстояния между различными планетами. Он также не разделял их убеждения о том, что все люди, родившиеся в один и тот же момент, схожи по характеру, невзирая на горизонт и различное состояние неба в различных местах. Птолемей в это не верил, да и многие астрологи тоже.

Цицерон задает вопрос: неужели все воины, погибшие в битве при Каннах, родились под одной звездой, и как получилось, что на свете был всего один Гомер, хотя одновременно с ним родилось несколько человек? Одним из самых убедительных его аргументов служило различие в судьбах близнецов.

Он критикует также обычай, с которым мы встретимся и в Средние века, — обращаться к астрологам за предсказанием судьбы городов. Цицерон говорит также, что, если бы все животные были подвержены влиянию звезд, то и неодушевленные предметы тоже, а ведь нет ничего более абсурдного, чем это!

Это говорит о том, что Цицерон вряд ли разделял фундаментальную гипотезу Средневековой науки, которая гласила, что все низшие существа тоже находятся под влиянием небесных тел, их движения и света. В любом случае, все его аргументы направлены против гороскопов.

Что касается влияния планет на человека, то он допускал, что оно существует, по крайней мере, в других трактатах, ибо в «Мечте

Сципиона» он говорит, что Юпитер — это звезда, благоприятная для человеческой расы, зато Марс — самый неблагоприятный. Более того, он считал числа «семь» и «восемь» совершенными и говорил о числе 56, получаемом при их умножении, как о фатальном в жизни Сципиона. Кстати, в качестве примера того, что Цицерон не всегда был настроен скептически, скажем, что именно у Цицерона Плиний прочитал о человеке, который обладал способностью видеть на сто тридцать пять миль.

Жестокий исторический критицизм Цицерона

Столь очевидная непоследовательность является, вероятно, признаком определенного эклектизма, к которому был склонен этот философ. Мы испытываем нечто вроде шока, хотя, вероятно, удивляться тут особо нечему, когда читаем в его «Республике» заявление о том, что возвышение Ромула и его апофеоз является историческим фактом. Это все равно, что профессор естествознания в религиозном колледже будет утверждать, что воскрешение Христа произошло на самом деле.

Хотя в трактате «О прорицании» Цицерон с пренебрежением отбрасывает в сторону показания целой толпы свидетелей и большинства философов в пользу прорицания, он теперь говорит, что идея о том, что Ромул стал богом «не стало бы всеобщим, если бы не было проявлением его необыкновенной власти». «Это тем более замечательно, потому что другие люди, которые, как утверждают многие, превратились в богов, жили в менее просвещенные времена, когда разум человеческий был склонен к выдумкам, а неопытных людей можно было легко ввести в заблуждение» в то время, как Ромул жил всего 6 веков назад, когда литература и наука уже развились до такой степени, что могли устранить все ошибки, и когда в «Греции было уже множество поэтов и музыкантов, и в легенды уже мало кто верил, если они, конечно, не относились к глубокой древности».

Тем не менее, через несколько глав Цицерон отмечает, что Нума не мог быть учеником Пифагора, поскольку последний приехал в Италию через 140 лет после его смерти, а в третьей главе Лаэмий отмечает, что «что царь был действительно прославлен, но история Римской империи темна, ибо, хотя нам известна мать этого царя, мы не знаем, кем был его отец» На это Сципион ответил ему: «Это так; но в те времена было достаточно записывать лишь имена царей» Мы можем только воскликнуть: «Непостоянство, ты прекрасно!»

Флаворин против астрологов

Флаворин считал, что гороскопы придумали не древние халдеи, а мнимые чудотворцы, мошенники и обманщики более поздних эпох. Он считал, что, на основе влияния Луны на приливы нельзя делать вывод, что все случаи в нашей повседневной жизни определяются положением звезд. Он говорил также, что халдеи записывали результаты своих астрологических наблюдений, которые соответствовали той географической широте, в которой они жили; что для создания какой-либо астрономической системы, необходимо проводить эти наблюдения в течение длительного времени, поскольку звезда возвращается в свое прежнее положение через многие годы.

Подобно Цицерону, Флаворин, вероятно, плохо понимал методы астрологии, жалуясь, что гороскопы не учитывают того, что разные созвездия оказывают разное влияние на разные области Земли. Он высказывал предположение, что во Вселенной существуют другие звезды, равные по своей силе планетам, которых человек не видит из-за того, что они слишком ярко сияют или находятся очень далеко. Он также говорил, что положение звезд в момент зачатия и в момент рождения близнецов можно объяснить тем фактом, что они рождаются не в одно и то же время, время рождения и положение звезд при этом должно определяться с такой точностью, которая практически недостижима.

Он также считал, что человеческие существа не способны предсказывать будущее. Не только события, которые происходят в результате воздействия извне, но и то, что он делает по своей воле, не могут происходить под влиянием звезд. Эти два аргумента — о божественной воле и свободном человеческом выборе станут самыми любимыми идеями христианства.

Флаворин указывал, что астрологи способны предвидеть великие события, вроде сражений, но не могут предсказать совсем незначительные, и говорил, что они могут поздравить себя с тем, что он не спрашивает их, какое влияние оказывают звезды на крошечных животных. Этот вопрос и другой — почему изо всех великих творений природы астрологов интересует лишь судьба людей, свидетельствует о том, что, подобно Цицерону, Флаворин не понимал, что астрология была и должна была стать теорией, применимой ко всей природе, а не только к человеку.

Секст Эмпирик

К аргументам против гороскопов, гласящих, что люди, умершие одновременно, родились в одно и то же время, и что люди, родившиеся

одновременно, имеют разные характеры или судьбу, Секст Эмпирик добавляет каверзный вопрос: «Суждена ли человеку и ослу, которые родились в одну и ту же минуту, одинаковая судьба?» Птолемей, конечно же, ответил бы так: да, в обоих случаях влияние звезд одинаково, но воспринимают они его по-разному.

Кроме того, вопрос Секста свидетельствует о том, что он плохо разбирался в астрологии. Он пытался применить идею о свободной воле к астрологической теории, но не сумел сделать это правильно. Главное, что он отметил — это то, что даже если звезды и управляют человеческой судьбой, их влияние нельзя измерить с большой точностью. Он подчеркивает, как трудно точно определить время рождения или зачатия, или тот самый момент, когда звезда переходит в другой знак Зодиака.

Он говорит о ненадежности и неточности водяных часов. Он подчеркивает, что наблюдатели, живущие на разной высоте и в разных местах, могут прийти к различным выводам. На результаты также влияет острота зрения; очень трудно также точно определить момент, когда Солнце скрывается за горизонтом или заходит звезда — из-за отражения или рефракции лучей света.

Таким образом, Секст оставляет нас в сомнениях — стоит ли воспринимать его аргументы как критику астрологии, фундаментальные принципы которой он про себя считает практически неопровержимыми, или просто пытается доказать, что его выводы справедливы, выставив астрологию в виде непрактичного и неразумного занятия. В любом случае, следует отметить, что его довод о том, что влияние звезд точно измерить нельзя, был использован христианскими авторами.

«Луций» или «Осел» — был ли автором этой книги Лукиан?

Главным содержанием «Метаморфоз» Апулея, если убрать многочисленные вспомогательные истории, был религиозный мистицизм. Краткая книга, основанная на автобиографическом материале, написанная на греческом языке и называвшаяся «Луций» или «Осел», считалась произведением Лукиана из Самосаты, который был современником Апулея и прославился как сатирик.

В наши дни она считается поддельной, поскольку стиль изложения отличается от стиля Лукиана, а язык далек от аттического греческого языка. Рассказ лишен живописных подробностей, если сравнить с богатейшей фантазией Апулея, и не содержит чудесных и романтических деталей, которыми изобилует книга карфагенянина. Плотий,

Константинопольский патриарх, живший в 9 веке, считал, что Лукиан написал эту книгу, чтобы высмеять глупые суеверия. Так ли было с «Ослом» — мы не знаем, но в других сатирах, в подлинности которых никто не сомневается, Лукиан высмеивает магические ритуалы и псевдонауку своего времени. Там, где его африканский современник использует искренний юмор и богатые плоды своего воображения, доверчиво приветствуя магию и оккультные науки своего времени, сатирик из Сирии подвергает их холодным насмешкам своего острого, скептического ума.

Жизнь Лукиана

Лукиан родился в Самосате, неподалеку от Антиохии около 120 или 125 года нашей эры и, после неудачной попытки стать подмастерьем скульптора, обратился к литературе и философии. Некоторое время он выступал в суде Антиохии, а также писал речи для других. Значительную часть своей жизни он странствовал по Средиземноморскому миру, от Пафлагонии до Галлии в качестве риторика, и, подобно Апулею, жил в Афинах и Риме.

Когда ему исполнилось 40 лет, он перестал преподавать риторику и посвятил себя литературному труду, живя в Афинах. Ближе к концу жизни, «когда он уже одной ногой стоял в лодке Харона», он занимал хорошо оплачиваемую и важную должность в судах Египта. Он умер, вероятно, около 200 года н. э.

Некоторые полагают, что его свела в могилу подагра, поскольку он написал об этой болезни две сатиры. Суидас же заявляет, что Лукиана разорвали собаки, которых на него натравили христиане в наказание за то, что он критиковал их учение. Однако, вполне вероятно, что это — буквальное толкование собственного заявления Лукиана, сделанного в «Перегрине» о том, что его чуть было не разорвали на куски циники (циники — (правильно «киники», от слова «кин» — «собака») — философская школа в Древней Греции и Риме).

Лже-пророк Александр

По просьбе того противника христианства, который попросил Оригена написать «ответ Цельсу», Лукиан составил свой рассказ о самозванце по имени Александр из Абонутики, псевдо-пророке из Пафлагонии. Этот Александр заявил, что он, якобы, обнаружил бога Асклепия в виде маленькой гадюки, которую запечатал в гусиномя яйце! После этого он заменил крошечную гадюку огромным ручным

змеем, которого купил в Пелле, Македония, и который был обучен прятать свою голову подмышкой у Александра. Толпе, которой позволялось потрогать хвост и тело змеи, демонстрировалась фальшивая голова с человеческими чертами, сделанная из полотна. Она открывала и закрывала пасть и высовывала наружу язык.

Убедив людей, что гадюка была богом, которая чудесным образом увеличилась в размерах, Александр приступал к продаже пророчеств, сделанных этим, якобы, богом. Желающие узнать свое будущее передавали свои вопросы в запечатанном виде; они возвращались к этим людям с соответствующими ответами и нетронутыми печатями — это должно было показать, что их не вскрывали.

Плутарх рассказывает также о скептически настроенном оппоненте оракула, который, получив ответ на свой запечатанный вопрос, превратился в горячего сторонника Александра. Лукиан, однако, рассказывает, что лже-пророк иногда использовал горячую иглу, чтобы растопить воск на печати, а потом возвращал ей прежний вид, или применял другие способы восстановления печати, потом смело срывал ее и читал вопрос, после чего прикреплял тонкую копию печати, сделанную с помощью слепка.

Лукиан добавляет, что существует много других способов подобного рода, которые ему нет нужды описывать Цельсу, поскольку тот уже собрал большую коллекцию в своем «великолепном трактате против колдунов». Далее Лукиан рассказывает, как Александр сделал своего бога «говорящим», присоединив к его голове трубку из журавлиных трахей. В эту трубку вещал помощник, находящийся в укрытии.

В главе, посвященной отцу церкви Ипполиту, мы расскажем, как он использовал разоблачения магии, сделанные Лукианом, а также приведем аргументы Секста Эмпирика против астрологии. Рассказ о том, как Лукиан общался с Александром, очень интересен, но лежит за пределами нашего исследования.

Высмеивание магических методов лечения

Мы должны отметить другое эссе, «Филопсевдос» или «Апистон», где, в ходе воображаемой беседы, несколько философов высмеивают суеверия и псевдо-науку прошлого. В число этих философов входили стоик, перипатетик и платоник, а также представители древней медицины в лице врача Антигона. Сначала выставляется в смешном свете магическая процедура, применяемая для лечения больных. Клеодем — перипатетик советует для лечения подагры взять в левую

руку зуб полевой мыши, убитой определенным способом, обернуть его шкурой недавно освежеванного льва и привязать ее к больной ноге. Он утверждает, что боль сразу же исчезнет.

Диномах — стоик соглашается, что лев обладает очень сильными оккультными свойствами, и если смешать его жир, правую переднюю лапу и волоски из его бороды, под надлежащие заклинания, то это средство будет творить чудеса. Однако, он считал, что для лечения подагры лучше использовать шкуру лани-девственницы, на том основании, что лань быстрее льва и потому оказывает более сильное лечебное воздействие на ноги человека.

Геодемус на это отвечал, что он тоже раньше так думал, но один ливиец убедил его в том, что лев может бегать быстрее лани, иначе ему не удастся ее догнать. Скептически настроенный рассказчик, передавший нам этот разговор, пишет, что безуспешно пытался убедить своих собеседников в том, что внутренние болезни нельзя вылечить внешними средствами или с помощью заклинаний. Эти методы он считал самыми настоящим колдовством (гоэтия).

Заклинание змей

Однако к его возражениям никто не захотел прислушаться. Ион-платоник, выслушав их, вспомнил, как один маг, халдей из Вавилонии, вылечил своего отца, которого гадюка укусила в большой палец ноги. Его всего раздуло, и он был уже на грани смерти. Маг велел привязать к этому пальцу обломок камня со статуи девы, произнося при этом заклинания. Потом он отправился в поле, где гадюка укусила садовника; здесь он произнес семь священных имен, указанных в древней книге, и три раза окурил это место факелом и серой. После этого изо всех нор выползли все змеи, за исключением одной, очень старой и дряхлой змеи. Тогда маг послал за ней молодую змею. Собрав, таким образом, всех гадов до последнего, он подул на них, и они растворились в воздухе.

Гиперборейский волшебник

Эта история напомнила стоику другого волшебника, варвара и гиперборейца, который мог ходить по огню, по воде и даже летать. Он умел также «насылать любовь», вызывать духов, воскрешать мертвых, снимать с неба Луну и показывать людям саму Гекату в полный рост.

Пример того, как он использовал свою власть, приводится в рассказе о том, как он заставил за огромные деньги одну девушку

влюбиться в обратившегося к нему молодого человека. Раскопав могилу, он вызвал тень отца этого юноши, а затем — вызвал Гекату, Цербера и Луну. Последние явились в виде женщины, быка и щенка. После этого колдун изготовил глиняное изображение богини любви и послал ее за девушкой. Она явилась и пробыла с ними, пока не закричал петух. В эту минуту все привидение, и она тоже, исчезли.

Напрасно пытались скептики убедить его, что девушка могла охотно прийти к юноше безо всякой магии. Платоник сравнил эту историю с историей одного сирийца из Палестины, который умел вызывать демонов.

Истории о привидениях

После этого разговор перешел на истории о приведениях и рассказы о статуях, которые, после того, как хозяева дома удалялись спать, сходили со своих пьедесталов. Один из собеседников заявил, что больше не боится приведений, поскольку один араб подарил ему магическое кольцо, сделанное из гвоздей, которыми скрепляли кресты, и научил его заклинанию, которое прогоняет призраков. В этом месте пифагореец, пользовавшийся большим уважением в обществе, вмешался в разговор и рассказал свою историю о том, как он прогнал в Коринфе привидение, прочитав египетское заклинание.

Колдун Панкрат

Хозяин дома, Эвкрат, рассказал о Панкрате, которого он встретил в Египте и который «провел 23 года под землей, изучая, под руководством Изиды, магию». Этому Панкрату крокодилы позволяли кататься на своих спинах. Он какое-то время путешествовал без слуги, ибо Панкрат мог облачить дверной засов, веник или пестик в одежду, превратить его в человека, который их обслуживал.

Далее следует знакомая история о том, как Эвкрат подслушал заклинание из трех слов, которое произносил Панкрат, и попытался применить его, когда колдун куда-то ушел. Пестик превратился в человека и выполнил его приказ принести воды, но после этого Эвкрат обнаружил, что не может его остановить, а когда он схватил топор и разрубил его надвое, оказалось, что у него теперь стало два водоноса вместо одного.

Легковерие и скептицизм

Когда скептик не смог больше слушать разговоров о волшебниках и с негодованием замолчал, участники беседы заговорили

об оракулах. Рассказывая своему другу о том, что он слышал, скептик затронул тему о детской легковерности тех, «кто восхищается учителями, которые должны научить наших детей мудрости». В то же самое время, эти истории, по-видимому, произвели большое впечатление и на него самого, и он заявил, что хотел бы иметь какое-нибудь смертельное лекарство, которое помогло бы ему забыть всех этих чудовищ, демонов и Гекату, которых он до сих пор видит перед собой. Его друг тоже заявил, что он наполнил его демонами. В заключение они пришли к утешительному выводу, что самым лучшим лекарством от этих глупых выдумок служит истина и здравый смысл.

«Менипп» или «Некромантия»

Несмотря на то, что трактат «Менипп» или «Некромантия» представляет собой пародию на рассказ о том, как Одиссей спустился в подземный мир, чтобы посоветоваться с Тейрисием, он проливает некоторый свет на магию во времена Лукиана. Желая попасть в иной мир, Менипп приехал в Вавилон, чтобы посоветоваться с Митробарзапом, одним из магов и последователей Заратустры. Он общался также с одним из халдеев.

Помимо финальной жертвы, похожей на ту, что принес Одиссей, процедура, которая помогла колдуну и Мениппу проникнуть в иной мир, включала в себя заклинания и мольбы, по большей части, совершенно непонятные Мениппу. После этого колдун три раза плюнул ему в лицо, а потом стал размахивать факелами и нарисовал магический круг. Все это он делал, облачившись в магические одежды.

Что касается Мениппа, то ему пришлось купаться в Евфрате в течение двадцати девяти лунных дней, после чего в полночь он прошел обряд очищения в Тигре и окуривания. Ему пришлось спать на улице и соблюдать специальную диету, а на пути домой ему запрещалось смотреть людям в глаза. Он должен был ходить задом наперед и так далее. В конце концов, после последних заклинаний, перед ним разверзлась земля и открылся путь в подземный мир. Когда же пришло время возвращаться назад, Менипп с большим трудом прополз, словно Данте, пробиравшийся из Ада в Чистилище, через узкий тоннель, открывшийся в раке Трофония.

Астрологическое толкование греческого мифа

Эссе по астрологии, приписываемое Лукиану, считают подложным. Это доказывают такие факты: совершенно непохожий на лукианов

стиль, а также история этой работы, отраженная в манускриптах; кроме того, на современный взгляд, она основана на суевериях. В древности человек мог скептически относиться к большинству суеверий, но при этом верить, что астрология — это наука.

Друг Лукиана Цельс, как мы увидим в параграфе, посвященном Оригенову «Ответу Цельсу», будучи скептиком, тем не менее, верил, что будущее можно предсказать по звездам. Мы не знаем, было ли эссе действительно написано Лукианом или нет, но совершенно очевидно, что Лукиан, высмеивающий в других своих эссе разные суеверия, никогда не высмеивал астрологию.

Более того, эта работа по астрологии, с одной стороны, полна скептицизма, ибо ее автор не верит в литературное происхождение некоторых греческих мифов и приводит их астрологическое толкование — например, мифа о Зевсе и Хроносе и мифа о так называемой измене Марса. Все это хорошо согласуется с Лукиановой привычкой повсюду высмеивать антропоморфных олимпийских богов.

Орфей научил греков астрологии, а не чему-нибудь иному, а семь струн его лиры олицетворяли семь планет. Тересий после него научил их различать мужские и женские по характеру и влиянию звезды. Миф об Атрее и Фиесте также показывает, что греки познакомились с астрологическими идеями уже в глубокой древности. Беллерофон взлетел в небо не на коне, а с помощью научной мощи своего разума. Дедал учил Икара астрологии; аналогичным образом следует толковать и миф о Фаэтоне. Эней не был сыном Венеры, Минос — Юпитера, Эскулап — Марса, а Автолик — Меркурия. Это были просто планеты, под влиянием которых они родились. Автор также соединяет египетское поклонение животным со знаками Зодиака.

История и защита астрологии

Автор эссе описывает также историю астрологии, которая, по его мнению, появилась в глубокой древности. Первыми ею занялись эфиопы, они же передали ее, в очень непосредственном виде, египтянам, которые внесли в эту науку большой вклад. Вавилоняне изучали ее ранее других народов, но наш автор полагает, что это было уже после эфиопов и египтян. Греки узнали об астрологии не от них, а как мы уже говорили, от Орфея.

Наш автор заявляет, что греки строили дома или городские стены и женились только после тщательного изучения гороскопов; он даже заявляет, что их единственным способом узнать будущее была

астрология, что Пифия в Дельфах была символом небесной чистоты и что змея под треножником олицетворяла созвездие Дракона. Ликург учил македонцев наблюдать за Луной, и только некультурные жители Аркадии не знали астрологии.

Тем не менее, пишет автор эссе, в наши дни некоторые выступают против астрологии, заявляя о том, что звезды не имеют никакого отношения к человеческим делам, или о том, что астрология бесполезна, ибо того, что суждено, избежать нельзя. На последнее выражение автор приводит обычный ответ: кто предупрежден, тот вооружен. Что же касается первого аргумента, то, если конь, несясь по дороге, разбрасывает камни, если дыхание ветра колышет тростник, если крошечный огонек обжигает нам палец, то почему движение сияющих небесных тел не может оказывать влияния на Землю и людей?

Лукиан не всегда был настроен скептически

Стиль этого эссе не похож на обычный стиль Лукиана, а астрологическое толкование мифов было характерно для стоической философии, в то время как философские предпочтения Лукиана, если, конечно, у него были какие-то философские предпочтения, относятся, скорее, к эпикурейцам. Однако, Цельс был также эпикурейцем, но верил в астрологию.

Не следует, тем не менее, думать, что Лукиан в своих эссе всегда проявлял скептицизм по отношению к тому, что мы называем суеверием. В своей автобиографической работе он рассказывает нам, что его карьера была определена сном. В «Диалогах богов» о магии говорится как о чем-то само собой разумеющемся. Зевс жалуется, что для того, чтобы завоевать любовь женщин, ему приходится обращаться к магии, а Афина предупреждает Париса, чтобы он велел Афродите снять с себя пояс, поскольку он пропитан снадобьем или заколдован и может его околдовать.

Лукиан и медицина

В трудах Лукиана часто упоминаются врачи, болезни и лекарства того времени. В целом, они подтверждают картину, которую описывал Гален. Во многих местах демонстрируется, как высоко ценилась профессия врача, а сам Лукиан впервые приехал в Рим, чтобы посетить окулиста.

В то же самое время Лукиан высмеивает шарлатанов и медицинские суеверия того времени, о чем мы уже говорили, и описывает несколько статуй, которые, по мнению многих, обладали лечебными

свойствами. В сатирической комедии о подагре, под названием «Трагодопогара», (впрочем, многие сомневаются, что она принадлежит перу Лукиана) персонифицированная болезнь побеждает, а мораль заключается в том, что все лекарства, которые применяют для лечения разных хворей, совершенно бесполезны.

С другой стороны, Лукиан совершенно серьезно утверждал, что, будучи укушенным африканской змеей, один человек умер от жажды. Правда, он признает, что никогда не видел укушенного змеей, и никогда не бывал в Ливии, где живут эти гады, но один друг уверял его, что видел эпитафию на могиле человека, который умер подобным образом. Весьма слабое доказательство для столь скептически настроенного человека, который написал эссе «Как писать исторические книги». Лукиан также повторяет распространенное утверждение о том, что человека, укушенного бешеной собакой, можно вылечить только волоском этой самой собаки или другой частью ее тела.

Неизбежное переплетение скептицизма и суеверий

Эта глава, в начале которой мы пообещали отметить случаи скептического отношения к суевериям, заканчивается описанием еще большего числа суеверий. Самим скептики был присущ целый ряд суеверий, а сатира Лукиана выявила тот факт, что этим страдали даже самые высокообразованные люди. То же самое справедливо и для других сатириков Римской империи, чьи выпады против астрологов и их почитателей только подчеркивает большую популярность этого искусства, и которые, вероятно, хотели высмеять лишь самые крайние его проявления, а сами в душе искренне верили в основные положения астрологии.

Как мы уже указывали, наши авторы создали целый арсенал аргументов, из которого христиане черпали оружие для своих атак на языческую магию и астрологию. Но иногда писатели, жившие позже, путали скептицизм с легковерием, и наши авторы оказывали на них совершенно противоположное задуманному влияние. Так, Эммиан Марцеллин, солдат-историк, описавший гибель Римской империи, которому так доверял Гиббон, так сильно верил в гороскопы, что даже приводил аргументы своего главного оппонента, Цицерона, в защиту своей веры. И свой трактат по этому вопросу он закончила такими словами: «По этому поводу, как и по другим, Туллий произнес замечательную фразу: «Боги демонстрируют нам знаки будущих событий».

Лукиан о том, как надо писать исторические книги

Но, чтобы закончить нашу главу о скептицизме, отрывком, не связанным с мракобесием, вернемся к Лукиану. В его же эссе «Как писать об истории» столь же явно проявляются его идеалы истины и беспристрастия, которые лежат в основе его сатир, направленных против самозванцев и чересчур легковерных. «У историка есть одна задача, — пишет он, — рассказать о событии так, как оно произошло». Историк должен быть «бесстрашным, неподкупным, независимым, верящим в искренность беспристрастным судьей, добрым ко всем, но не чересчур добрым к кому-нибудь одному». «Он должен превратить свой мозг в зеркало — незамутненное, яркое, отражающее чистую правду». «Факты следует собирать не хаотично, а в ходе тщательного, трудоемкого, многократного проверенного исследования». «Предпочитай беспристрастный рассказ».

Подобные заявления и фразы свидетельствуют о научном и критическом духе высшей пробы и являются значительным усовершенствованием по сравнению с историческим критицизмом Цицерона. Но следовал ли Лукиан своим собственным советам — это уже другой вопрос.

10

МИСТИЧЕСКИЕ ТРУДЫ, ПРИПИСЫВАЕМЫЕ ГЕРМЕСУ, ОРФЕЮ И ЗАРАТУСТРЕ

Мистические работы о божественном откровении. — Герметические книги. — «Поймандр» и «Герметический корпус». — Астрологические трактаты, приписываемые Гермесу, герметические работы по алхимии. — Нехепсо и Петозирис. — Манефо. — «Литика» Орфея. — Аргументы, приведённые в поэме. — Магические свойства камней. — Магические ритуалы, помогающие обрести дар пророчества. — Свойства камней в сравнении со свойствами трав. — Магические травы и демоны в орфических ритуалах. — Книги, которые приписывают Заратустре. — «Халдейские оракулы».

Мистические работы о божественном откровении

В Римской империи ходило много книг, которые, как утверждалось, имели божественное происхождение и авторство, или, по крайней мере, принадлежали перу древних героев, основателей тех религий, которые произошли от Богов и получили от них вдохновение. Считалось также, что эти сочинения мистиков и оракулов были созданы в глубокой древности в Египте или Халдее. В эллинистической Греции эти работы приписывались Аполлону, в Риме их считали книгами сивилл, поскольку в этих трудах, как в них утверждалось, раскрывались секреты древних жрецов, которые не предназначались для простого люда. Они содержали описания суеверий и магических ритуалов, помимо изложения мистических учений.

Кроме того, авторы, редакторы или издатели астрологических, алхимических и других псевдонаучных трактатов не могли удержаться от искушения заявить, что часть их книг имеет сокровенный и освящённый веками смысл. Более того, часть псевдо-литературы подобного рода действительно была создана в глубокой древности. Немногие памятники интеллектуальной истории могут соперничать в древности с магией, и эти подложные сочинения содержат мало новых идей, так как они, в какой-то мере, отражают прогресс познания, оккультного и научного, наблюдавшегося в эллинистическую эпоху.

Следует также отметить, что эффект, который производило их содержание, зависел исключительно от громкого имени автора, большой древности и впечатлительности читавшей их публики. В наши дни большая часть содержания этих книг кажется обыкновенной банальностью и весьма туманна, что было характерно для пророчеств оракулов. Я не собираюсь давать полную картину и утомлять читателя подробным изложением подобных трудов, а расскажу лишь о нескольких примерах, связанных с наукой и магией.

Герметические книги

Главными среди них являются герметические книги, или творения, приписываемые Гермесу Египетскому или Трисмегисту. «Под этим названием, — писал в 1906 году Штайн Шнайдер, — существуют на многих языках целая литература, по большей части, основанная на суевериях, которую никто ещё, по-видимому, не рассматривал во всей её полноте».

Египетского бога Тота, или Тахути, известного в Греции как Тоф или Тат, отождествляли с Гермесом, а эпитет трижды великий (Трисмегист) тоже выводили из египетского имени Аа-аа («великий Великий»). Цитаты из работ, которые приписывали Гермесу Трисмегисту, появились уже в первом веке нашей эры. Гермеса также упоминали и цитировали отцы церкви, начиная от Афинагора и заканчивая Августином; его также часто изображали на папирусах, посвящённых магии.

Историк Аммиан Марцеллин, живший в 4 веке, ставил его на одну доску с великими мудрецами прошлого, такими как Пифагор, Сократ и Аполлоний Тианский. Два главных описания Герметических Книг периода римской Империи содержатся в труде «Стромата» христианина Климента Александрийского (около 150, около 220 г.н.э) и в трактате «О мистериях», который приписывают неоплатонику Ямвлиху (умер около 330 г н.э.) Климент говорит о сорока двух книгах Гермеса, которые он считал «обязательными для чтения». Из них десять называются «Иератическими» и посвящены законам, Богам, и обучению жрецов.

Десять других описывают жертвоприношения, молитвы, процессии, праздники и другие ритуалы египетской религии. В двух содержатся гимны богам и правила для царей. Еще шесть посвящены медицине и описывают строение тела, болезни, инструменты, лекарства; одна из последних говорит о глазах, а другая — о женщинах». Четыре посвящены астрономии или астрологии, а оставшиеся десять описывают космографию и географию, а также всё, что необходимо для жрецов и священных ритуалов.

Климент не говорит об этом, но из его краткого обзора можно представить себе, как подробно, вероятно, были описаны в этих книгах оккультные свойства природных веществ, магические процедуры и тесные связи и взаимоотношения между природой, звёздами и духами. Ямвлих повторяет утверждение Селевка о том, что Гермес написал двадцать тысяч книг, и мнение Манефона в том, что он создал 36525 книг. Это число, несомненно, было связано с предполагаемым числом дней в году — 365 дней и одна четверть дня.

Ямвлих добавляет, что Гермес написал сто трактатов об эфирных богах и одну тысячу о небесных богах, впрочем, он понимал, что большая часть книг, которые приписывают Гермесу, не была создана им, поскольку в другом месте он говорит «о книгах, которые распространяются под именем Гермеса» и объясняет, что «наши предки... подписывали все свои труды именем Гермеса», посвящая их, таким образом, ему как покровителю языка и теологии. К тому времени, когда жил Ямвлих, эти книги были переведены с египетского на греческий.

«Поймандр» и «Герметический корпус»

До нас дошло собрание 17 или 18 фрагментов, которые приписывают Гермесу и называют «Герметическим корпусом». Самый первый и самый главный из этих фрагментов озаглавлен «Поймандр» — этим названием иногда обозначают весь корпус. Другой фрагмент носит название «Асклепий», поскольку он написан в форме беседы между Асклепием и Меркурием Трисмегистом. Он дошёл до нас в переводе на латинский язык, и этот перевод приписывают (вероятно, безо всяких оснований) Апулею из Мадавры.

Ни один из сохранившихся на греческом языке манускриптов этого «корпуса» не старше 14 века, хотя Рейценштейн полагает, что все они основаны на одной версии, которая принадлежала Михаилу Пселлу в 11 веке. Однако, заключительная молитва, приведённая в «Поймандресе», была записана на папирусе 3 века, а алхимик Зосима, живший в 4 веке, по-видимому, был знаком со всем собранием трактатов.

Эти трактаты, входящие в состав «корпуса», посвящены, главным образом, религиозной философии и теософии (высказываемые здесь мысли о душе сходны с идеями Платона и учением гностиков). Тем не менее, моральные и религиозные поучения связываются в этих трактатах с физикой, а космология весьма благосклонно относится к астрологии и магии.

О самой магии в «корпусе» говорится очень мало, но в герметическом фрагменте, сохранённом Стобеем, утверждается, что «философия и магия удобряют почву». Астрология играет гораздо более значимую роль, звёзды называются видимыми богами, среди которых самым великим является Солнце. Тем не менее, все семь планет контролируют изменения в мире природы; существуют семь человеческих типов, которые им соответствуют; а двенадцать знаков зодиака управляют также и человеческим телом.

Лишь немногие избранные, обладающие гнозисом (знанием) или способные принимать *нус,* могут избежать той судьбы, которую уготовили им звёзды, и в конце концов, вернуться в духовный мир, пройдя через «полчища демонов» и «пути звёзд» и достигнув Огдоада или восьмого неба, которое располагается поверх сфер семи планет и за их пределами.

Гностическая космология и, в особенности, демонология, место расположения демонов среди планетарных сфер, создавала благоприятную возможность для развития астрологической некромантии[65].

Астрологические трактаты, приписываемые Гермесу

Но астрологические идеи встречаются не только в «Поймандре», но и в ряде отдельных астрологических трактатов. Эти трактаты дошли до нас в целом виде или частично под именем Гермеса Трисмегиста; его произведения часто цитируются в других греческих астрологических манускриптах. Среди приписываемых ему работ имеются: один, посвящённый общему методу, один, касающийся названий двенадцати знаков зодиака и их власти; один — связанный с астрологической медициной (он посвящён Амону Египтянину), один — рассказывает о громе и молнии, а некоторые его гекзаметры (стихи) посвящены связи

---

[65] Поймандр» был переведён на английский язык Джоном Эверардом. Это был мистик и очень популярный проповедник, чьи выдающиеся проповеди часто становились причиной его ареста и заключения под стражу во времена Якова I и Карла I. Говорят, что Яков спросил его: «Кто такой этот вездесущий доктор? Его следовало бы назвать нигде-не-сущим!». В 1657 году доктор Эверард напечатал свой перевод, к которому был добавлен трактат «Асклепий». В 1884г. он снова появляется в репринте «Оккультной серии Бата» с предисловием Харгрейва Дженнингса; во втором томе этой серии была напечатана гермесова «Девственница Мира». Этот том вышел в Лондоне.

землетрясений со знаками зодиака. Этот последний трактат приписывают также Орфею. Существуют ссылки и различные версии трактатов о связях трав с планетами или знаками зодиака или с тридцатью шестью деканами (именно в этой последней работе Памфилий, которого цитирует Гален, упоминает о траве аэрон, но в сохранившемся трактате о деканах об этом растении не говорится ничего. Эти трактаты, в основном, были посвящены Асклепию).

В этих работах растениям приписываются магические свойства, в них также находим молитву, которую надо произносить перед тем, как сорвать каждую из этих трав. Здесь рассказывается, как надо использовать астрологические цифры декана, выгравированные на камнях в качестве исцеляющих амулетов.

Герметические работы по алхимии

Работы по алхимии, приписываемые Гермесу Трисмегисту, цитируются в трактатах греческих алхимиков, живших в последние годы Римской империи: Зосимы, Стефануса и Олимпиодора, но дошедшие до нас трактаты Гермеса были созданы в более позднее время и подверглись сильной переработке. Ряд работ сохранился лишь на арабском; другие были написаны на средневековой латыни. Греческие алхимики, вероятно, исполняли мистический гимн Гермеса из «Поймандра».

Нехепсо и Петосирис

Эллинистическая и римская астрология утверждала, что она является наследницей древнеегипетской астрологии; для доказательства этого создавались подложные трактаты, авторами которых, якобы, были не только Гермес Трисмегист, но Нехепсо и Петозирис, египетский фараон и египетский жрец, соответственно. Они жили, по крайней мере, за семь веков до рождества Христова. Считалось, что они получили божественное откровение от Гермеса и Асклепия. Объемный астрологический трактат, который первым процитировал Плиний, а Гален взял из его 14-ой книги описание магического кольца из яшмы, на котором выгравированы дракон и лучи, по-видимому, появился в Александрии в Эллинистический период. До нас дошли только фрагменты и цитаты, приписываемые Нехепсо и Петосирису.

Манефон

Другой астрологический трактат, который как утверждают, был взят из секретных сакральных книг и рукописных памятников

Древнего Египта, приписывают Манефону. Это стихотворная компиляция пророчеств, составленных для различных созвездий; ее считают работой нескольких авторов, из которых самый старший жил во времена правления императора Александра Севере (3 век).

«Литика» Орфея

Это ещё один автор, от которого остались лишь цитаты в книгах классической античности. Плиний утверждал, что он первым начал писать о травах, и подозревал, что он занимался магией. Эрнст Риес утверждает, что Роде (в книге «Душа») «приводит многочисленные доказательства того, что последователи культа Орфея входили в число главных сторонников [ритуалов] очищения и использования чар в борьбе со злыми духами».

Среди дошедших до нас поэм, которые приписывают Орфею, самой интересной для нас является «Литика». Здесь в 770 строчках описываются свойства около 30 драгоценных камней, при этом постоянно делаются ссылки на магию. Автор её не известен, но поэма, по-видимому, повторяет прозаический трактат Дамигирона, жившего во втором веке до нашей эры.

Датой создания «Литики» большинство учёных сейчас считает четвертый век н.э, хотя Кинг полагает, что она была написана значительно раньше. Я согласен с ним в том, что рассказ об обезглавливании по обвинению в магии, приведённый в строках 71–74, если взять его отдельно, является слишком общим и туманным, чтобы его можно было связать с казнью какого-то конкретного человека или с каким-то определённым периодом истории.

Редакторы со времён Тирвитта связывали его с законами Константина, направленными против магии, и с казнью колдунов в 371 г. н. э. Уверенность Кинга в том, что «Литику» написал тот же самый автор, что и «Аргонавтику», которую тоже приписывают Орфею, и что её надо датировать более ранним периодом, не выдерживает никакой критики, поскольку «Аргонавтику» в наши дни также датируют 4 веком.

*Аргументы, приведённые в поэ*ме

«Литика» открывается описанием того, как Гермес передаёт человечеству бесценные знания о чудесных свойствах камней. В его пещере хранятся камни, которые изгоняют приведения, грабителей и змей; приносят здоровье, счастье, победу в войне и играх, даруют почести при дворе и успех в любви, а также оберегают своих владельцев от

опасностей во время путешествий, даруют милость богов и позволяют человеку читать мысли других и понимать язык птиц, когда те предсказывают будущее. Однако лишь немногие могут воспользоваться этим знанием, а те, кому это удалось, подвергаются казни по обвинению в магии.

После этого выступления, которое можно считать пикантной закуской, пробуждающей интерес читателя, описываются свойства отдельных камней. Сначала это делается со слов Теодама Мудрого, божественного человека, которого автор встречает по пути к алтарю Солнца, где он собирается принести ежегодную жертву. У этого алтаря он, будучи ребёнком, сумел чудом избежать гибели от укуса ядовитой змеи. Он узнал о свойствах камней из речи Элена, посвящённой Филоклету, которого цитирует Теодам.

Здесь часто упоминаются греческие Боги; в середине поэмы чудесные свойства некоторых камней приписываются уже не Гермесу, а Апполону; делаются ссылки на греческую мифологию и Троянскую войну. Некоторые камни можно найти у животных, например, в гадюке или в мозгу оленя.

Магические свойства камней

Приведём несколько примеров чудесных свойств отдельных камней. Хрусталь помогает человеку, в ответ на молитвы, получить помощь богов. Нужно подержать его над дровами, он разжигает огонь, сам оставаясь холодным. Если же его привязать к телу, то он поможет избавиться от болезней почек. Жертвы, при приношении которых используется алмаз, помогают добиться помощи богов; алмаз также называют Летейским камнем, поскольку он позволяет человеку забыть все тревоги; у него есть ещё одно название — молочный камень (галактис), поскольку он помогает восстановить молоко у овец или коз. Для этого его надо растереть в пыль, залить соляным раствором и опрыскать больных животных. Если носить алмаз в качестве амулета, то он убережёт человека от дурного глаза и подарит ему царскую милость. Агат является амулетом для крестьян — его нужно прикреплять к руке пахаря и к рогам быка.

Другие камни оберегают виноградники, способствуют выпадению дождя и предохраняют посевы от града и вредителей. *Лихнис* не позволяет содержимому котла закипать, когда под ним горит огонь, и наоборот, когда огонь затухает, жидкость в котле начинает кипеть. Магнит использовали Цирцея и Медея для колдовства; если, произнося

заклинание, положить его в кровать, то неверная жена не сможет на ней лежать. Другие камни излечивают укусы змей и различные болезни, служат в качестве любовных приворотов и помогают при родах, а также защищают человека от заклинаний и злых чар.

Магические ритуалы, помогающие обрести дар пророчества

Чтобы заставить камень сидерит или орейтес произносить пророчества, человек, желающий этого добиться, должен в течение трёх недель не есть ничего мясного, воздерживаться от посещения общественных бань и супружеского ложа. После этого надо обмыть камень и одеть его, словно ребёнка; принести различные жертвы и повторить заклинания, нарисовав нужные рисунки. Камень *липарайос,* известный учёным магам из Ассирии, заставляет змей выползать из всех своих нор и стремится к огню, если его сжечь на алтаре, не обагрённом кровью, распевая гимны Солнцу и Земле.

Трое юношей, облачённые в белые одежды и вооружённые обоюдоострыми мечами, должны разрубить змею, которая подползёт ближе всех к огню на девять кусков: три куска для Солнца, ещё три — для Земли, и остальные три — для мудрых девственниц, умеющих предсказывать будущее. После этого все эти куски надо сварить в вине, добавив соль и специи, и скормить тому, кто хочет выучиться языку птиц и животных.

Далее надо призвать на помощь богов, назвав их тайными именами, и полить змеиное мясо молоком, вином, оливковым маслом и мёдом. То, что не будет съедено, надо закопать в землю, а участники ритуала должны вернуться домой совершенно голыми, лишь с венками на голове. По дороге им запрещается разговаривать с кем бы то ни было. Придя домой, они должны принести в жертву перемешанные друг с другом специи. Напомним, что Аполлоний Тианский и арабы тоже учились языку птиц, поедая змеиную плоть.

Свойства камней в сравнении со свойствами трав

Таким образом, камни помогают в религии и прорицании, в медицине и сельском хозяйстве. В поэме, однако, ничего не говорится об их использовании в алхимии или об их связях со звёздами. В ней также почти ничего не говорится о том, что можно назвать некромантией. Однако автор считает, что свойства камней превышают свойства трав, сила которых со временем исчезает. Более того, некоторые травы могут принести вред, в то время как чудесные свойства почти всех

камней благоприятны для человека, и при этом неизменны. «В травах заключена великая сила, — пишет автор, — но в камнях она гораздо сильнее». Это наблюдение часто повторяли в средние века.

Магические травы и демоны в орфических ритуалах

Власти демонов и трав придаётся особое значение в книге, которую оставил нам Св. Киприан, епископ Антиохийский, живший в третьем веке. Он описал некоторые языческие мистерии, проводившиеся на горе Олимп, в которые он был посвящён в 15-летнем возрасте и которые назывались орфическими ритуалами. Его инициация проходила под руководством семи иерофантов, и продолжалась сорок дней. Он узнал о свойствах магических трав, его обучали также видеть действия демонов. Его научили нотам и гармониям, а также пониманию того, как добрые и злые духи управляют временем и сезонами. Короче, магия, псевдонаука, оккультные свойства и, возможно, астрология составляли очень важную часть орфического знания.

Книги, приписываемые Заратустре

Кумон в своей книге «Влияние восточных религий на римское язычество» пишет, что «ближе к концу александрийского периода книги, приписываемые полумифическим мастерам персидской науки: Заратустре, Остану и Эстапсу — были переведены на греческий язык, и до конца языческого периода эти имена пользовались необыкновенным авторитетом». Плиний считал Заратустру основателем магии; мы уже встречались с другими примерами его репутации колдуна.

Позже мы увидим, что в византийской «Геопонике» его цитируют несколько раз. По-видимому, автор «Геопоники» использовал приписываемую Заратустре книгу, посвящённую симпатии и антипатии между природными объектами. Естественно, создавалось много книг, автором которых считали Заратустру. Говорят, что авторство некоторых его книг оспаривал Порфирий, неоплатоник. По крайней мере, в своей «Жизни Плотина», он пишет, что кое-кто из христиан и других людей утверждает, что у них имеются книги с некоторыми откровениями Заратустры. Он привёл много аргументов в пользу того, что эти книги были написаны не Заратустрой, а современными Порфирию авторами.

Халдейские оракулы

Тем не менее, в трудах неоплатоников сохранилось собрание отрывков, известных под названием «Логия Заратустры или Халдейские

оракулы». Они представляют собой «... неоднородную массу, весьма непонятную [для нас], и претенциозную, перемешанных между собой платонических, пифагорейских, стоических, гностических и персидских доктрин». (Цитата из книги А.В. Джексона «Заратустра», 1901).

«Халдейские оракулы» не только часто цитировались неоплатониками, но Порфирий, Ямвлих и Прокл составили к ним комментарии. Однако некоторые учёные полагают, что эти цитаты и комментарии относятся к одной работе, составленной Юлианом Халдейским в период правления Антонина. «Это масса восточных суеверий, смесь магии, теургии и бредовой метафизики» почиталась неоплатониками следующих веков, как священная книга, равная по значимости «Тимею» Платона. Наша следующая глава, поэтому, будет посвящена трудам неоплатоников, на которых подложная мистическая литература оказала большое влияние.

11

НЕОПЛАТОНИЗМ И ЕГО СВЯЗЬ С АСТРОНОМИЕЙ И ТЕУРГИЕЙ (МАГИЕЙ)

Неоплатонизм и оккультные науки. — Плотин и магия. — Только рациональная душа может быть свободна от магии. — Плотину магия не повредила. — Вызывание даймона Плотина. — Обычай удушения птиц. — Плотин и астрология. — Звезды как знаки. — Божественные звездные души. — На что влияют звезды и что они означают. — Другие причины и знаки, отличные от звезд. — Звезды не являются причиной зла. — Против астрологии гностиков. — Судьба и свободная воля. — Обобщение отношения Плотина к астрологии. — «Письмо к Анебу» Порфирия. — Главный аргумент Порфирия. — Вопросы, касающиеся божественной природы. — Иерархия духовных существ — Природа демонов. — Искусство теургии. — Заклинания и сила слов. — Магия — человеческое искусство, теургия — божественное. — Магия — это насилие над природой. — Дурной характер магии. — Она обманчива и нереальна. — Порфирий о способах прорицания. — Ямвлих о прорицании. — Являются ли звезды богами? — Существует ли искусство астрологии? — Порфирий и астрология. — Астрологические образы. — Числовой мистицизм. — Порфирий, как его представлял Евсевий. — Император Джулиан о теургии и астрологии. — Юлиан и прорицание, согласно Аммиану Марцеллину. — Прокл о теургии. — Неоплатонический отчет о магии, которую позаимствовали у них христиане. — Неоплатоники и алхимия.

Неоплатонизм и оккультные науки

Те авторы, которые писали о периоде упадка римской империи, конце язычества и закате классической философии, отмечали, что неоплатоников очень интересовали оккультные науки. Это, вероятно, объяснялось христианскими взглядами этих авторов и их враждебностью к магии; наверное, христиане того периода столь же подозрительно относились к современному им неоплатонизму. Если биографии философов в пересказе Евнания воспринимались как сказки, то как тогда воспринимались описания жизни святых того же периода? Если неоплатоники были похожи на современных медиумов, то как представляли себе христиан, изгоняющих бесов, люди того времени? Обратимся же к творениям ведущих неоплатоников, ибо это единственное точное отражение их взглядов.

Плотин о магии

Плотин, живший примерно с 204 по 270 год нашей эры, которого считают основателем неоплатонизма, очевидно, меньше увлекался оккультными науками, чем некоторые из его преемников. Одним из его обвинений в адрес гностиков было то, что они верили, будто могут привести в движение высшие бестелесные силы с помощью письменных и устных заклинаний, а также других вокальных упражнений.

Все это Плотин считал просто магией и колдовством. Он также критиковал их веру в то, что все болезни вызываются демонами и могут быть изгнаны с помощью слов. Это помогло гностикам завоевать симпатии толпы, которая хочет восхищаться властью волшебников, Плотин же настаивал, что болезни вызывают естественные причины.

Тем не менее, он признавал, что заклинания и чары колдунов и волшебников действительно оказывают свое воздействие и объяснял это симпатией или любовью и ненавистью, которые, по его мнению, существуют между разными объектами в природе, и действуют даже на расстоянии. Все это проявление Мировой души, оживляющей Вселенную.

Только рациональная душа может быть свободна от магии

Однако Плотин утверждал, что лекарствами и колдовством можно воздействовать лишь на физическую и нерациональную сторону человеческой натуры, поскольку «даже демоны не являются бессмертными в своей иррациональной части», и поэтому, в определенной степени, тоже подвержены влиянию магии. Зато рациональная душа может освободиться от этого влияния.

Более того, беспощадно добавляет ясно мыслящий Плотин, обладавший развитой интуицией, столь характерной для эллинов, что тот, кто поддается чарам любви и семейным привязанностям, или стремится к политической власти и другим вещам, не имеющим ничего общего с Истиной и настоящей красотой; тот, кто доверяет внешним проявлениям, кто следует иррациональным стремлениям — является по настоящему околдованным, словно он стал жертвой магии и так называемой гоэтии. Только тот человек, который всегда следует велениям разума, по-настоящему свободен от магии.

Тут хочется повторить вопрос Элиана, слегка перефразировав его: «Что вы думаете о таком определении магии, мои дорогие антропологи, социологи и современные исследователи фольклора?»

Плотину магия не повредила

Этот иммунитет от магии, которым обладает настоящий философ и искатель истины, можно проиллюстрировать примером, который приводил Порфирий. Плотину никак не навредила магия, которую его враг, Александрин Олимпийский, применил против него. Те зловредные воздействия звезд, которые Олимпий хотел навлечь на Плотина, обрушились на него самого. Порфирий также пишет, что Плотин почувствовал тот момент, когда Олимпий наводил на него «звездные чары». Кстати сказать, этот эпизод еще раз подтверждает, что астрология и магия тесно связаны между собой.

Вызывание даймона Плотина

Почитатели Плотина считали, что его вдохновляли боги. Это мнение иллюстрирует еще один случай, описанный Порфирием в его «Жизни». Одному египетскому жрецу без труда удалось убедить Плотина, родившегося в Египте, хотя и у римских родителей, позволить ему вызвать демона его семьи. Плотин в ту пору занимался проповедью своего учения в Риме, где прожил 26 лет, и единственным чистым местом в этом городе, которое сумел отыскать жрец для проведения своей церемонии, оказался храм Изиды.

Когда был совершен обряд вызова, перед ними появился не простой демон, а бог. Привидение, впрочем, быстро исчезло, а жрец не позволил собравшимся задавать ему вопросы, заявив, что один из друзей Плотина все испортил. Этот человек очень боялся, что демон нанесет ему какой-нибудь ущерб, и принес с собой, в качестве оберега, птиц, которых он держал за шеи в своих руках. В критический момент, когда перед собравшимися возникло видение, он задушил этих птиц, может, от страха, а, может, от того, что завидовал Плотину. Порфирий определить этого не смог.

Обычай удушения птиц

Обычай держать птиц за горло в обеих руках, как можно судить по многим произведениям искусства, появился еще в глубокой древности. На табличке 7-го века до н.э. с острова Родос, хранящейся в Британском музее, мы видим крылатую Горгону, которая душит обеими руками гуся. На золотой подвеске 9-го века до н.э. из Эгины, хранящейся там же, изображена фигура, которая держит в обеих руках водоплавающих птиц, а ее бедра обвивает пара змей. На фигуре из слоновой кости, обнаруженной при раскопках в Спарте, видим фигуру крылатой богини, держащей за шеи двух водоплавающих птиц.

Плотин и астрология

Порфирий пишет также в «Жизни Плотина», что философ уделял много внимания звездам, и в своих трудах опровергал бездоказательные утверждения астрологов, составлявших гороскопы. Отрывки, посвященные этому, находим в трактатах о судьбе и душе, а один из них полностью посвящается ответу на вопрос: «Влияют ли звезды на что-нибудь?» Это был один из четырех трактатов, которые Плотин незадолго до своей смерти отправил Порфирию[66]. Их считают менее талантливыми, чем те, которые он писал в расцвете жизни.

В следующем веке астролог Юлий Фирмик Матерн называл Плотина врагом астрологии и писал, что он умер в страшных муках от гангрены.

Звезды как знаки

На самом деле Плотин вовсе не отвергал искусство астрологии, а, скорее, предлагал ряд поправок, чтобы оно больше соответствовало взглядам Платона на Вселенную, божество и человеческую душу. Эти поправки должны были стать ответом на те возражения, которые выдвигали против астрологии христиане. Аргументы Плотина были не новыми; за два века до него аналогичные доводы приводил Филон Юдеус.

Однако Плотин пользовался большим авторитетом, и это придавало дополнительный вес его аргументам. Например, его мысль о том, что движение звезд «ничего не порождает, но обозначает будущее, которое касается каждого» человека и каждого предмета, повторил Макробий в своих работах «Сатурналия» и «Мечта Сципиона».

Джон из Солсбери, живший в 12-м веке и выступавший против астрологии, высказывал опасение, что её приверженцы, опираясь на авторитет Плотина, могут сказать, что они ни в чем не умаляют власти Создателя, ибо он установил раз и навсегда неизменный закон природы и распределил все будущие события в том порядке, в каком он их видел. Поэтому звезды — это просто инструменты в руках Бога.

---

[66] «Эннеада II». Позже Порфирий сгруппировал свои лучшие трактаты в шесть Эннеад по девять трактатов каждая и, вероятно, одновременно с этим частично их переработал.

Божественные звездные души

Но давайте посмотрим, что говорил сам Плотин, а не те люди, которые думали, что повторяют его мысли. Подобно Платону, он считал звезды счастливыми, божественными и вечными животными. При этом Плотин верил, что звезды не только обладают душами, но и наделены мыслительными способностями, которые далеко превосходят способности человеческого разума, приближаясь в этом к всемогущей Мировой душе. К примеру, они не нуждаются в памяти, не слышат они и молитв, которые к ним обращают люди. Плотин часто называл звезды богами. Они, однако, являются частью Вселенной и подчинены Мировой душе; они не могут изменять фундаментальные принципы Вселенной, и лишать другие существа их индивидуальности, хотя способны сделать эти существа лучше или хуже.

На что влияют звёзды и что они означают?

Обсуждая проблемы, касающиеся души, Плотин утверждает, что «существует много доказательств того… что движение звёзд влияет на вещи на Земле и не только на тела, но и на настроение души», и что каждая часть небес оказывает воздействие на земные объекты низшего порядка. Однако он не считал, что это влияние ограничивается лишь нагревом или охлаждением. Это, вероятно, шпилька в адрес «Тетрабиблоса» Птолемея. Он также не соглашался с тем, что все преступления людей совершаются по воле звёзд, что всякий человеческий поступок определяется влиянием звёзд и отрицал дружбу и вражду между планетами.

Но, если мы не можем согласиться с тем, что звёзды оказывают своё влияние в материальном смысле, как небесные тела, или по своей воле, то как же тогда объяснить это влияние? Плотин утверждал, что оно порождается симпатией, которую испытывают друг к другу все части Вселенной, этого единого живого зверя, а также тем, что Вселенная выражает себя в фигурах, которые образуют движущие небесные тела. Эти тела оказывают такое влияние на вещи здесь внизу, какое они оказывают посредством созерцания понятного мира.

Фигуры или созвездия обладают иными свойствами, чем составляющие их тела, точно также, как многие растения и камни среди нас обладают чудесными оккультными свойствами, в число которых холод или тепло не входят. И звёзды, и их созвездия оказывают очень сильное влияние и являются знаками будущего, благодаря тому, что они связаны со всей Вселенной. Во многих случаях они одновременно служат причиной и знаком, а в других только знаком.

Другие причины и знаки, отличные от звёзд

Тем не менее, для Плотина Вселенная не является механическим единым, где действует всего одна сила, а именно сила, создаваемая созвездиями или представленная ими. Во Вселенной великое множество других сил, и она не была бы живым зверем, если бы каждый живой объект в ней не жил своей собственной жизнью, и если бы жизнь не существовала в латентной форме даже в неодушевлённых предметах. Это правда, что некоторые силы действуют эффективнее, чем другие, и что силы неба более эффективны, чем силы Земли, и что под их властью находятся многие вещи.

Тем не менее, в воспроизведении жизни и видов во Вселенной, по мнению Плотина, участвует независимая от звёзд сила. Например, звёзды вносят некоторый вклад в рождение любого животного, но все виды должны воспроизводить черты своих предков. А в ходе своей жизни земные существа добавляют что-то своё. Не являются звёзды и единственными знаками будущего. Плотин полагал, «что все вещи полны знаков», и что мудрец не может просто предсказать будущее по знакам или птицам. Он должен делать заключения об одной вещи на основе другой, учитывая гармонию и симпатию, существующую между всеми частями Вселенной.

Звёзды не являются причиной зла

Нельзя говорить и о том, что боги или звёзды порождают на Земле зло, поскольку на их воздействие влияют другие, сливающиеся с ними силы. Вслед за более древним еврейским платоником Филоном, Плотин отрицал идею о том, что планеты являются причиной зла, или изменяют свою природу, превращаясь из добрых в злые, когда вступают в новый знак Зодиака, или занимают различные положения по отношению друг к другу. Он считал, что планеты неизменны, и что они не могут по-своему желанию наносить человеку вред. Если согласиться с тем, что планеты — просто тела и не имеют воли, то они могут оказывать лишь телесное влияние. Он решает проблему зла в своей обычной манере, приписывая его материи, в которой разум и небесные силы распределяются неравномерно, подобно тому, как свет, проходя через воду, дробится и искажается.

Против астрологии гностиков

Платон повторяет большинство этих аргументов в своей книге, направленной против гностиков. В ней он отрицает «трагедию страхов,

которые, по их мнению, существуют в сферах Вселенной», и тирании, которую гностики приписывают небесным телам. Он верил, что небесные сферы находятся в гармонии со Вселенной в целом и с нашей Землей, дополняя целое и составляя большую часть его, придавая ему красоту и порядок. Их, скорее надо считать знаками, а не причинами будущих событий. Их природа постоянна, а течение событий может изменяться под влиянием случайных причин, например, различного времени гороскопа, места события и расположения отдельных душ. От всех этих различий можно ожидать как добра, так и зла, но нельзя, на основе этого, называть природу или звезды злом или причиной зла.

Судьба и свободная воля

Как показала фраза о «расположении отдельных душ», Плотин полагал, что звезды влияют на неодушевленные предметы, а также одушевленные и разумные существа по-разному. Звезды воздействуют на все вещи в чувственном мире, а душа остаётся свободной до тех пор, пока не запачкано тело. В этом случае она попадает под контроль звёзд. Судьба или влияние звёзд похожи на ветер, который сотрясает и кидает в разные стороны тело, в котором пребывает душа. Человек, будучи частью мира, совершает поступки и страдает в соответствии с тем, что назначено ему судьбой. Некоторые люди превращаются в рабов этого мира и подвержены внешнему влиянию, будто их кто-то околдовал. Другие живут потребностями души и стремятся освободиться от оков чувственного мира, подняться над демонической природой, над тем, что сулят им гороскопы, и над всеми потребностями этого мира, чтобы жить в познаваемом верхнем мире.

Обобщение отношения Плотина к астрологии

Таким образом, Плотин пришёл, практически, к тому же самому отношению к влиянию звёзд, сохранению свободы человеческой воли, которая в середине века была характерна для христианства. Тем не менее, его теория давала большое пространство для астрологических прогнозов. Он, очевидно, стремился опровергнуть утверждение о том, что звёзды творят зло и что их надо опасаться, как злых сил. При этом он верил во влияние и знаки звёзд. Его слова о том, что звёзды одновременно служат знаками и причинами, в каком-то смысле, удваивает возможность предсказания будущего с их помощью.

Он критиковал язык, который применяли астрологи в отношении планет, и, возможно, методы их искусства, однако при этом

поддерживал астрологию, связывая существование зла и человеческой свободы с сильным влиянием звёзд. Эта поддержка проявлялась и в том, что влияние фигур, которые небесные тела образуют в процессе своего движения, гораздо сильнее, чем просто физическое воздействие самих этих тел.

Таким образом, он верил в концепцию оккультного свойства, которая была, если не главной опорой, то одной из колонн, на которых держалась вся оккультная наука и магия. С другой стороны, люди не должны изменять терминологию и методы, одобренные великим астрономом Птолемеем, просто потому, что один неоплатоник подверг сомнению их достоверность.

«Письмо к Анебу» Порфирия

Хотя Плотин и отрицал тот факт, что болезнь порождается демонами, мы встречаем у него выражение «демоническая природа», а в одной из «Эннеад» он рассуждает на тему: «у каждого человека есть свой демон». Впрочем, здесь разговор идёт лишь о власти, которая преобладает в душе человека, а о магии не говорится ничего. Если мы хотим узнать о связи демонов с магией и об искусстве теургии, то нам надо обратиться к трудам Порфирия и Ямвлиха, и в особенности к «Письму к Анебу» Порфирия, жившего приблизительно с 233 по 305 год, и к ответу на него мастера Абаммона.

Этот трактат известен также под названием «Книга о мистериях». Иногда эту книгу приписывают Ямвлиху, умершему в 330 г, на том основании, что эта мысль высказывается в предисловии к древнему манускрипту Прокла, а также на том, что сам Прокл цитирует отрывок из мистерий, утверждая, что его автором был Ямвлих.

Однако эта атрибуция вызывает сомнения; но даже если этот трактат и не был написан Ямвлихом, то, скорее всего, его создал один из его учеников, разделявший взгляды своего учителя. Другие работы Ямвлиха посвящены философии и математике; а среди основных трактатов Порфирия, помимо его литературных трудов, связанных с Плотином, назовём комментарий к Аристотелю и пятнадцать книг против христианства.

Главный аргумент Порфирия

В «Письме к Анебу» Порфирий задаёт вопросы, касающиеся природы Богов, демонов и звёзд, просит дать объяснения прорицанию и астрологии, власти имён и заклинаний, а также спрашивает, как надо

применять заклинания и приносить жертвы. Обсуждаются также вопросы о господстве духов над миром природы, и о том, кто за что отвечает; о божественном вдохновении и об одержимости человеческих существ демонами; об оккультной симпатии, которая существует между различными вещами материального мира. В особенности обсуждается искусство теургии.

Это слово, как утверждается в письме, впервые употребил Порфирий. Теургию можно определить, как что-то вроде набожной некромантии, или магического культа Богов. Порфирий выдвигает различные возражения против методов и логики теургов, прорицателей, чародеев и астрологов. На все эти вопросы попытался дать ответ Ямвлих, которого мы, ради удобства, будем называть автором этого трактата. В нём он попытался оправдать искусство теургии.

Вопросы, касающиеся божественной природы

Сначала следует отметить теорию демонов, которую сформулировал Ямвлих в ответ на вопросы Порфирия. Последний, заявив, что невежество и неискренность в вопросах, касающихся существ божественной природы, не менее вредны, чем неверие в Бога и грязные мысли, утверждал, что научная дискуссия о богах станет священным и благотворным действием. Он спрашивает, если божественная власть бесконечна, невидима и не воспринимаема органами чувств, то почему за различные части тела отвечают разные боги?

Если Боги являются воплощением чистого разума, то почему они, в изображении людей, подвержены страстям, почему в их честь проводят фаллические ритуалы и искушают их заклинаниями и сакральными жертвами? Почему проявлением божественного присутствия считаются хвастливые речи и фантастические действия? Почему, если боги обитают на небесах, теурги обращаются лишь к земным и подземным Богам? Как высшие существа могут быть вызваны по приказу низших; почему Солнцу и Луне угрожают? Почему, человек, вызывающий духов для совершения неправильных дел или для удовлетворения похоти, должен быть справедливым и целомудренным, и почему поклоняющийся богам, должен воздерживаться от животной пищи и не дотрагиваться до трупов, хотя жертва Богу включает в себя тела умерщвлённых животных?

Порфирий хочет также, чтобы ему объяснили, откуда взялись видимые и невидимые, телесные и бестелесные, добрые и злые, водные и воздушные Боги. Он хочет знать, являются ли богами звёзды, а также чем боги отличаются от демонов, а души — от героев.

Иерархия духовных существ

В ответ Ямвлих заявляет, что герои выше душ, демоны ниже богов и подчинены им и объясняет бесконечную, невидимую и неощущаемую божественную сущность с помощью терминов видимых форм, энергий и разума. Далее он приводит различия между «эфирными, небесными богами», которые прибывают в эмпиреях, и ангелами, архангелами и архонтами. Что же касается телесных, видимых, воздушных и водных божеств, то он заявляет, что Боги не имеют тел и каких-то конкретных мест обитания и что природные объекты причастны к богам или связаны с ними с помощью эфира, воздуха или воды. Каждый — согласно своей природе.

«Небесные божества, например, не имеют тел, но содержат тела в своих божественных жизнях и энергиях. Сами они не превращаются в тела, но они имеют Тело, которое превратилось в их божественную причину, и это тело не препятствует их интеллектуальному и бестелесному совершенству». Ямвлих отрицает существование злых богов, говоря, что «гораздо лучше признать нашу неспособность объяснить существование зла, чем приписать что-нибудь невозможное и ложное богам».

Тем не менее, он признаёт существование злых демонов; они для него — очень удобные козлы отпущения, на которые можно свалить все несоответствия и нечистоту религиозных ритуалов и магических церемоний.

Природа демонов

Тем не менее, Ямвлих не разделял мнения Апулея о том, что демоны подвержены страстям. Они бесстрастны и не способны к страданию. Он презрительно отбрасывал идею о том, что самых худших демонов можно изгнать дымом от животных жертв, или о том, что слабые смертные существа могут снабдить их чем-то полезным. Скорее, они испытывают удовольствие от того, что грязную плоть поглощает чистый огонь. Демоны, однако, отличаются от богов тем, что имеют тела.

Мир разделён на сферы их влияния, и они более или менее неразделимы с объектами, которыми они управляют, и опознаются по ним. Так, они могут связать тело и душу путами материи и судьбы и навлечь на тело болезнь. Злые демоны к тому же «окружены определёнными ядовитыми, кровожадными и жестокими дикими тварями», чем-то вроде вампиров и кровососов.

Ямвлих утверждает также, что существует класс демонов, которые не имеют ни разума, ни суждения; каждый из них выполняет строго определённые функции и не способен ни к чему другому. Люди, вызывая их, могут обращаться к таким демонам или силам природы, как к высшим существам, поскольку выполняя свою единственную функцию, они во всём превосходят людей; но, явившись по вызову человека, они могут подчиниться ему, как рациональному существу и начать выполнять его приказы, поскольку лишены разума.

Искусство теургии

Ямвлих защищает теургию. Чётко различает её и магию, как мы увидим очень скоро. Она также отличается от науки, поскольку использует не только физические силы природы и философии, и поскольку её невыразимую работу невозможно понять силами разума. Те люди, которые занимаются чисто теоретическим философствованием, не могут надеяться на теургический союз или причастие к богам. Но даже теурги, как правило, не способны вынести свет, исходящий от духовных существ, которые превосходят героев, демонов и ангелов, и соединения с богами, стоящими над мирской суетой, даже они достигают в исключительно редких случаях.

Теургия или искусство божественных дел оперирует «тайными знаками» и властью невыразимых символов. Так, Ямвлих объясняет большую часть деталей сакральных ритуалов и жертв, которые отвергал Порфирий, называя их непристойными или материальными и говорящими о том, что сами боги бессильны и бесстрастны. Они являются мистическими символами, «освящёнными вечностью по каким-то тайным причинам, которые более совершенны, чем разум».

Да это же самые настоящие оккультные свойства! Мы уже упоминали о том, что, по мнению Ямвлиха, природные объекты причастны к богам или связаны с ними посредством эфира, воздуха или воды, поэтому теурги вполне законно применяют в своём искусстве определённые камни, травы, ароматы и священных животных. Используя столь мощные символы, сам человек приобретает сакральный характер и получает возможность подчинить себе многие духовные силы.

Заклинания и сила слов

В теургических действиях часто используются заклинания и молитвы. Но заклинания не вызывают бесстрастных и чистых богов в этот мир; они, скорее, очищают тех, кто их произносит, от страстей

и нечистоты и вводит их в состояние экстаза, которое и позволяет им слиться с чистым и божественным началом. Эти заклинания к тому же ещё и символичны. Они обращены не к человеческим страстям и разуму «ибо они совершенно не известны или окутаны тайной, и известны только одному Богу, к которому они обращены».

В другом отрывке Ямвлих даёт ответ на возражение Порфирия, утверждая, что подобные молитвы часто составлены из бессмысленных слов и имён, которые ничего не означают (что плохо согласуется с его предыдущим заявлением о том, что эти заклинания «никому не известны»), что некоторые из этих имён, «которые мы можем проанализировать с научной точки зрения», охватывают «всю божественную сущность, власть и порядок».

Более того, если перевести их на иной язык, то они приобретут иное значение, а если даже и сохранят прежнее, то не будут уже иметь той же силой, какой обладали в родном языке. Мы встретим похожий отрывок, касающийся силы слов и божественных имён у Оригена, который жил в 3 веке, еще до Порфирия и Ямвлиха. Ямвлих делает вывод о том, что «необходимо сохранять древние молитвы... в совершенно неизменном виде».

Магия — это человеческое искусство, а теургия — божественное

Ни Порфирий, ни Ямвлих не употребляли слово «магия», но они часто ссылались на тех, кто ею занимается, и на их методы, применяя такие выражения, как обманщики и чародеи, или противопоставляя то, что было сделано искусственно или с помощью искусства, теургическим ритуалам. В последнем случае они различают то, что считается божественной тайной или откровением и то, что производит впечатление простого человеческого искусства или выдумки. А то, что «создано человеческим искусством, не может быть истинным или чистым».

Христианские писатели проводили подобные аналогии между пророчеством или чудом и гороскопами или магией. Впрочем, Ямвлих иногда называет саму теургию искусством, невольно признавая, тем самым, что в методах теургии и магии много общего. Нам также сообщают, что если теург во время ритуала совершает ошибку, то он опускается до уровня магии. Магия — это насилие над природой.

Другим различием является то, что цель теургии — достичь соединения с богами, а магия имеет дело с «физическими или телесными силами Вселенной». И Порфирий и Ямвлих верили, что между

различными объектами Вселенной, которую Ямвлих называл одним большим животным, существует гармония, симпатия и взаимное притяжение. Поэтому человек способен притягивать к себе далёкие предметы, объединять или отделять их друг от друга. Однако искусство может использовать эту силу симпатии между объектами неподходящим или чрезмерным образом, и это беспорядочное насилие над природой, как нас хотят убедить, составляет самую характерную черту магии, методы которой не являются по-настоящему естественными и научными.

Дурной характер магии

Магия не только нарушает гармонию и закон, она заставляет природные силы действовать извращённым способом или в обратном направлении. Те люди, которые ею занимаются, приносят зло и сами являются дурными людьми. С помощью своих нечистых или извращённых методов они пытаются вступить в общение с Богами или чистыми духами, но они не способны сделать всё, что они могут — это вступить в союз со злыми демонами, которые лишают их того, что у них было.

Эти злые демоны могут выдавать себя за ангелов Света, требуя, чтобы те, кто их вызывает, были целомудренными и справедливыми, но потом они демонстрируют своё истинное лицо, помогая совершать преступления и удовлетворяя людскую похоть. Это они, облачившись в маску высших духов, виноваты в тех хвастливых и наглых заявлениях, которые люди выдают за божественное откровение, на что указывал Порфирий.

Магия обманчива и нереальна

И, наконец, магия нестабильна и фантастична. «Образы, которые создаются искусственно, при помощи колдовства» не являются реальными объектами. Тех, кто предсказывает будущее, «стоя на знаках», нельзя называть теургами, поскольку они применяют суеверные, ложные и обманчивые процедуры, способные привлечь только злых демонов, эти демоны сами по себе обманчивы, поскольку создают «фиктивные образы».

В «Письме к Анебу» Порфирий также упоминает о подделках «фокусников», таким образом, мы видим, что Порфирий и Ямвлих относились резко отрицательно к магическим искусствам, однако, один из учеников последнего по имени Сопатер, был казнён при императоре Константине. Его обвинили в том, что он заколдовал ветер.

Порфирий о способах прорицания

Какое место занимает прорицание в магии и теургии? Порфирий изучил несколько методов предсказания будущего: во сне, в трансе и в полном сознании, в экстазе, в болезни и в состоянии ментальной аберрации или под влиянием чар. Он пишет о прорицании под звуки барабанов и цимбал, после питья воды и других жидкостей и вдыхания паров; предсказание в темноте, в стене, на открытом воздухе и при солнечном свете; путём изучения внутренностей жертвенных животных или по полёту птиц, по движению звёзд и даже с помощью еды. Существуют и другие способы прорицания: по знакам, образам, с помощью заклинаний, во время которых часто используют камни и травы.

Всё это показывает, что провести чёткую границу между методами магии и прорицанием невозможно, и Порфирий делает вывод, что те, кто заклинает богов, прося сообщить им, что говорит будущее, использует не только камни и травы, но и обладает способностью связывать людей или, наоборот, избавлять их от пут, открывать закрытые двери или изменять намерения людей. Среди свойств частей тела животных, о которых говорится в его трактате о воздержании от животной пищи, Порфирий показывает способность предсказывать будущее, которую можно приобрести, если съесть сердце ястреба или вороны.

Ямвлих о прорицании

Порфирий утверждал, что все пророки приписывают свои предсказания богам или демонам, но он спрашивает — а не заложена ли способность к предвиденью будущего в самой человеческой душе, что объясняется вероятно, той симпатией, которая существует между различными частями Вселенной. Ямвлих же, наоборот, считал, что прорицание нельзя относить к человеческому искусству или к свойству природы, поскольку оно имеет божественное происхождение. Он, вероятно, считал его нечто большим, чем отрасль теургии. Он утверждал, что между человеческими снами, которые иногда сбываются, а иногда — нет, и снами и видениями, посланными богами, существует большая разница, и что если человек способен предсказать будущее, выпив воды, то это потому, что эта вода была «заражена» божественным путём.

То, что мы можем сказать, что ждёт нас в будущем, во время болезни или когда мозг находится в состоянии расстройства, и что глупые или простодушные люди часто оказываются более способными к прорицанию, чем умные и хорошо образованные, является

для него ещё одним доказательством того, что знание будущего — это божественный дар, а не человеческая наука.

В то же время прорицание с помощью палок, камней, зёрен пшеницы просто усиливали его восхищение силой божественной власти. Он осуждал предсказание будущего с помощью знаков, но он не видел причин, почему прорицание в темноте, стене, или при солнечном свете или с помощью жидкостей и заклинаний не может направляться божественной силой. Однако он не связывал беспорядочные образы, порождённые болезнью, с предчувствиями, порождёнными божественными вмешательствами[67].

Он отличал «природное предвиденье» определённых животных от истинного прорицания, хотя эти животные обладают обострёнными чувствами или оккультной симпатией, которая позволяет им предвидеть некоторые события ещё до того, как их почувствует человек. Их способность очень похожа на пророчество, «но не дотягивает до него в постоянстве и истинности». Гадание — это искусство, которое способно предсказать будущее с большой долей вероятности, но оно основано на божественных знаках или знамениях, которые возникают в природе под влиянием демонов.

Являются ли звёзды богами?

Звёзды коренным образом отличаются от всех других объектов, применяемых в прорицании. Отвечая на вопрос Порфирия, являются ли звёзды богами или нет, Ямвлих не удовлетворяется ответом, что небесные божества включают в себя эти небесные тела, и что обладание телом ни в коем случае не препятствует им достичь «интеллектуального и бестелесного совершенства». Он приводит ещё один аргумент, гласящий, что сами звёзды, как простые неделимые тела, обладающие неизменными свойствами или однообразием движений, приближаются к бестелесной сущности богов.

После этого он победно, но совершенно нелогично заключает: «таким образом, все видимые небесные тела являются богами, и в определённой степени, бестелесны». Мы можем только добавить, что Херемон и другие, как указано у Порфирия, полагали,

---

[67] Хотя, как упоминалось выше, человек может во время болезни получить божественное вдохновение, но между ним и болезнью нет причинно-следственной связи.

что единственными богами являются божества египтян, а также планеты, знаки зодиака, деканы и гороскопы, а все религиозные мифы Херемон считал астрологическими аллегориями.

Существует ли искусство астрологии?

Порфирий считал, что те, кто сводит религию к астрологии, подчиняют всё судьбе, не оставляя человеческой душе никакой свободы. Более того, он утверждал, что астрология, в любом случае является недостижимой наукой. Ямвлих защищал её от этих нападок, настаивая, что Вселенная находится под управлением планет, знаков зодиака и деканов, что египтяне считали, что не всё подчиняется физическим законам. Они приписывали человеку две души: одна из них подчиняется движению звёзд, а другая — обладает интеллектом и свободой; что существует искусство астрологии, подчиняющиеся определённой системе и основанное на божественном откровении, и что длительные наблюдения халдеев, подобно любой другой науке, могли, со временем, ухудшить своё качество и в них вкрались ошибки.

Ямвлих высмеивал утверждение тех, «кто приписывал небесным телам» порочность только потому, что кое-кто из них иногда совершает зло. В своём кратком трактате «О судьбе» он снова утверждает, что все вещи в мире связаны между собой неразрывной цепью необходимости, которую люди называют судьбой, но боги могут ослабить путы судьбы, и человеческий разум тоже обладает способностью воспарить над природой, соединиться с богами и насладиться вечной жизнью.

Порфирий и астрология

Идут споры, существует ли в других работах Порфирия, дошедших до нас, свидетельства его веры в астрологию, или нет. Неизвестно и то, является ли он автором «Введения в «Тетрабиблос» или астрологический учебник Птолемея. Это «Введение», приписываемое Порфирию, много раз цитировалось астрологами более позднего времени, а в 1559 было напечатано совместно с гораздо более обширным комментарием к «Тетрабиблосу», который некоторые приписывают Проклу.

Астрологические образы

К астрологическим образам, по крайней мере, Порфирий относился гораздо благосклоннее, чем Ямвлих (это видно из его «Письма к Анебу»). Он писал: «не следует презирать и создателей действенных образов, ибо они демонстрируют движение небесных тел». Ямвлих

же, довольно неохотно, признаёт, что «искусство создания образов привлекает определённую, очень неясную часть небесных эманаций». По-видимому, он испытывал такую же неприязнь к изображениям, как и к знакам, вероятно, полагая, что от них недалеко и до идолопоклонничества.

Числовой мистицизм

Плотин, Порфирий и Ямвлих верили в числовой мистицизм. Ему посвящена шестая книга шестой «Эннеады», а Порфирий и Ямвлих написали книги под названием «Жизнь Пифагора» и трактаты, посвящённые его доктрине числа.

Каким представлял себе Порфирия Евсевий

Евсевий обильно цитирует другие работы Порфирия в своём труде «Подготовка к Евангелию», но приводит эти цитаты в своих собственных целях, например, для дискредитации язычества. Но он не отражает идей Порфирия в их полноте, и даже не пытается доказать его оригинальных теорий. Он демонстрирует, что Порфирий, описывая в вышеупомянутой работе жертвы, которые язычники приносили земным, подземным, воздушным, небесным и морским богам, часто противоречил самому себе, а в трактате «Воздержание от животной пищи» утверждал, что существа, которые любят, когда им приносят в жертву животных, являются не богами, а простыми демонами.

Евсевий приводит много цитат из Порфирия, чтобы доказать, что языческие боги были, на самом деле, демонами, что их самих надо называть волшебниками и астрологами, что они любили знаки Зодиака, и предсказывали будущее, опираясь не на свои собственные знамения, а по звёздам, используя искусство астрологии, и подобно людям, не всегда могли правильно прочитать, что предрекали звёзды. Упоминается также о вере в то, что судьбы, предсказанной звёздами, можно избежать с помощью магии.

Император Юлиан о теургии и астрологии

Император Юлиан был горячим поклонником Ямвлиха, которого он восхвалял в своём «Гимне Господу Солнцу». Этот гимн был исполнен во время сатурналий в 361 году нашей эры. Он также описывал «благословенных теургов, способных понимать неизречимые мистерии, которые прячут от толпы», одной из них была мистерия, в которой Юлиан Халдей пророчествовал о боге семи лучей. Император

сообщает нам, что с самой юности его считали чрезмерно любознательным (периерготероном — этим греческим словом обозначали того, кто желал заниматься магией) и предсказателем будущего по звёздам (астромантином).

В его «Гимне Солнцу» содержится много астрологических деталей; в нём он показывает Вселенную божественной и вечной и считает планеты, знаки зодиака и деканов «видимыми богами». Короче, «на небесах существует великое множество богов». Солнце, однако, превосходит все другие планеты, и, как отмечал Аристотель, «совершает самое простое движение из всех небесных тел, которое перемещается в противоположной всей Вселенной направлении».

Солнце также является связующим звеном между видимой Вселенной и познаваемым миром; из этого срединного положения Солнца среди планет Юлиан делает вывод, что оно также является царём среди интеллектуальных богов, ибо позади видимого Солнца располагается великое невидимое. Оно освобождает наши души от власти «генезиса» или власти звёзд, проявляемой в момент рождения, и поднимает их до мира чистого разума.

Юлиан и прорицание

Юлиан верил почти во все формы языческого прорицания, а также в астрологию. Оракулом Аполлона он приписывал заслугу приобщения к цивилизации большей части мира, благодаря основанию греческих колоний и откровениям, касающихся религиозных и политических законов. Историк Аммиан Марцеллин сообщает нам, что Юлиан постоянно изучал внутренности жертвенных животных и толковал сны и предзнаменования, и даже предложил вновь открыть пророческий фонтан, предсказания которого, как полагали многие, помогли Адриану стать императором.

После этого он закрыл его, опасаясь, что кто-нибудь с помощью этого фонтана попытается сбросить его с трона и сесть на его место. В другом месте Марцеллин защищает Юлиана от обвинения в магии. Он писал: «дурные люди приписывали этому правителю использование дурных искусств для предсказания будущего, в то время как он был образованным человеком, которого интересовали все отрасли знания. Мы вкратце расскажем, как мудрый человек может добиться этого, обладая необычным разнообразием знаний. Дух позади всех элементов, постоянно и повсюду проявляющий активность в пророческом движении вечных тел, дарует нам дар прорицания с помощью

различных искусств, которые мы применяем; а силы природы, которые умиротворяются различными ритуалами, словно неиссякаемый источник, снабжают человечество пророческими заявлениями».

Научное прорицание

Аммиан, таким образом, считает искусство прорицания серьёзной наукой, основанной на природных силах, хотя конечно, характеризуя неоплатонический способ мышления, он смешивает духовное и физическое и заменяет научные эксперименты умиротворяющими ритуалами. Его фраза «пророческое движение вечных тел» почти наверняка обозначает звёзды и демонстрирует его веру в астрологию. В другом месте он отмечает, что среди римских аристократов его времени (конец 4 века) была широко распространена вера в астрологию. Вот его слова: «тот, кто отрицает существование высших сил в небе, не считает неприличным появляться на публике, на обеде или в бане, не посмотрев предварительно в альманахе, где находится сейчас Меркурий или не узнав точного положения Луны в созвездии Рака».

Это, конечно, насмешка, но Аммиан, вероятно, в такой же степени был недоволен тем, что римляне не верили в духовные силы на небе, как и тем, что они чрезмерно верили в суеверия. То, что астрология и прорицание — это наука, он демонстрирует в описании того, чему учат в Александрии. Восхваляя медицинское образование, которое он здесь получил, и упоминая о том, что юношей здесь обучают геометрии, музыке, астрономии и арифметике, он пишет: «в добавление к этим предметам, они изучают науку, которая выявляет пути судьбы».

Прокл о теургии

Рассказ Ямвлиха о теургии в сгущенной форме повторяет Прокл (412-485 годы) в кратком трактате или фрагменте, который сохранился лишь в латинском переводе флорентийского гуманиста Фицина. Он озаглавлен «О жертвах и магии». Но в латинском тексте слова «магия» и «теургия» совсем не упоминаются.

Прокл пишет, что жрецы прежних времен основывали свою сакральную науку на утверждении о том, что между природными объектами существует симпатия, а это служит проявлением оккультных сил. Они понимали, как объекты, существующие на Земле, связаны с вещами на небесах, а потом нашли способ опустить эти божественные свойства в наш нижний мир силой симпатии, которая связывает между собой объекты.

Прокл приводит примеры симпатии среди растений, камней и животных. Лев, например, боготворит петуха, поскольку оба находятся под влиянием Солнца, но на петухе это влияние сказывается сильнее, чем на льве. Поэтому демоны с головами львов немедленно исчезают при виде петуха, если они, случайно, не являются демонами Солнечного ордена.

Признав, таким образом, важное значение астрологии и оккультных свойств для теургии и магии, Прокл рассказывает, как можно вызвать демонов. Иногда для божественной работы достаточно одного растения или камня, иногда для вызова этого божества необходимо сочетать несколько веществ и ритуалов. Вызвав демонов, жрецы переходят, частично, под их руководство, а, частично, благодаря своему тщательному толкованию символов, к изучению богов. «И, наконец, оставив природные объекты и силы и даже, в большей степени, демонов, они достигают соединения с богами».

Неоплатонические рассказы о магии, позаимствованные христианами

Несмотря на то, что Порфирий и другие неоплатоники критиковали христианство, христианские теологии в 4-м и 5-м веках активно использовали трактаты неоплатоников о магии, астрологии и прорицании, в особенности, «Письмо к Анебу» Порфирия. Евсевий в своем труде «Подготовка к Евангелию» приводил большие отрывки из этого «Письма», которые были посвящены этим вопросам, а также работы Порфирия о халдейских оракулах. Августин в своем «Граде божьем» ссылался на Порфирия, говоря о теургии и магии. С другой стороны, ни один христианский автор не повторял высказываний Плотина о том, что только жизнь разума свободна от магии; все они заменяли в этом предложении слова «жизнь разума» на «Христианство».

Неоплатоники и алхимия

Неоплатоники не проявляли особого интереса к алхимии, теургии и астрологии. Бертелот опубликовал в своей «Коллекции греческих алхимиков» «небольшой трактат о позитивной химии», который сохранился под именем Ямвлиха. Прокл описывал взаимоотношения металлов и планет, а также образование металлов под влиянием звезд. О Синезии, который был одновременно платоником и христианским епископом, и который, по-видимому, написал несколько работ по алхимии, мы поговорим в другой главе.

12

ЭЛИАН, СОЛИН И ГОРАПОЛЛОН

Трактат Элиана «О природе животных». — Общий характер этой работы. — Это — беспорядочная смесь различных деталей. — Солин в Средние века. — Даты его жизни. — Общий характер его работ; их связь с Плинием. — Животные и камни. — Оккультная медицина. — Демокрит и Заратустра не считаются колдунами. — Кое-что об астрологии. — Александр Великий. — «Иероглифика» Гороположон. — Чудеса животных. — Животные и астрология. — Кинокефалы. — Гороположон-космополит.

Трактат Элиана «О природе животных»

От мистических и теургических сочинений вернёмся теперь к работам авторов, живших в эпоху упадка римской империи, которые исследовали природу, но в несколько фантастической манере. В самом начале третьего века Элиан из Пренеста, которого Филострат включил в свою книгу «Жизнь софистов», написал трактат «о природе животных», 17 книг этого трактата, написанного на греческом языке, которым Элиан, несмотря на своё латинское происхождение, владел свободно, как полагают, дошли до нас в частично расширенной форме.

Эти книги были составлены из двух собраний манускриптов, из которых более старый и почти не подвергшийся дополнению текст был найден в парижском манускрипте 13 века и в несколько более древнем Ватиканском своде. Ряд его глав повторяет «Естественную историю» Плиния, а, возможно, были из неё заимствованы; в любом случае, они повторяют все общие места древней науки.

Однако, в этой работе есть и следы индивидуальности автора. Между этой работой и более поздним «Шестодневом» отца церкви Святого Василия тоже имеются параллели. Элиана часто цитировали Византийские писатели и учёные, если его не использовали напрямую в западных латинских странах, то по крайней мере его отношение к животным, которое проявлялось в его трудах, его выбор материала, касающихся этих животных, говорит о том, что он был достойным предшественником средневековых латинских и греческих учёных.

Общий характер этой работы

В предисловии и эпилоге Элиан сообщает нам о характере своей работы. Его восхищают обычаи и характер животных; их мудрость и природная проницательность, их справедливость и скромность, их привязанности и набожность, и людям должно быть стыдно, что животные их во всём превосходят.

Таким образом, в работе Элиана проявилось тенденция, которая присутствует во всей античной и средневековой литературе, а именно, восхищение поступками иррациональных тварей, которое свидетельствует о наличии у них почти человеческого разума и добродетелей, и морализаторство по поводу того, что многие человеческие существа всего этого лишены.

Другой характерной чертой работы Элиана является полное отсутствие в ней какой-либо системы изложения материала. Он описывает животных в том порядке, в каком они приходят к нему на ум. Этот факт он тоже признавал, но не собирался за него извиняться, поскольку ему так удобно, а то, что это не удобно для других, его совсем не волнует, и он считает беспорядочное изложение более красочным, разнообразным и приятным.

Не признаёт он никакой классификации животных, и рассказывает в одном разделе о змеях, четвероногих и птицах; не закончив описание какого-нибудь животного в одном параграфе, он рассеивает по всей свое работе отдельные его описания, примерно в каждой из 17 книг обязательно есть, по крайней мере, одна глава о слонах.

Это беспорядочная смесь различных деталей

Поэтому было бы абсурдным пытаться отыскать какую-либо логику в изложении материала; лучше всего принять как должное полное отсутствие системы у Эллиана. Мы приведём примеры , взятые наугад из его работы. Муравьи во время новолуния никогда не покидают свой муравейник, но при этом, они никогда не смотрят на небо и не отсчитывают дни на пальцах, подобно учёным вавилонянам и халдеям, они наделены этим чудесным даром от природы.

Гадюка-самка зачинает детей во рту откусывает самцу голову; во время рождения гадючата прогрызают путь наружу через её внутренности «что сказали бы на это Орест и Алкмеон, мои дорогие трагики?» Голубки кладут веточки лавра в свои гнёзда, чтобы уберечь птенцов от сглаза, а удод использует в качестве амулета асиатон (волшебный корень) или каллитриксон. Другие животные защищаются от колдовства с помощью какой-то мистической и чудесной силы природы.

В другой главе Элиан пишет о прорицании с помощью ворон, и о том, как выкрасить волосы в чёрный цвет с помощью её яиц. В ряде глав рассказывается, как в позвоночнике мертвеца рождаются змеи, а также о ядовитых женщинах вроде Медеи и Цирцеи, которые опаснее змей, чей укус смертелен, поскольку они убивают одним лишь своим прикосновением.

Далее мы встречаемся с быстрыми зверьками под называнием пиригони, которые рождаются в огне и живут в нём, о саламандрах, которые гасят огонь, о лекарственных средствах, которые черепашки применяют против укуса змей, о верности голубок, которые никогда не бросают своих мужей и не воздержанности куропаток.

Мы узнаем также о жадности некоторых животных: об олене, который прячет свой правый рог; о ящерице, которая пожирает сброшенную кожу; и о кобыле, которая съедает гриву своего жеребца, чтобы эти ценные вещи не достались человеку. О том, как аисты, цапли и пеликаны заботиться о своих престарелых родителях. И о том, как ласточка возвращает своему птенцу, родившемуся слепым, зрение с помощью определённой травы; как удод находит растение, растворяющее глину, которое смотритель дома заделал углубление в стене, в котором он построил себе гнездо[68], о том, как лев и василиск бояться петуха, и об озере, где нет рыбы из-за того, что в тех местах не поют петухи.

О том, как слоны обожествляют растущую Луну; как ласка поедает руту, собираясь вступить в бой со змеёй, о жадности ежа и рыси. Рысь прячет свою мочу, обладающую лечебными свойствами, а пойманный ёж поливает мочой свою собственную нору, чтобы никто её не занял, как индусы, собирая золото, воюют с грифонами. Как присутствие петуха помогает женщине разродиться. О безымянных зверях в Ливии, которые умеют считать и оставляют нетронутой одиннадцатую часть своей добычи. Что морского дракона легко поймать левой рукой и совершенно невозможно — правой. Драконы знают о силе трав: одними они лечатся, с помощью других — увеличивают количество яда. Как собаки, коровы т другие животные заранее чувствуют наступление голода и чумы. Как египтяне с помощью магии околдовывают птиц в небе и змей в норах.

Когда в Египте идёт дождь от капелек воды рождаются мыши и в стране начинается чума. Ни капканами, ни заборами, ни канавами

---

[68] Аналогичным образом дятел использует известную ему траву, чтобы убрать камень преграждающий доступ в его гнездо.

от них не спасёшься поскольку они умеют прыгать через рвы и стены. В результате этого египтянам приходится молиться Богу, чтобы он прекратил это бедствие — очень интересный вариант рассказа о чуме в Египте, приведённого в Ветхом Завете.

Собаки обладают способностью к диалектическому мышлению. С помощью птиц, четвероногих животных и мух можно предсказывать погоду. Коза может вылечить у себя покраснение глаз, орлы бросают черепах на скалы, чтобы расколоть их панцирь, поэт Эсхил погиб из-за этого, орёл принял его голову за гладкий круглый камень![69] Одни люди предсказывают будущее по птицам, другие — по внутренностям жертвенных животных, по зёрнам, по сыру или с помощью решета; Лукиан предпочитал делать это с помощью рыб.

Аист, который был ещё слишком мал, чтобы летать и которого спасла одна вдова в Торенте, на следующий год принёс ей яркий драгоценный камень. Если бы Солон был львом, ему не пришлось бы издавать закон о том, что дети должны заботиться о своих престарелых родителях, поскольку львята от природы наделены чувством уважения к своим старикам.

Только рог скифского осла может удержать воду Аркадской реке Стикс; Александр Великий прислал образец такого рога в Дельфе, приложив к нему стихи, которые цитирует Элиан. В Эпире для прорицания используют посвящённых Аполлону драконов, а в Лавинской роще дракон плюёт сладкую пшеничную кашу на молоке, приправленную корицей, если ему подносит её девушка, уже лишившиеся девственности. Пролетев под башней, орёл спас жизнь своему птенцу, которую с неё сбросили. Разные рыбы поедают разные морские травы. Есть рыба, которая живёт в кипящей воде при пониженном давлении. По всей книге Элиана рассеяны упоминания о чудесах Индии, а в его 16 книге первые 14 глав почти полностью посвящены животным этой страны.

Солин в Средние века

В Средние века была хорошо известна работа, датируемая временем Римской империи «Собрание достопримечательных историй» или «Полиистория» Солина. В издании Момзена приводится список 153

[69] Об этом пишет также и Плиний в своей «Естественной истории», добавляя, что Эсхил весь этот день провёл на улице, поскольку Оракул предсказал ему, что он погибнет из-за того, что на него упадёт дом. Он имел ввиду дом черепахи.

манускриптов, созданных в 32 разных местах. Мы находим много цитат из Солина, приведенных в работах более поздних средневековых авторов. Первыми начали обильно цитировать труды Марциан Капелла и Исидор.

Однако в 13 веке Альберт Великий отзывался о Солине с пренебрежением и неоднократно выражал совершенно справедливую мысль о том, что его работы полны обмана. Тем не менее, их многочисленные копии продолжали изготавливать в 14-15 веках, а к 1554 году появились и печатные издания. «Именно здесь появилась большая часть сказок в работах на различные темы, авторами которых были Дицуил, Исидор, Капелла и Присциан».

Датировка этих трудов

Первым автором, который начал использовать труды Солина, был Августин — он цитирует его в своём «Граде Божьем», а впервые Солин упоминается в «Генеалогии» 455 г. н.э. Однако, ни один из манускриптов не был создан ранее 9 века. Во многих из них приводится посвящение из более древнего манускрипта: «старанием и тщания нашего господина Феодосия, непобеждённого владыки». Считают, что эти слова относятся к императору Феодосию II, жившему с 401 по 450 г.

Тем не менее, само произведение мало похоже на христианское; наоборот, в нём очень часто упоминается прославленное в языческой религии и греческой мифологии места, а также описываются чудеса, связанные с языческими храмами и ритуалами. Да и сам Солин крайне редко упоминает о чём-нибудь более древнем, чем 1в.н.э., если вообще упоминает.

Он пишет о Византии, а не о Константинополе, и ничего не говорит о системе римских Провинций, созданных Диоклетианом. Впрочем, книга Солина представляет собой компиляцию более древних писаний, так что ожидать ссылок на его собственное время не приходится. Её латинский стиль и общая литературная обработка материала характерна для империи времени упадка и раннего Средневековья.

Момзен был склонен думать, что Солин жил в третьем, а не в четвёртом веке; но его книга, очевидно, была переработана в начале 6 века, после чего её стали называть «Полиисторией», а не «Собранием достопримечательных историй». Её также именовали «О чудесах мира».

Общий характер книги. Её связь с трудами Плиния

Эта работа посвящена, в основном, географии и построена как рассказ о странах и местностях, начиная с Рима и Италии. Приводя

информацию о странах, Солин иногда вкратце сообщает об истории той или иной страны, но основной упор делает на чудесных религиозных событиях или природных чудесах, связанных с тем или иным регионом. Так, описывая два озера, он извиняется за то, что почти ничего не сообщает об одном из них, поскольку с ним не связано никаких чудес, и уверяет, что второе «считается совершенно необыкновенным».

Порой он отвлекается и начинает описывать вещи, совсем не относящиеся к делу, например, реформу календаря. Солин брал свои географические и другие сведения, в основном, из «Естественной истории» Плиния, но, поскольку Плиний описывал многие вещи в разных книгах, Солину пришлось перегруппировать этот материал. Иногда он выбирал несколько интересных деталей из подробного рассказа Плиния о том или ином предмете и пересказывал их своими словами — порой сильно сгущая краски, а порой — наоборот, упрощая изложение.

Всё это, очевидно, делалось для того, чтобы сделать вопрос более понятным или лёгким для чтения. Из 37 книг Плиния Солин использовал лишь с 3 по 13, а также самую последнюю. Вероятно, ему были известны только эти книги, либо он намеренно ограничил себя теми разделами, которые были посвящены географии, человеку, животным и камням, опустив почти полностью подробное описание овощей и простых медицинских средств, рассказ о металлах и изящных искусств, оставив только то, что говорилось о них в двенадцатой и тринадцатой книгах.

Солин не ссылается конкретно на Плиния, хотя постоянно подчёркивает, с какой полнотой обсуждали затронутые им вопросы древние авторы, и цитирует других учёных, которые нам практически неизвестны. После Плиния его главным источником был Помпоний Мела, но у него он заимствовал гораздо меньше, чем у Плиния. С другой стороны, имеется очень важные отрывки, о которых даже Момзен не может сказать, откуда они взяты. Как мы уже говорили, рассказы Солина отличаются краткостью. Всё произведение вряд ли занимает сто страниц.

Животные и камни

Трудно сказать, какое качество книги Солина больше всего привлекало авторов последующего периода: её краткость, лёгкий стиль, относительно систематическое изложение, или упор на чудеса. Последняя характеристика является наиболее ценной для нашего

исследования. Солин оказал нам большую услугу, если можно так выразиться, ограничив описание животных и драгоценных камней, в особенности, несколькими наиболее известными примерами, которые были уже хорошо известны или стали таковыми благодаря его выбору. И вправду, учёный 19 века Кинг полагал, что описание камней, данное Солином, было более точным, техничным, и систематическим, чем у Плиния и называл его «исключительно ценным».

Солин описывал волков, рысей, медведей, львов, гиен, диких ослов, василисков, крокодилов, гиппопотамов, фениксов, дельфинов и хамелеонов; он рассказывал о чудесных свойствах таких камней, как агаты, галактит, катушит, хрусталь, гагат, алмаз, гелиотроп, геоцикт и пеанит. Его внимание привлекали также драконы Индии и Эфиопии, как и внимание Филострата в его книге «Жизнь Аполлония Тианского».

Он повторяет другими словами высказывания Филострата о том, что драконы могут заплывать далеко в море. На Сардинии нет змей, зато там водятся ядовитые муравьи. К счастью, здесь есть целебные воды, которые нейтрализуют их яд, зато в Сардинии растёт удивительная трава под названием Сардония. Если съешь её, то умрёшь от смеха[70].

Оккультная медицина

Хотя Солин и не пользовался медицинскими книгами Плиния, он проявлял большой интерес к лечебным свойствам простых лекарственных средств и к самой медицине. Он рассказывает о том, что те люди, которые спали в храме Эскулапа в Эпидавре, получали во сне советы, как излечиться от своих болезней, и что третья дочь Этея, которую звали Ангция, посвятила себя «борьбе с болезнями с помощью науке об исцелении, которая называется медицина». Согласно Солину, Цирцея, как и Медея, тоже была дочерью Этея, но в греческой мифологии её называют его сестрой.

---

[70] У Момзена, да и у Плиния, таких сведений о Сардинии нет, «они содержаться в сноске, приведённой в английском переводе «Естественной истории» Бостока и Рилли. Из неё я узнал, что смех, который Плиний называл знаком, предваряющим смерть у сумасшедших, «не является признаком веселья, а тем, что называется «сардоническим смехом». Этот смех порождается конвульсиями лицевых мышц». Именно это, по-видимому, и имел в виду Солин. Агрикола в своей работе, посвящённой металлургии и шахтам, верил в существование ядовитых муравьёв Сардинии.

Демокрит и Заратустра не считаются колдунами

Ссылка на Цирцею и Медею говорит о том, что магия, с которой, очевидно, медицина и фармакология состоят в родстве, не осталось не замеченной в творениях Солинуса. Он переписал рассказ Мела о том, что Неури периодически превращаются в волков. Однако, в отличие от Плиния, который обвинял Демокрита в занятиях магией, Солин изображает его как человека, соревнующегося с магами, поскольку он часто использовал камень катошит, чтобы продемонстрировать оккультные сила природы. Иными словами, Демокрит противопоставлял науку магии и доказывал, что все достижения последней можно усилить или улучшить, с помощью сил природы.

В других местах Солин называет Демокрита физиком или учёным и заявляет, что его появление на свет в Апдере прославило этот город больше, чем любое другое событие, несмотря на то, что Апдера была основана сестрой Дионида и названа в её честь. Солин не считал колдуном и Заратустру, которого Плиний называл основоположником магического искусства. Солин упоминает имя Заратустры три раза, называя его «наиболее искусным в самых лучших искусствах», и цитируя его слова о силе кораллов и камня аэтит.

Кое-что об астрологии

Солин не собирался описывать небеса, но время от времени, он упоминает о «звёздной дисциплине», как он называл астрономию или астрологию. Ссылаясь на Л. Таррутия, «самого знаменитого астролога»[71], он рассказывает нам, что стены Рима были заложены Ромулом, когда ему шёл 22 год, в одиннадцатый день майских календ, между вторым и третьим часом. В это время Юпитер находился в Рыбах, Солнце — в Тельце, Луна — в Весах; а другие четыре планеты — в знаке Скорпиона.

Он также пишет о том, что звезда Арктур уничтожила у Эвбеи флот Аргивы, когда тот возвращался из Илиума.

Александр Великий

Имя Александра Великого много раз упоминается в книге Солина; это свидетельствует о том, что Македонский завоеватель был очень

[71] Ссылка: Солин, вероятно, взял эти слова из книги Варрона, который, как пишет Плутарх в своей книге «Жизнь Ромула», попросил Таррутия, своего друга и отличного философа, и математика, составить гороскоп Ромула.

популярен в Средние века. Солин не только повторяет истории о нём, взятые из Плиния, но и добавляет свои. Он настаивает на том, что Филипп действительно был его отцом, хотя и добавляет, что Олимпия, желая найти для него более благородного отца, заявила, что вступила в связь с драконом, а сам Александр считал, что имеет божественное происхождение.

История об Олимпии напоминает историю Нектанеба, которую мы изложим в следующей главе, но у Солина этот персонаж не упоминается, хотя он называет Аристотеля и Калисфена учителями Александра. Солин, вероятно, не знал о «Псевдо-Калисфене». Он описывает жизнь Александра довольно точно, и его описания не сильно отличаются от «Псевдо-Калисфена».

«Иероглифика» Гораполлона

В поисках третьего текста автора того же типа, что и Элиан и Солин, обратимся к «Иероглифике» Гораполлона. В этой книге автор поставил своей задачей объяснить значение письменных символов, которые применялись египетскими жрецами, однако, на самом деле, эта работа рассказывает, главным образом, о тех же самых чудесных обычаях и свойствах животных, о которых писал Элиан.

Вкратце идея книги заключается в том, что эти характерные черты животных надо знать, чтобы понять, что означает фигура того или иного животного в иероглифическом письме. Предполагают, что Гораполлон писал на языке египтян, вероятно, в четвёртом или пятом веках нашей эры, но до нас его книга дошла лишь в греческом периоде, сделанном Филиппом, который жил век или два спустя, и который, по-видимому, внёс в неё свои собственные дополнения.

Чудеса животных

Описания животных, приводимые Гораполлоном, по большей части не новы; они повторяют те же самые ошибки, которые находим в «Истории животных» Аристотеля, «Естественной истории» Плиния, у Элиана и других древних авторов. Нам снова рассказывают о смертельном дыхании василиска, об откусанных половых органах бобра, о неестественном способе зачатия у ласки и гадюки, о том, что медведица, вылизывая своих медвежат, придаёт им форму, о доброте аистят по отношению к своим родителям.

Об осах, которых порождают конские трупы, о Фениксе, о лебединой песне, о том, что львы едят обезьян, чтобы вылечиться, о быке,

которого для укрощения привязывают к ветке дикого фигового дерева, о том, что слоны боятся баранов и собак, и о том, как они зарывают в песок свои бивни.

Менее известны истории о том, что если кобыла наступит на след волка, то у неё тут же случится выкидыш; что голубь исцеляет себя, положив в гнездо веточку лавра; что муравьи не выйдут из своего муравейника, если бросить на него крыло летучей мыши. Рассказ о том, что гиена, когда за ней охотятся, повернув направо, убивает своего преследователя, а если налево — то сама погибает, можно найти у Плиния.

Но длительное перечисление свойств, которые маги приписывают частям тела гиены, не включают одного, о котором Гораполлон пишет в следующей главе: человек, подпоясанный кушаком из кожи гиены, пройдёт через ряды вражеских бойцов нетронутым, хотя это свойство приписывали и коже других животных. Гораполлон пишет, что ястреб, а не орёл, превосходит всех крылатых животных тем, что может без ущерба для глаз смотреть на солнце; поэтому врачи используют для лечения глаз ястребиную траву[72].

Животные и растения в астрологии

Животные служат также астрономическими или астрологическими символами в системе иероглифического письма, по утверждению Гораполлона. Пальма олицетворяет год, поскольку во время каждого новолуния у неё вырастает новая ветвь, а Феникс является символом Великого Года, во время которого небесные тела завершают свои круги.

Скарабей катит свой шарик из навоза с востока на запад и придаёт ему форму Вселенной. Он зарывает его в землю на двадцать восемь дней, что соответствует лунному месяцу, во время которого Луна проходит через Зодиак, но он имеет тридцать ног, что соответствует числу дней в месяце. У скарабеев нет самок, как нет самцов у стервятников.

Самка стервятника олицетворяет египетский год, поскольку пять дней зачинает птенцов с помощью ветра, сто двадцать дней — вынашивает, столько же времени — высиживает их, а оставшиеся сто

[72] Если верить Плинию, то ястреб брызгает себе в глаза сок этой травы; Апулей же утверждал, что это делает и орёл.

двадцать дней готовится к повторению этого процесса. Стервятники также облетают поле битвы за неделю до ее начала; по направлению их взгляда можно определить, какая армия победит.

Кинокефалы

Кинокефалы, обезьяны с собачимы головами или бабуины, несколько раз упоминаются у Плиния, но Гораполлон даёт о них более подробную информацию, которая носит, в основном, астрологический характер. Они рождаются обрезанными и воспитываются при храмах, поскольку с их помощью можно узнать точное время лунных затмений. В это время они ничего не видят и не едят, а их самки *genetalibus sanguinem emittit.*

Кинокефалы живут в необитаемом мире, имеющем семьдесят две примитивные части, поскольку это животное умирает и погребается жрецами по частям в течение периода, равного количеству этих частей. В конце семьдесят второго дня жизнь окончательно покидает последний участок тела этого животного.

Кинокефалы не только отмечают время затмений, но и во время равноденствий двенадцать раз в день и двенадцать раз за ночь создают воду, отмечая все эти часы; именно поэтому египтяне высекали его фигуру на своих водных часах. Гораполлон ассоциирует Бога Вселенной с судьбой и пятью звёздами, ибо верит, что пять планет отвечают за экономику Вселенной и подчиняются правлению Бога.

Гораполлон — космополит

Трудно понять, кем был Гораполлон в первую очередь — зоологом или астрономом, филологом или археологом; но мы точно знаем, что он не был узколобым националистом и уважал историю. Египтяне, писал он, «изображали человека, который никогда не выезжал за пределы своей страны, в виде человеческие фигуры с головой осла, поскольку он не слушает никаких рассказов, и не знает, что происходит в других странах».

ПРОЕКТ КАСТАЛИЯ —
УНИКАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ СО МНОЖЕСТВОМ ГРАНЕЙ:

- Ежемесячно обновляемый эксклюзивными переводами САЙТ WWW.CASTALIA.RU

- Еженедельно собирающийся КЛУБ КАСТАЛИЯ, где читаются лекции о самых разных эзотерических и психологических традициях

- ШКОЛА КАСТАЛИЯ, регулярно проводящая открытые обучающие лекции и семинары

МЫ БУДЕМ РАДЫ ОБЩЕНИЮ
СО ВСЕМИ ЗАИНТЕРЕСОВАВШИМИСЯ
ЛЮДЬМИ!